

Владимир Валерьевич Филиппов, Михаил Борисович Елисеев

Русь против Хазарии. 400-летняя война

Предисловие

Тема противостояния Древней Руси и Хазарского каганата довольно интересна и многогранна. Это история героическая, трагическая и поучительная. Она рассказывает о том, как одно молодое государство столкнулось в самом начале своего становления с другим государством, куда более древним и могучим. Как многоплеменная славянская Русь сначала попала в зависимость от Хазарии, а затем, набравшись сил, не только избавилась от навязчивой опеки, но и уничтожила сам каганат.

Русь против Хазарии. Противостояние двух держав, одна из которых уже была великой, а величие второй было еще впереди. Противостояние, длившееся целых четыре столетия и окончившееся полным крахом одной из сторон.

Началось оно еще задолго до того, как у славян появилось свое летописание, поэтому многое в истории этого соседства строится на догадках, мифах и легендах. От преданий первых славянских поселенцев, среди которых были братья Рус и Словен, до времен могучего Святослава, разметавшего по степи остатки былого величия каганата, и его сына Владимира, вбившего последний гвоздь в крышку гроба Хазарии и поставившего победную точку в этом противостоянии, длившемся века. Именно в этой борьбе произошло зарождение, становление и укрепление государства, названного Русью.

Меч против калькулятора. Отвага, удаль и честь против трезвого точного расчета, коварства и хитрости. Воин противостоял купцу. Таким соседям тяжело ужиться рядом долго. Кто-то должен уступить, погибнуть, исчезнуть с лица земли.

Русь победила. Хазария исчезла навсегда. Но время так и не вычеркнуло из памяти это долгое противоборство. Число легенд и мифов о нем неуклонно растет. Ибо документов сохранилось мало, а поле для вымысла огромно. Поэтому неудивительно, что данная тема, особенно в последнее время, подверглась очень сильной фальсификации и стала объектом различных спекуляций. Все кому не лень стараются исказить историю взаимоотношений Руси и Хазарии. Кто-то в целях дешевой популярности, кто-то в угоду своим религиозным взглядам, а некоторые в погоне за сенсационными «открытиями». Хотя, казалось бы, возьми русские летописи, сопоставь их известия с работами византийских и восточных авторов, привлеки археологические данные, и картина будет более-менее ясной.

Ан нет!

Будем фантазировать, будем выдумывать, будем стенать и рыдать, чтобы за потоком пустословия скрыть реальную картину событий давно минувших дней.

В последнее время, особенно в популярной литературе, Хазария все больше приобретает черты чуть ли не метафизического Царства Зла, становится олицетворением страшного и ужасного чуда-юда, носителя «ига», более страшного, чем монгольское. В одних книгах Хазария выглядит этаким «логовом прогресса», государством, где все подчинено лишь одному – жажде наживы. А люди там молятся идолу, который именуется звонкой монетой. Страной, где нет и не может быть ничего святого. В иных работах она предстает жутким паразитом, сосущим последние соки из подвластных ей народов. Суть одна – не было у наших предков за всю историю врага более страшного, чем каганат.

Однако есть и противоположная точка зрения, согласно которой Хазария являлась едва ли не лучшим другом славянских народов, сдерживая натиск идущих с Востока кочевников и щедро делясь своими культурными достижениями с соседями. Будто не представляли хазары для Руси той смертельной опасности, какой ее пытаются представить сторонники первой версии в лице Льва Рудольфовича Прозорова, «ведущего историка языческой Руси». Потому что именно так именуется сей писатель в аннотациях, которые красуются на обложках его многочисленных трудов.

Одному Велесу известно, кто и за какие деяния наградил литератора столь вычурным прозвищем, но оно как-то прижилось и приклеилось к нему накрепко. А ведь когда по России-матушке пошел гулять слух, что писатель является кандидатом исторических наук, то Лев

Рудольфович сразу же сей слух опроверг и от этого звания отбоярился. А здесь, похоже, смирился. Лестно быть «ведущим»... Скромно и со вкусом.

Лев Рудольфович Прозоров, или Озар Ворон, как он себя в миру именует, является флагманом такого направления в истории, где политика, экономика и даже тактика со стратегией ничего не значат. Это все шелуха. Это все безделушки. У него на первом месте борьба вер. Борьба кровавая и бесконечная. Язычество против всех: христианства, мусульманства, иудаизма, пожалуй, только буддизм остался в стороне. Писатель даже имя себе взял, как вы уже поняли, самое что ни на есть языческое. Как он сам это понимает. Конечно, в глазах Льва Рудольфовича ворон – символ мудрости. Опять же, дальновидно и со вкусом. Только вот есть у этого прозвища и обратная сторона, далекая от мудрости, но куда более близкая к сущности этой птицы.

Ворон – падальщик. Даже легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев в посвященном ему художественном фильме постоянно напевал песню об этой птице. «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой, ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой». Автор «Слова о полку Игореве» тоже поминает эту птицу недобрым словом, не иначе как «будь то черный ворон – половчин». Ну и последнее, что хочется напомнить, так это то, что ворон чаще всего ассоциируется с викингами. Это больше их знак, чем славянский. Вороны Хугинн и Муниин (что означает «думающий» и «помнящий») – вечные спутники Одина, которые сидят на плечах грозного бога. По его приказу они облетают все миры и сообщают Одину о том, что в них происходит. Вот как-то так получается...

Довольно интересное замечание по этому поводу сделал Плиний-старший: «Эти птицы, вороны и грачи, склонны поднимать шум, и большинство людей считает его дурным знаком, предвещающим неудачу». Вот уж чего-чего, а шума от Льва Рудольфовича более чем достаточно. Здесь и крики, и стоны, и рыдания...

Странное имя выбрал себе «ледокол» российского язычества. Человек, говорящий, что стремится восстановить гордую историю своей земли.

Но дело даже не в Прозорове и иже с ним.

Просто в данной работе нам захотелось более или менее объективно ответить на некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений между двумя государствами.

По большому счету, «Русь против Хазарии» в какой-то степени является логическим продолжением нашей предыдущей книги «10 мифов Древней Руси». Там Хазарскому каганату была посвящена отдельная глава, но нам показалось, что для раскрытия столь серьезной темы одной главы будет недостаточно. В итоге появилась мысль создать эту книгу. Причем о некоторых событиях, которые были подробно разобраны в предыдущей работе, мы старались не упоминать, а некоторым дали несколько иную трактовку.

Теперь несколько слов о композиции книги. Первый раздел мы решили посвятить тем легендарным временам, о которых сохранились лишь смутные известия в виде сказаний и преданий. Другой большой раздел мы посвятили Вещему Олегу, поскольку фраза о том, что он «мстил неразумным хазарам», и по сей день будоражит некоторые умы. Значительное внимание мы уделили походам русов на Каспий и политике князя Игоря на Востоке, поскольку они напрямую касались взаимоотношений с Хазарией. И, конечно, легендарному Восточному походу Святослава, который нанес сокрушительный удар по каганату. В последней главе мы постарались собрать все сведения о хазарах, которые освещают их историю после катастрофической войны с Русью.

К тому же нам показалось немаловажным дать более подробные портреты тех русских князей, которые внесли свою лепту в конечную победу Киевской Руси над Хазарией. На страницах этой книги вы встретитесь с легендарными князьями Диром и Осколдом, которые заложили основы могущества державы русов. С пришельцем из-за моря Рюриком и его родичем Олегом, которого прозвали Вещим. С прижимистым князем Игорем и его удачливым воеводой Свенельдом. И наконец, с Великим Воителем Русской Земли князем Святославом. Хотя этот персонаж заслуживает не отдельной главы, а целой книги. Правда, работа над ней уже закончена, и книга о князе-воине сдана в издательство.

В заключение хотелось бы отметить вот какой момент. На становление Древнерусского государства большое влияние оказали именно Хазария и Византия. Но как только Русь достаточно окрепла, она тут же вступила с обеими этими державами в вооруженный конфликт. Сначала был уничтожен каганат, а затем гроза пришла и к имперским рубежам. Но Византия, в отличие от Хазарии, устояла и не только отразила атаку со стороны молодого и агрессивного государства, но и

нанесла ему поражение.

А вот Хазарский каганат свое существование прекратил. Как будто и не было его. Степные орды волнами проходили по его бывшим землям, некогда богатые города обратились в прах, а о самом народе осталось лишь одно воспоминание. Однако слава некогда грозной Хазарии пережила само государство и навсегда осталась в легендах и преданиях, которые дошли до наших дней из глубины веков.

Эта книга никоим образом не претендует на истину в последней инстанции, мы постарались лишь донести до читателей свой взгляд на проблему. Удалось ли это – судить не нам.

Время легенд

С чего начинается Родина? С такой постановки вопроса начиналась когда-то популярная песня. Ответ был прост и незатейлив. Родина начинается с истоков. А истоки уходят своими корнями в глубокое прошлое. Туда, где ни документов, заверенных печатями, ни видеофайлов. Одни легенды, сказы и баллады. Именно там, в глубине веков, на границе существования мифов и реальности, начинается наша история. История взаимоотношения двух народов. Руси и Хазар.

Окунемся в самое начало. В дела давно минувших дней, преданья старины глубокой. В те далекие времена, когда молодые и амбициозные вожди еще только выводят свои народы на широкую международную арену, чтобы в дальнейшем потрясти мировые устои. Туда, где могучие в будущем государства обозначены еще небольшой горсткой людей, стремящихся к лучшей доле.

Все начиналось с легенды. А легенда начиналась как анекдот: пришел Славянин к Русу.

На этом шутки заканчиваются.

Для того чтобы понять, зачем приходил к брату Русу брат Словен, нам придется погрузиться в мир седых легенд и мифов. Именно оттуда, из времени древнего и неведомого, приходят к нам истории о наших истоках, о наших предках. Отсюда же, хоть это может показаться на первый взгляд странным, берет свое начало и наша история, а с ней и противостояние двух соседей, или, как гласит одна из легенд, братьев.

Некоторые историки так и пытаются представить Руса и Хазара родными братьями. Как говорится, было у отца три сына, и один из них, Хазар, был крайне способен в торговле, а двое других торговать не умели, все больше на силу надеялись. Но сказы и легенды дело такое, что каждый норовит по-своему переделать. Под себя подстроить и нужный смысл донести.

Народное творчество неутомимо. Мы же проведем небольшое «легендарное» исследование. Проследим, откуда что берется. Оказывается, вариаций этой легенды немало.

Начнем мы с того, что нам ближе. С летописей русских, родных. Которые вызывают больше доверия, нежели байки современных теоретиков. По крайней мере, у нас. Оценим взгляд предков на проблему.

Легенда эта, судя по славянским летописным источникам, начиналась так:

«По мале же времени правнуцы Афетовы Скиф и Зардан отлучишася от братий своих и от рода своего от западных стран, и коснушася полуденных стран, и вселишася во Ексинопонте, и живяху тамо многа лета, и от сих породишася сынове и внуцы и умножишася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая. И бысть между ими распря и междуособица и крамола многа и тесноты ради места».

История обычная. Для тех, кому лень ломать язык, читая такой колоритный и самобытный текст, перескажем.

Два брата, чьим праотцом был сам Яфет, в поисках лучшей жизни покидают клан и уводят своих родичей на иные, более приспособленные для жизни территории. Ибо места на родине всем мало, и от этого начинаются крамола и распри. А это никому не нужно. Скиф и Зардан надеются начать новую жизнь. Осесть, проще говоря. Но род разрастается, и все повторяется по новой. Снова междуособица, брань и крамола, а причина по-прежнему старая – места для всех снова становится мало.

От «единого отца сынове пяточислении кровницы, им же имена: 1) Словен; 2) Рус; 3) Болгар; 4) Коман; 5) Истер».

Этим единым отцом является грозный Скиф. А от этих пяти братьев, его сыновей, и идет русский род. Никакого Хазара среди детей Скифа не значится. Может, суровый отец и прижил

где-то на стороне еще ребенка, но русские летописцы отыскать подобной информации не смогли.

Дальше опять все начинается по новой. Снова борьба за место, снова брань и несогласие. Жить в такой обстановке тяжело, а зачем мучиться, когда еще вокруг полно свободной земли и уже имеется богатый опыт ее освоения. Нужно только найти ту волшебную и далекую, где жизнь будет прекрасна. А ведь есть такие места. Гарик Сукачев прекрасно выразил общую мечту о счастье:

Знаю я, есть края,
 Походи, поищи-ка, попробуй.
 Там такая земля, там такая трава,
 А лесов, как в местах тех,
 Нигде, брат, в помине и нет.
 Там в озерах вода, будто божья роса,
 Там искрятся алмазами звезды
 И падают в горы,
 Я б уехал туда, только где
 Мне достать бы билет.

Что тогда были мечты о простом человеческом счастье, что сейчас. Обыкновенные человеческие желания. Люди не так уж изменчивы. Только тогда, в силу дефицита информации, они были более к ней восприимчивы. Может, и в те легендарные времена нашелся певец, по таланту сравнимый с Гариком, который напел братьям похожую песню, сидя вечером у костра, и тем самым воспламенил их сердца.

Но самому Гарику достать билет «в те края» не удалось, пришлось остаться на родине. А Рус и Словен «мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим» решили рискнуть и, подняв своих родичей, отправились на поиски этого самого обетованного края.

«...Лета 30 099 (приблизительно 2591 год до н. э.) Словен и Рус с роды своими отлучашася от Ексинопонта (Черного моря) и от роду своего и от братии».

По той же самой легенде, долгих 14 лет братья, проявляя недюжинное упорство, искали себе землю. Да такую, на которой бы им захотелось осесть надолго, а еще лучше – навсегда.

И вот «дошедша езера некоего велика, Моикса зовомаго» решили остановиться и обосноваться здесь навсегда. Озеро то Словен переименовал в Илмер «во имя сестры их Илмеры». Так Словен выбрал новую родину себе и своему народу.

С этого момента бывшие скифы начали именовать себя «славяне и реку некую, во Илмер впадшую, прозваша во имя жены Словеновы Шелони».

Словене стали адаптировать все под себя, давая в своем новом отечестве новые названия рекам, озерам и долинам. А это говорило о том, что пришли они сюда всерьез и надолго.

Свой стольный град пришельцы решили поставить на реке «зовою тогда Мутная», но старое название им не понравилось, и они назвали ее Волхов, «во имя старейшаго сына Словенова». Сам же град наименовали Словенском, а в честь кого, даже не нужно и пояснять. Позже именно этот город был назван «Новьград Великий».

Рус, видимо помня и учитывая старый опыт, селиться совсем рядом со Словеном не стал, но и уходить далеко не решился – все же родные братья, один народ. Не захотел рвать привычные связи.

Рус создал град «между двема рекама и нарече его во имя свое Руса. Реку же ту сущую едину прозва во имя жены своея Порусии, другую ж реку имянова во имя дщери своея Полиста». Его деяния не отличались от деяний брата. А что касается основанного им города, то под названием Старая Русса он и поныне стоит на берегу реки Полисть.

«И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по имяном князей своих и градов их начахуся звати людие сии славяне и руси».

Вот оно, начало всех начал. Славяне и русы.

И легенда даже попыталась датировать этот самый момент. Момент, когда наши предки пришли и закрепились на новых землях, когда начали строить первые города.

«От создания мира до потопа лет 2242, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала создания Словенска Великаго, иже ныне Великий Новьград, 327 лет».

Как гласит та же самая легенда, жили Словен и Рус между собой в любви и согласии, правда, другим народам и племенам, находящимся с ними по соседству, доставалось изрядно. А чего еще

ждать от потомков скифов!

Как глаголет летопись, «и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Обладаша же и северными странами, и по всему Поморию, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими и непроходимыми каменными горами во стране, рекома Скир, по велицей реце Обве, и до устия Беловодных реки, ея же вода бела, яко млеко».

Так выглядит легенда в русских летописях.

Историки предполагают, что «Сказание о Словене и Русе» было составлено митрополитом новгородским Киприаном (1626-1634) на основе устного народного творчества.

В XVII веке легенда о Русе и Словене нашла отражение у русских летописцев и авторов популярных тогда «Хронографов»; она начинается текст утраченной «Иоакимовской летописи» и некоторых других.

Вот, казалось бы, и все. Чудесная легенда, все ясно, все понятно. Дальше идет история... но нет.

Запад предлагает нам несколько иной вариант.

Легенда известна по «Великой Польской хронике» с XIV века:

«В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов... от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами».

Именно здесь легенда появилась в законченном виде, так как в рукописи, написанной в 1295-1296 годах (из библиотеки Яна Годийовского), отсутствует фрагмент о братьях.

Существует версия, что автор «польской хроники» добавил Руса к легенде значительно позже. В чешской стихотворной хронике Далимила Мезиржичского, созданной в 1308-1314 годах, а также в «Хронике» Яна Пшибика из Пулкавы (XIV в.) Чех и Лех фигурируют только вдвоем.

У краковского епископа Богухвала, умершего в 1253 году, а затем и в «Хронике» Пшибика Пулкавы с Раденина, а также польского историка Яна Длугоша (XV в.) герои фигурируют как три «хорватских брата».

Вот так. И никакого Словена. Про Хазара мы вообще молчим. То, что Лех был братом Хазару, можно представить только в анекдоте.

Теперь третий вариант. Он тоже существует. Это восточный взгляд на построение западного мира. В нем все выглядит совершенно иначе.

Истоки восточных легенд уходят к трудам Ибн Мукаффы, ат-Табари, Фирдоуси.

Начинается эта история издалека, еще с мифических царей Ирана.

Основой для этого творчества послужило персидское «Собрание историй» в начале XII века.

Есть в нем и родословная хазар. В качестве других братьев Хазара названы Турок, ас-Чин (китаец). Все они для анонимного автора выступали как родственные северные народы.

Это невольно напоминает лозунг: «Русские и китайцы – братья навек».

Странные какие-то родственники у Словена и Руса.

На первый взгляд информация выглядит несколько диковато. А ведь кроме них в той большой семье были болгары и буртасы, об этом нам вещает «Книга путей и стран». Все эти народы возводятся своими корнями к Яфету.

Каган Иосиф, в своем знаменитом письме поясняя, откуда идет их род, пишет, что происходят они (хазары) от Яфета через сына последнего Тогарму, у которого было, согласно каким-то родословным книгам, 10 сыновей, седьмым из которых являлся Хазар. Имена этих 10 сыновей в разных переводах выглядят по-разному, и кроме имени Хазар лишь одно переводится одинаково везде. Это самый младший сын по имени Савар. Так что и Рус, и Словен, и даже ас-Чин, возможно, родственники лишь в воображении переводчиков.

К тому же любые раннесредневековые родословные своих народов и правителей сходны в том, что восходят к библейской родословной от «сынов Ноя». И неважно в какой, в еврейской, христианской или мусульманской литературе они излагаются. Это лишь попытка увязать реальные сведения о происхождении того или иного народа с общей легендарной родословной человечества. Иосиф, отвечая на вопрос Хасдая ибн Шафрута, действовал в соответствии с традицией своего времени и учитывая политическую ситуацию.

Как считают и Новосельцев, и Кестлер – «К Яфету обычно возводились родословные

северных народов. А хазары возводятся к Тогарме. Магогом, согласно Книге Бытия, X. 2-3, звали оклеветанного дядю Тогармы. Сыном Тогармы был Хазар. Иосиф происходил от сыновей Тогармы (седьмой)» (*Кестлер*).

Так что никакого родства, ни ближнего, ни кровного, ни даже дальнего, между Русом и Хазаром нет. Это лишь выдумки восточных авторов.

Скорее всего, легенда о родстве Руса и Хазара придумана совсем не хазарами, которые просто использовали ее с пользой для себя. Они умели из всего получать выгоду. А быть одной крови с русами, пусть и в далеком прошлом, во время правления Иосифа, было не только престижно, но и актуально. А также говорило о том, что именно за счет этой далекой родственной связи хазары и смогут договориться с русами, удержать их от посягательств на свои земли. Всем остальным это не под силу.

На самом же деле легенда говорит лишь о давней связи хазар и русов. И больше ни о чем.

И хотя мы убедились, что арабо-персидские предания не имеют под собой никакой основы, давайте все-таки познакомимся с изложением хода событий восточными авторами.

Хотя бы из чувства здорового любопытства.

По-восточному красочная легенда о взаимоотношениях братьев Хазара, Руса и Славянина начинается так: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца».

Другие семь братьев, вместе с Савиром, просто побоку.

«Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе».

В этой легенде Рус выглядит пасынком, о котором забыли родители. Неприкаянным скитальцем, который не имеет даже своего угла. Он отбил от семьи и вынужден пробивать себе дорогу в жизни сам. Рус – одиночка, привыкший надеяться только на себя и свою силу.

В этом весь Восток.

Где же в итоге нашел себе пристанище для обитания Рус? «Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался. Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф по приказу отца своего. Рассказывают также, что у Руса был сын, которому в схватке с каким-то человеком разбили голову. Он пришел к отцу весь в крови. Тот ему сказал: «Иди и порази его!» Сын так и сделал. И остался такой обычай, что, если кто-либо (русов) ранит, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого. И один другому у них не оказывает доверия. Когда родится сын, отец кладет ему на живот меч и говорит: «Вот тебе наследство!»

Это описание дает слушателю или читателю возможность сразу понять, почему русы как народ такие злобные и агрессивные. Объясняет.

Мол, у Руса было тяжелое детство, жизнь на болотистом острове, где мало что растет по сравнению с изобильным Востоком. Там не жизнь, а лишь борьба за выживание, где выживает сильнейший. Русы – как спартанцы. Они граждане-воины, живут с оружием в руках и всегда готовы к схватке. А как по-другому, если все твое наследство – меч. Остальное добывай сам и надейся только на себя. «Рассказывают, что если рождается у кого-либо из них ребенок мужского пола, то кладут на него меч и говорят ему: «Нет у тебя ничего другого, кроме того, что приобретешь своим мечом» (*Мутаххар ибн ал-Мукаддаси*). Так на Востоке представляют русов.

Русов от других восточных народов отличала именно воинственность и мобильность, обеспеченная умением плавать на судах. Как же иначе, если живешь на болотистом острове.

А раз наши предки воинственны и умеют водить суда, значит, и атакуют они по большей части со стороны моря. Главное направление набегов русов как раз и шло вдоль ключевых торговых путей, один из которых связывал Северную Европу с Византией (путь «из варяг в греки»), а другой – со странами Востока (Волго-Балтийский путь).

Кому-кому, а хазарам эти направления были известны лучше других, ибо они были одними из немногих, кто научился с русами ладить. Находить точки соприкосновения к обоюдной для себя выгоде. А также использовать этот неукротимый народ с огромной пользой для себя.

Хазары умело поощряли русов, натравливая их на своих недругов.

В этой ситуации хазары выступали как бы наводчиками, указывая те цели, где можно неплохо поживиться, к тому же все это за счет своих врагов.

Поэтому чаще всего атакам русов подвергались исламские области, а это было выгодно в первую очередь Хазарскому каганату.

К тому времени, когда на Каспийском море появились русы, хазары остро нуждались в сильном союзнике для противостояния все усиливающейся мусульманской агрессии. Их главной бедой было то, что они не имели собственного флота и могли воевать только на суше. В такой ситуации грозные армады русов были как нельзя кстати. Правители Хазарии могли извлекать большую выгоду, обеспечивая беспрепятственный проход русскому флоту в бассейн Каспия. Они просто получали дополнительную прибыль за наводку, а возможно, и вооруженную помощь в борьбе за господство в Каспийском регионе. Ведь не просто так его прозвуют морем Хазарским!

Вот что сообщает о самих русах и их набегах на Каспий Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази: «И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают их товары. Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов». Очень лестный отзыв со стороны врага!

Есть еще один нюанс. На тот момент костяк вооруженных сил Хазарского каганата, гвардия Божественного кагана, состоял сплошь из мусульман, что лишало кагана свободы маневра в конфликтах с исламскими правителями. Кто будет отстаивать честь страны в этом случае? А не дай бог грянет большая война, тогда что? Как поведут себя гвардейцы? Они ведь не хазары! А русы, нападая на мусульман и терроризируя их своими набегами, не давали тем возможности ни усилиться, ни объединиться. Хазария же вновь блюла свои интересы.

По свидетельству персидского историка Ибн Исфандийара, первая экспедиция русов на Каспий (если ее так можно назвать, ибо никаких научных открытий русы не сделали, мало того, они даже научный инструмент с собой не брали) состоялась в 864-884 годах и направлена была против города Абаскуна. Достоверность этого сообщения ставится под сомнение на основании утверждения Аль-Масуди о том, что, со слов жителей Каспийского региона, никаких других разбойничьих нападений русов на прикаспийские области до этого не было.

Однако никакого противоречия между этими сообщениями нет.

Дело в том, что Аль-Масуди собирал сведения о нападении русов спустя почти 30 лет после грандиозного набега 913 года, а поэтому его информаторы могли не знать или просто забыть о локальном набеге на Абаскун, произошедшем чуть ли не полвека назад.

В 867 году горцы Табаристана, будучи приверженцами шиитов, отпали от халифата, решив поиграть в независимость. В 872 году они стали прямой угрозой для русских и славянских купцов, завоевав и подчинив себе такие крупные торговые города, как Гурган, Казвин и Рей. Это именно те самые города, которые, по свидетельству географа начала X века Ибн Хордадбега, и являлись опорными пунктами на пути наших купцов на Восток. Торговля могла быть нарушена, а это значит, что кто-то несет убытки. А если этот кто-то не кто иной, как русы и славяне, то в этом случае ответный удар не просто возможен, он очень вероятен. И произойти он мог именно в 70–80-х годах, никак не позже. Не тот народ был русы, чтобы медлить с ответом, особенно когда хазары не против такого хода развития событий. А осуществляться такие набеги могли только с ведома правящей элиты Хазарии или в союзе с ней. Кстати, имеющиеся источники как раз и дают повод предположить именно совместные военные действия русов и хазар на Каспийском море в данный период.

В персидской версии «истории» X века, составленной Табари, появляется дополнение, принадлежащее его переводчику Баламии, который упоминает в качестве главных врагов Дербента хазар и русов. Упоминает в связке, вместе, как союзников, как родственников, как братьев. Вот и подтверждение легенде.

И в поэмах ширванского поэта Хагани хазары и русы присутствуют как исконные враги Ширвана. Поэт даже пишет о вторжении русов во владения ширваншаха Ахситана I.

В поэме Низами Гянджеви происходит то же самое, и вновь русы и хазары действуют вместе. И это упоминание не последнее. Даже не привязывая их к каким-то конкретным событиям, мы видим тенденцию. Поэты пишут о том, о чем они слышаны, они не хотят этим фактом никого удивить и ничего открыть. Наоборот, они идут по пути наименьшего сопротивления, пишут о том, о чем знают все, о том, что привычно и не может удивить даже простого дехканина.

В средневековых арабо-персидских литературных памятниках имеется довольно много сообщений, где говорится о том, что хазары и русы действуют совместно.

Абсолютно точно, что в конце XII века ни о каких совместных действиях хазар и русов уже не могло быть и речи. Те времена канули в Лету. Ушли безвозвратно, но память о них еще была жива. Тот же самый Хагани вдохновлялся при написании своих поэм не современными, а какими-то более ранними источниками. То же самое можно сказать и еще об одном персидском поэте XII века – Низами Гянджеви, у которого в поэме «Искандер-наме» хазары и русы тоже действуют как союзники. И правят и у тех и у других – каганы.

Косвенным подтверждением того, что в этот период действия русов в значительной степени совпадали с интересами хазар, могут послужить ширванские и дербентские хроники. Они хоть и молчат о походах русов, но много говорят о борьбе с хазарами в первые два десятилетия X века. Но это уже закат плодотворного сотрудничества на ниве взаимного обогащения. Всему приходит конец. Поэтому ответ на вопрос, почему Рус назван в легенде братом Хазара, думаем, ясен.

К славянам у восточных авторов несколько иное отношение, и это чувствуется сразу.

Славянин у них тоже бездомный бродяга. Тоже несчастный, никчемный, не имеющий ни друзей, ни приятелей. Только, в отличие от Руса, он более слабый.

«...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар».

Никто не хочет дать скитальцу приюта.

Заметьте, и Рус и Хазар ему отказывают, причем отказывают оба. Кстати, этот факт в легенде упоминается совсем не случайно. Арабские и персидские сказители уже в столь давние времена закладывают вражду между Русом и Словеном, чтобы объяснить, почему русы привозят и продают тех же самых славян, которые им близки по крови, в рабство.

Как пишет Ибн Русте: «Что же касается ар-Русийи... У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают». И не только Ибн Русте заметил антагонизм между родственниками, Мутаххар ибн ал-Мукаддаси туда же: «Страна их граничит с страной славян, и они нападают на последних, поедают (и расхищают) их добро и захватывают их в плен». Вот такая петрушка. Вот такие нежные взаимоотношения между братскими народами. Между Русом и Словеном изначально все не слава богу.

«Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: «Здесь обоснуюсь и им легко отомщу».

Это не воин, а трус и побирושка.

Дальше все просто и логично. Обжившись, Словен начинает заниматься хозяйством и земледелием.

«И та земля обильна. И много занимаются они торговлей».

С восточной точки зрения этой легендой все объяснено идеально. Словен и Хазар – братья, поэтому хазары и разрешают славянам селиться в их городах и на их территориях, а также покровительствуют им, как своим данникам, в смысле, отдельным племенам, за небольшую мзду. Родственные же народы. У славян даже есть склонность к торговле, видимо от отца. Это в первую очередь у тех, кто поселился в Новгороде. Но, конечно, до хазар им в этом деле далеко.

Русы – воины. Озлоблены, дики, в отличие от славян, они не склонны к развитию домашнего хозяйства. Им бы все кровь лить, добычу брать да славу добывать. Они воинственны, браннолюбивы, но не столь умны. Поэтому хазары их умело и используют в борьбе против своих врагов. Расплачиваясь за это добычей, которую те же русы и берут. Хитро, по-купечески. А почему союзы именно с русами? Так ведь родственники. К тому же славяне не столько воины, сколько землепашцы. Каждый идет к процветанию своей дорогой. Если же смотреть в целом, то получается, что из этих трех родных братьев каждый выбрал именно свою дорогу. Свой путь, не пересекающийся с другими родственниками, но дающий возможность для симбиоза. Рус – войну, Хазар – торговлю, а Словен – производство. Что выбрал их желтоликий брат ас-Чин, легенды умалчивают. Видимо, неинтересно было сказителям. Зато с братом Турком нам и так все понятно, и хоть легенды Востока об этом промолчали, но мы прекрасно понимаем, что это был туризм.

А Рус и Словен, если исходить из работ восточных авторов, как не ладили, так и не ладят. Поэтому Русы, помня обиды Словена и его неисполненное обещание мести, воспринимают его потомков как недругов, с которыми нечего церемониться. Поэтому захватывают в плен и продают в рабство тем же хазарам. А что поделаешь?

В свете изложенного очень интересным является наблюдение А.П. Новосильцева:

«Заслуживают внимательного изучения данные о взаимоотношениях русов и славян. Последние служат объектом нападения русов и источником рабов, продаваемых затем в Булгаре и Хазарии. Очевидно, под этими славянами следует понимать соседние русам славянские племена, им еще не подчиненные. Одновременно какая-то часть славян уже была подвластна русам».

Такие вот семейные и братские отношения.

Подведем итог.

Если исходить из сообщений восточных историков и географов, то мы увидим, что они конкретно противопоставляют друг другу Словена и Руса. Вплоть до вооруженного противостояния. Это резко отличается от преданий и легенд Восточной Европы, которые трубят о славянском братстве и дружбе. Хотя, зная о том, как вплоть до наших дней жили славянские народы и какие у них складывались между собой отношения, есть смысл задуматься – а не правы ли все эти ученые персы и арабы? Достаточно просто вспомнить взаимоотношения потомков Руса и Леха на протяжении многих веков, и все встанет на свои места.

Вот так. Пусть мы больше доверяем нашим летописям, но сбрасывать со счетов другие варианты нельзя. Даже если они далеки от истины, то все равно могут открыть глаза на события, произошедшие в дальнейшем.

Главное, Рус и Словен братья. Почти в любом источнике. А вот хазары им не родня.

Это мы выяснили, и для нашей темы это очень важно.

Теперь, когда бремя родства над нами не довлеет, пойдём дальше.

Родоначальников мы увидели, проследим за их потомками. Документов, подтверждающих истинность этих легенд, у нас нет и не будет. Летописных свитков тогда вести никто не догадался, а если они и велись, то были утеряны, восстановить сразу не вышло, а после было уже поздно. Все остальные истории о нашей истории записаны и собраны на основе устных преданий. Нестор, как и другие его собратья по перу, лишь бережно собрал их, сохранил, упорядочил и придал им свое обрамление. Чтобы была потомкам и польза от этого чтения, и вразумление. Сказка ложь, да в ней намек. Так то сказка. Нестор же тщательно записал все дошедшие до него легенды и сказания. Пусть это и не совсем история, в привычном для нас понимании, но именно его труд лег в основу большинства летописных сводов, и из него мы узнаем о том, как жили наши предки в те далекие времена. Что совсем не мало. Описывая этот период, Нестор обобщает дошедшие до него легендарные известия в порядке обзора и хронологии, доведя их до тех времен, когда уже можно было поставить более точную датировку.

Мы можем опираться только на этот же самый материал. Никаких других документов уже не появится. Неоткуда им взяться. Поэтому и мы нашу историю продолжим именно легендами. Они не лишены здравого смысла и зерна истины. Большинство из них подкрепляются сейчас другой наукой, археологией. Так что это не враки и выдумки, а лишь художественная обработка произошедших событий.

«Так начнем повесть сию...» – этими словами начинает Нестор свою «Повесть временных лет».

Хазары в этой истории возникают практически сразу. Ибо на тот момент именно они являются одним из самых могущественных государств, которые граничат со славянскими землями. Так сказать, ближайшим соседом. А отношения с соседями не всегда безоблачны и гладки.

Но мы снова забежали немного вперед. Для начала проведем связь между предыдущей легендой и новой, той, которую еще предстоит рассказать.

Как вы уже поняли, племя Словена росло, крепло и процветало. Уже его внуки и правнуки вынуждены отселяться друг от друга, занимая все новые и новые территории. Народ славянский рос и осваивал новые земли. Племена отделялись от племен, потом делились еще раз, и каждый из таких народов давал себе новое имя. Единым было одно – все они по-прежнему были славяне, хотя отношения между ними, как это и бывает в большой семье, не всегда складывались. Каждый хотел самостоятельности. Нас в первую очередь интересует племя полян. Ибо именно от них и «пойдет Земля русская».

«Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи

мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньне в Киеве» («Повесть временных лет»).

Византийский историк Прокопий Кесарийский так характеризует славян VI века: «Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни лишь штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные... По существу, они не плохие и совсем не злобные. В древности эти племена называли спорами (рассеянными), думаю, потому что они жили, занимая страну спораден, «рассеянно», отдельными поселками».

Может, Борис Николаевич Ельцин отсюда и почерпнул свое любимое обращение – «рассеяне». Кто знает? Возможно, связь времен! Не зря первый президент столько времени посвящал работе с документами.

Маврикий Стратег, император Византии, продолжает тему о славянах: «Они многочисленны, выносливы, легко переносят холод и жару, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, в особенности проса и пшеницы».

Все переносят славяне, и сил у них в достатке, и здоровья. Но они не настолько агрессивны, их цель на данный момент – мирное хозяйство. Земледелие и скотоводство.

Первым официально упомянутым правителем Полянской земли является Кий, который, согласно летописи Нестора, и основал Киев. По мнению академика Б.А. Рыбакова, это событие «следует относить к концу V или к первой половине VI века нашей эры». И с этим предположением мы полностью согласны. По другой версии, это произошло на рубеже VIII-IX веков, в 790-800 годах.

Вот отсюда и начинаются истоки государства, позже названного Русью. Но пока это еще не государство. Это лишь первый шаг к нему.

Само имя, или, возможно, прозвище, Кий в древнерусском языке означавшее «молот» (или тяжелую дубину), видимо, наиболее точно отражает суть характера и фактуру князя. Ибо такое прозвище дадут не каждому. Хлипкого и маломощного, трусливого и осторожного таким именем не наградят. А Молоты, они дань никому не платят, они только сами берут. Наиболее ярким примером здесь является Карл Мартелл (Молот), майордом франков в 717-741 годах, который 10 октября 732 года в битве при Пуатье наголову разгромил доселе непобедимых арабов.

Пока был жив Кий, дела у полян шли совсем неплохо. Под руководством такого вождя поляне стали одним из самых крупных славянских племен, маленьким государством со своей столицей, своим войском, своим князем и своим правительством. Не каждая славянская земля готова с ними сравниться, а ведь они только часть этой большой славянской семьи.

Никакой дани они никому не платили и даже подумать об этом не могли.

Пока жив был Кий, они были самостийны, но с его смертью ситуация поменялась. В «Повести временных лет» на вопрос пришедшего к ним Аскольда они так и отвечали: «Были три брата – Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». О том же свидетельствует и В.Н. Татищев: «**Казары Киевом владели**, а русские, придя, ими овладели».

Такое случается часто. Был явный лидер, который знал, что делать и куда идти. И вот его нет. Начинается смута, борьба за власть, крамола. Если четкой преемственности нет, то без этого не обойтись. Тогда на этот огонек подтягиваются и соседи, надеясь, что и им что-то перепадет от хозяйских щедрот. Лучше всего нападать на слабого, больного и неуверенного, чем на сильного, здорового и вооруженного.

Кстати, вот здесь и появляются хазары. Сейчас это могучее государство, способное защитить от любого врага своих вассалов и гарантировать право на мирный спокойный труд за умеренную плату. Совсем недавно они смогли остановить самих арабов, а тем удалось нагнать страху на многие народы. Но хазары выстояли. Теперь они пользовались приобретенным авторитетом. Как истинные купцы, или торговцы, они умели торговать всем, в том числе и своей военной мощью. Чего ей зря пропадать? Поэтому они предлагали ее за умеренную плату всем нуждающимся. Если быть точнее, то они предлагали всем желающим защиту от внешних врагов и спокойную жизнь в

обмен на разумную плату в беличьем эквиваленте. И все это исключительно добровольно. Вот чем хазары отличались от многих «хищников и поработителей». Они умели предложить. Умели обойтись без лишней крови, если в ней не было необходимости. И при этом они расширяли сферы своего влияния.

Хазары не приставляли нож к горлу, как разбойники с большой дороги, не пытались вытрясти из своих вассалов все до последнего гроша. Подходили разумно и взвешенно. Сразу видно – купцы, экономисты. Знали, что, кому, как и за сколько можно предложить.

Лишь с начала IX века некогда мощное государство хазар утратило свой наступательный потенциал и крупных войн не вело, хотя время от времени конфликтовало с близлежащими мусульманскими владениями.

Это подтверждает и археология.

«В ходе раскопок выяснилось, что в VII-IX веках славянские поселения широко распространяются в той лесостепной зоне, где после окончательного разгрома Хазарии славяне смогли вновь появиться только уже с казачьими станицами.

То есть под эгидой хазар славяне, естественно давая дань, могли спокойно заниматься земледелием, и хазары даже были в этом заинтересованы, так как хотя они и были кочевым народом, ориентированным на скотоводство, но и им нужен был хлеб. Так что эпоха Хазарского каганата являлась одновременно и расцветом славянской колонизации лесостепи Восточной Европы, когда славяне доходят до Дона и их поселения существуют в относительной безопасности: кочевники не угрожали им до тех пор, пока сильна была власть кагана» (Петрухин).

«Можно считать провидческим взгляд В.О. Ключевского на «хазарское иго», как на отношения, способствовавшие развитию экономики славян.

Во всяком случае, урегулированные отношения со степью всегда были лучше спонтанных набегов кочевников; показательно, в частности, и отсутствие выраженных укреплений на большинстве поселений волынцевской культуры.

А.Н. Насонов в уже упомянутом специальном исследовании показал, что Русская земля в узком смысле – область Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств – действительно складывалась в пределах племенных территорий, с которых брали (по летописи) дань хазары» (Петрухин).

Петрухин прав. И не надо на это обижаться и губы дуть. Такой симбиоз был выгоден и тем и другим. В данной ситуации для тех же славянских племен было лучше развиваться так, чем не развиваться вообще. Не все выбрали этот путь. Древляне изначально шли по пути свободы нации на самоопределение. Поэтому они выбрали независимость. Но это было очень мощное славянское племя, тягаться с которым на равных могли лишь поляне. С полянами как раз все было сложнее.

Пока они меж собой отношения выясняли, их позиции в регионе пошатнулись. Древляне перехватили инициативу и стали выдавливать полян с приглянувшихся им мест. Пока это еще было только начало. Пока древляне не начинали открытой войны, но уже и те, кто послабее, но понаглее, стали щипать полян по границам их, загоня в леса и горы, вытесняя с насиженных мест. А вести по степи разносятся быстро. Правда, не так быстро, как сейчас, но все же. Дошли они и до хазарского кагана. Ему лишние земли никогда не были помехой. Раз кого-то притесняют и обижают, то почему бы и не помочь? Тем более не бесплатно, а по выгодному взаиморасчету. Нормальное предоставление услуг. Честный обмен. Белка на Востоке хорошо идет. Отчего бы и не увеличить товаро-белочный оборот.

Некоторые историки относят подчинение хазарами Киева к 840 году. Вроде бы как между хазарами и плотно на тот момент сотрудничающими с ними мадьярами было достигнуто соглашение, по которому Киев был оставлен в подчинение венгерскому военачальнику Олому.

Согласно нотариусу Белы, мадьярский воевода Олом (или Алмус) разбил киевлян, которые были принуждены после этого признать его господство. «Повесть временных лет» упоминает дворец Олома («Олмин двор»), который был расположен на холме возле Киева. Эта гора была известна как поселение угров (мадьяр) – Угорское.

Хотя кто такой этот самый Олом, или Алмус, не знает даже все в себя вбирающая Википедия. А если и знает, то умалчивает, утаивает информацию от народа.

Но вновь обратимся к историкам и географам Востока, и они поведают нам довольно интересную информацию по данной проблеме. В изложении Гардизи она звучит так: «И они (венгры) побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их (как

источник) рабов. И венгры – огнепоклонники, и ходят к гуззам, славянам и русам, и берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию) и продают...И постоянно нападают на славян, и от венгров до славян два дня пути...»

О том, что между славянами и мадьярами идет серьезное вооруженное противостояние, сообщает и Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази: «Зимой на них нападают венгры, и как результат взаимных набегов, у них много рабов».

Действительно, конфликт между двумя народами налицо, однако по поводу срока, когда он происходил, нас терзают смутные сомнения. Попытаемся объяснить почему.

Поляне стали уязвимы сразу после смерти Кия. Тут и появились хазары и их наймиты мадьярские. Они такие моменты не упускали. Самое лучшее предложение – это предложение, сделанное вовремя. Так вышло и с полянами. Время было выбрано на редкость удачно. Раз своей силы нет, то деваться некуда, приходится платить дань хазарам. С мадьярами совсем не договориться, они как цепные псы на службе каганата. В столь критический момент дешевле будет откупиться и, используя влияние могущественной державы, встать на ноги. Так поляне и сделали. Платили исправно дань, занимались хозяйством, а главное, неторопливо набирались сил для будущих свершений. Сколько времени это продолжалось, сказать сложно. Можно только предположить, когда закончилось: как только к власти пришел князь Дир и ситуация для полян поменялась в лучшую сторону. Дир оказался правителем толковым, с сильной крепкой рукой и светлой головой. Такой сам кого хочешь напугает. Платить дань хазарам уже оказалось делом ненужным. Излишним.

Славяне сбросили со своей шеи ярмо и вновь стали народом свободным, независимым, а главное – опасным.

Теперь вернемся к датам и цифрам.

В 833 году хазарский каган направил посланников к императору Феофилу с просьбой прислать опытных инженеров для строительства крепости на Дону, необходимой для защиты от врагов. От кого он планировал там защищаться?

А защищаться, кроме как от русов и славян, больше не от кого, поскольку печенегам еще не удалось прорваться в Донские степи и Приднепровье. С другой стороны, если большинство славянских земель исправно платят дань, спокойно занимаясь земледелием, то опасных для каганата славянских племен остается не так уж и много. Явно, что не одни русы так хазар перепугали. Кто-то считает, что Саркел был нужен в первую очередь для борьбы против кочевников, например, тех же мадьяр – венгров. Но это вряд ли. Венгры были больше цепными псами на службе все тех же хазар. И так было до тех пор, пока не объявились печенеги. Так что чего от мадьяр такую оборону городить? Понятно, что ее мало не бывает, но все же. У славян врагов было больше, а крепостных сооружений не было почти совсем. Лучшей защитой от врагов была личная доблесть граждан.

Император Феофил быстро отреагировал на просьбу Божественного кагана. И в 834-837 годах византийские инженеры, возглавляемые Петроной Каматиром, построили на левом берегу Дона, в районе нынешнего города Цимлянска, крепость Саркел. Крепость имела вид удлиненного четырехугольника, сложенного из красного кирпича (180 x 120 м). Кирпич изготавливался и обжигался здесь же. «Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек» (Константин Багрянородный). Ее толстые (3,75 м), высокие, под десять метров, стены были усилены башенными выступами и массивными угловыми башнями. Планировка крепости, сделанная, по-видимому, византийцами, отличается изумительной геометрической правильностью. Строительная же техника местная, довольно примитивная. Саркел населяли не только хазары, из которых состоял гарнизон крепости, но и болгары.

Однако одним Саркелом дело не ограничилось, и помимо него на Дону было построено еще несколько крепостей. Одна из них (Семикаракорское Городище) располагалась на месте впадения реки Сал в Дон, на его левом берегу, и была крупнейшей в системе обороны. Другая крепость, известная в наши дни как «Правобережное Цимлянское городище», также являлась одним из звеньев этой цепи. Причем вся эта мощная линия обороны создавалась с помощью Византии, которая не имела ничего против того, что хазары не просто оградились от Руси линией донских крепостей, но и перекрыли торговый путь Киев – Итиль.

Это лишь первый момент.

Под 839 годом в «Бертинских анналах» встречается первое упоминание о Русском государстве. В них указано, что в 838 году к базилевсу Феофилу II явились послы, «которые утверждали, что их, то есть их народ, зовут Рос; по их словам, они были направлены к нему царем их, называемым хаканом, ради дружбы».

То есть официально появляется Русская земля.

Появляется сильная держава, которая уже может позволить себе слать послов в Священную Римскую империю и Византию. И держава, которая, исходя из каких-то своих собственных соображений, прерывает скандинавам пути на Восток. Исландские саги подчеркивают, что ярлы и конунги ходили теперь только до Сюслы (Эзеля), а дальше не шли – земли были под контролем сильной власти.

И это власть, которую скандинавы не на шутку опасаются, с которой не хотят вступать в конфликт именно потому, что шансов на успех не так уж много.

Все это уже сороковые годы. Немало сделано.

Теперь вернемся немного назад.

Могучий Молот умер, оставив сиротами своих подданных.

Изнуренные внутренними противоречиями, поляне решили принять покровительство хазар. Ведь соседи не упыри, много не запросят. А какая-никакая стабильность в стране всегда желательна. Раз нет силы, лучше заплатить и жить спокойно. Опять же, хазары довольно терпимы, ни религии, ни обрядов, ни философии своей они славянам не навязывают. Плати только вовремя, а там живи как твоей душе угодно. И революций не устраивай. Но все меняется. Меняется подход к делу и самих полян, как только на княжение в Киеве садится князь Дир.

Не случайно В.Н. Татищев изменение политической ситуации в Киеве связывал с утверждением у кормила власти новых правителей, в частности Осколда: «Казары, хотя не иначе как под властью греческих императоров были, однако ж своих владетелей, или каганов, имели... и до пришествия Оскольда или Олега в Киев всею оною страню владели... Оный их от власти отрешил». На наш взгляд, этот процесс начался именно при Дире, который и был предшественником Осколда, недаром они практически во всех летописных сводах действуют вместе, как «Асколд и Дир».

Но тот же Василий Никитич четко указывает, что жили они в разное время: «Оскольд и Дир хотя два человека, однако ж Иоаким одного именовал, и по всем обстоятельствам видно, что один был».

На это же обратил внимание и Б.А. Рыбаков: «Личность князя Дири нам не понятна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Осколду, потому что при описании их совместных действий грамматическая форма дает нам одиночное, а не двойное число, как это должно было бы быть при описании совместных действий двоих лиц». Вывод один – правили в разное время.

Теперь обратимся к труду Аль-Масуди, в котором сообщаются по интересующему нас вопросу довольно интересные сведения: «Первый из славянских царей есть царь Дири, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы прибывают в его землю с различного рода товарами». Конкретно указано – царь Дир.

Почуввав свою силу, решили поляне на дани сэкономить. Вновь проснулась в них тяга к независимости. Тем более и лидер уже был подходящий.

Тут и пришло время нашей очередной легенды.

Как нас учит Л.Н. Гумилев, нужно быть более гибкими. Проявлять смекалку, активность и, конечно же, дедуктивный метод. Именно так мы и сделаем. У Нестора эта легенда стоит, так сказать, в безвременье. В том разделе, куда Нестор свою датировку еще не ставит. Он использует эту ситуацию для рассказа поучительной истории, в которой участвуют и славяне, и хазары.

Таких сказаний на самом деле не так много. Хазары встречаются в нашем устном народном творчестве совсем не часто, можно сказать, практически не встречаются. Рассказывая эти легенды, мы не пытаемся воспроизвести их точно. На то она и легенда, чтобы иметь различные вариации. Наша задача передать смысл того, о чем эта легенда гласила. Донести мысль летописца, не исказив при этом исторических реалий.

В силу того, что мы уже рассказывали об этом предании в предыдущей книге, несколько его изменим. Модифицируем, чтобы не утомлять читателя однообразием, а заодно и поясним некоторые моменты, подтверждающие наше изложение.

Прежде чем рассказать вам старую легенду на новый лад, мы приведем текст полностью, так, как он прописан в «Повести временных лет». Благо он невелик:

«По прошествии времени, после смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению».

Однако свою легенду мы перенесем во времена более поздние.

Кий уже умер. Дань хазарам поляне регулярно выплачивают. И вдруг, ни с того ни с сего, поступление податей с их земель в хазарскую казну прекратилось. Ручеек иссяк.

Видимо, хазары не сразу, но смекнули, что дело не чисто. Надо разбираться, пускать такие дела на самотек нельзя.

Подумал каган, почесал тыковку и решил: отправлю своих людей. Они на месте и разберутся. А то опоздаешь, так другой место займет, будет с полян дань собирать. Нельзя упускать момент.

Вот и отправились хазарские налоговики в путь. Выяснить причины. Провести ревизии. Проверить документацию, а если придется, то и наказать кого следует. Выписать штраф. А после уже и к своему царю на доклад.

Путь от Хазарии не близкий. Пока весть получили, пока обдумали, пока решились да верблюдов оседлали. Пока грамоты, полномочия и документы выписывали да командировочные получали, пока до земли полянской дотащились, глядь, а в Киеве уже все поменялось.

Когда посольская группа приблизилась к воротам Киева, в Полянской земле уже правил князь Дир. Он решил все вопросы единовластия, и даже успел навести в городе дисциплину и порядок. Все встало на свои места, и жизнь вошла в привычное русло. У полян вновь возросло самосознание. Даже древлян на место поставили.

И тут к городу подъехали хазары. Возможно, они уже поняли, что в городе что-то не так, но установка есть, а значит, надо ее выполнять. Тем более каганат могуч, а поляне пока всего лишь «пассионарное племя», как их Гумилев называл. Смысла данной фразы хазары не поняли, но слова теоретика в душу им запали. А вот вопрос, по которому они приехали в Киев, выглядел с их стороны для полян прямой угрозой. Но роль нужно было играть до конца. В противном случае нужно было разворачивать коней да верблюдов и отправляться восвояси.

Полянский князь Дир не был бюрократом, поэтому принял хазарских послов без проволочки. Князь встретил их лично, торжественно в дворцовой зале. Сам сидел на троне, в «новой короне», рядом и за его спиной – здоровенные амбалы в доспехах, каждый поперек себя шире. Лица добрые, улыбочивые, но какая-то угроза в них все же таится.

Мускулами поигрывают, видимо, энергия так и просится на волю. И как-то нехорошо они на хазарских послов поглядывают.

И спросил князь Дир послов ласково:

– Чего вы от нас хотите, гости заморские? Какое у вас ко мне дело?

– А дело у нас государственное, – ответствовали послы. – Почему перестали дань давать Божественному кагану на содержание и за защиту от врагов ваших внешних? Не хотите ли вы, многоуважаемый князь Дир, возобновить выплаты? А то ведь и проценты за просрочку могут пойти, а это неприятно ни нам, ни вам. Зачем лишние эксцессы? Вы вот экономику спокойно развиваете, благосостояние народа увеличиваете, а мы волнуемся. А ведь именно мы вам гарантируем мирное небо и покой. И ведь главное, мзду мы за такое покровительство берем не большую. По белке с дыма. И вас это не обременяет, и нам достаточно.

Так что передать Божественному кагану? Каков будет ваш ответ?

Призадумался ненадолго князь Дир, однако быстро нашелся с ответом. Поднялся он со своего княжеского стольца, распрямился во весь могучий рост и подошел к послам вплотную. Поежились послы при виде такого гиганта, даже отступили на шаг, как от надвигающейся угрозы. Тогда широко улыбнулся князь Дир, отстегнул от пояса свой огромный меч, что не каждому хазарину поднять по силам. Протянул его оторопевшим послам и сказал:

– Передайте от меня этот меч вашему кагану. Он один стоит всех тех беличьих шкурок, о которых вы просите. Это мой ему ответ. Я слышал, что ваш правитель мудрый человек, а значит, он и сам все поймет.

Привезли хазары эту странную дань домой, передали они кагану и меч, и слова киевского князя.

– Вот та странная дань, которой откупился от нас киевский князь, – доложили они.

Теперь пришел черед задуматься Божественному. Не сразу он понял, что хотел сказать ему киевский князь, но все же сообразил, что не дань это никакая вовсе, а намек, да еще и с угрозой.

У хазарского оружия, сабли, мол, одна только острая сторона, а у полян оружие обоюдоострое – мечи. И не собираются они подчиняться да в ноги кланяться, а сами вскоре планируют собирать дань, как с Хазарии, так и с иных земель.

С тех пор хазары стали остерегаться киевских князей и в пределы Русской земли старались не вторгаться.

Кстати, и Петрухин отмечает, что «в эпоху хазарской дани в VIII в. погребальные памятники хазарской дружины не «заходили» на территорию будущей Русской земли: реально освоили эту землю именно русские дружинники, судя по материалам некрополей».

Видите, наука вновь подтверждает легенду.

То есть дань хазары брали только с тех славянских племен, кто готов был ее платить.

Л. Гумилев пытается придать легенде не только определенный смысл, но и обозначить точную дату происшедшего. И ставит он ее 941 годом. Временем, когда на Руси правил князь Игорь. Вот так в исполнении Льва Николаевича легенда срастается с реальностью. Одна беда: это сращение происходит только в мозгах популярного историка. Других доказательств этой гипотезы у него нет. Он даже обвиняет Нестора в том, что тот все путает – и даты, и названия, мотивируя это квасным патриотизмом последнего. Только Нестор не неумеха и недоумок. Он, может, что-то и путает и в датах бывает порой перекосяк, но вот последовательность событий летописец практически всегда отображает правильно. Поэтому он и ставит эту легенду в начало времен, где ей, собственно, и место. Где нет еще ни дат, ни сроков. А домыслы свои Гумилев может оставить при себе. Более подробно к его бездоказательному предположению мы еще вернемся, когда дело коснется князя Игоря.

Но вернемся к нашим предкам в Киев. Там все шло как нельзя лучше. И теперь поляне постепенно стали сами переходить к наступлению на земли, территориально относящиеся к Хазарии.

Теперь уже хазары, чтобы оградить себя от славян, с которыми в союзе все чаще стали выступать более агрессивные русы, стали строить целое ожерелье крепостей. Чтобы этой цепью оградить себя от возможных нападков растущих славянских княжеств.

Вы думаете, мы случайно обратились к этой легенде и давай перепирать ее на все лады, да так, как нам вздумается? Отнюдь. Мы просто пытаемся раскрыть ее суть. Мы в отличие от Гумилева не будем обвинять Нестора, просто попробуем понять, что он хотел сказать, и только.

Смысл этой легенды у Нестора носит характер больше поучительный, чем исторический, как в те далекие времена было принято. Его целью было донести до нас мораль сей басни, не отвлекаясь по мелочам. А нестыковки действительно есть. И именно поэтому, в угоду поставленной цели, летописец сознательно идет на это искажение. И сейчас мы вам это докажем.

Нестор прекрасно знал размер дани, налагаемой на славянские племена хазарами. Он ее не раз и не два в своем труде еще озвучит. Это белка с дыма. И ничего иного. К вопросу о белках мы более детально вернемся в следующей главе. Это очень важный момент, и надеемся, что он будет для вас интересным. Пока мы его пробегаем вкратце.

Итак, белка с дыма, обычный тариф, и тут вдруг хазары непонятно с чего резко задирают цену. Давайте нам мечи. Выдайте нам оружие. Хазары – опытные экономисты, они конъюнктуру рынка знают лучше других. Мало того, создается ощущение, что поляне сами предлагают хазарам в счет будущих отношений свои мечи. Им что, крыши от страха поносило? Меч с дыма – это не белка. Это серьезно.

С чего бы это? А с того, что Нестору важна не налоговая ставка, а нечто иное. И иное – это мечи. Они должны попасть в руки кагана. Обязаны! Если их хазары не получают, то не будет и никакой морали. Поэтому поляне отдают «жадным до железа» хазарам свои мечи, до которых тут же и доходит, с кем они связались и чем это должно закончиться. Вот в чем суть легенды в

исполнении Нестора.

Поляне народ «прогрессивный и пассионарный». У них впереди большое будущее! Огромное! Светлое! Скоро они будут диктовать свои условия всем народам!

Такой вот у Нестора художественный прием. У нас же художественный прием свой, но от проводимой Нестором в жизнь идеи мы, в отличие от Гумилева, не отклонились, просто подали ее по-своему. Главное, что мы не изменили суть.

Вот у Льва Николаевича получается просто великолепно. Злобные хазары отобрали у бедных славян мечи и после этого бросили их безоружных на Византию! Как такое предположение ни объясняй, а все одно ничего умного не предложишь.

Бред – он и в Африке бред.

Видимо, не оценил Гумилев крепнущую славу русского народа. Не смог оценить всю изящность задумки Нестора. Но каждому свое.

Но это мы поговорили о полянах. Другое племя славян, которое нас в этом отношении сильно волнует и с которым не все ясно, это славяне, живущие в тех местах, откуда и вышел, как вы помните, весь славянский род. В Новгороде. Места там для земледелия не сильно хорошие. Условия не те, а ведь, как вы уже убедились, многое определяется именно географией. И вот тогда новгородские славяне избрали себе иную дорогу. Не ту, по которой пошло большинство их соплеменников. Они выбрали торговлю. Конкуренцию хазарам они в этом деле не составляли, ибо главное направление их деятельности и приложения усилий было иное. Но торговля есть торговля. Это в любом случае конкуренция. А люди хазарские в поисках новых данников забирались везде, расстояния и трудности их не смущали. А раз хазары добрались до Киева, то рано или поздно они непременно должны были нагрнуть и в Новгород. И, думаем, нагрнули.

Вряд ли для новгородцев это было такой уж неожиданностью. Ждали, знали, что рано или поздно придут. А раз придут, то ответ давать все одно придется. Вот новгородцы во главе с Гостомыслом и поразмыслили. Хазары – купцы. Деньги любят больше, чем мать родную. Конкуренцию не терпят, с купцов новгородских хоть и не три шкуры дерут, однако десятую часть таможня исправно взимает. А ее не проведешь, глаз у таможни хазарской наметан. Там такие же купцы сидят, только в погонах. Знают, как оценить и сколько спросить. А ну, и тут будет так же? Мы не земледельцы, мы купцы, с нас и спрос иной. А когда это купцы к другим купцам в подчинение ходили? Да и зачем?

Тогда новгородцы удумали оставить хазар с носом. Провести их, да так, чтобы потом самим крайними не оказаться. Вот тут и начинается варяжский след в истории Новгорода. Новгородские, или славянские, купцы уже не раз и не два бывали со своим товаром на Востоке. А кто там же с ними был еще? Правильно, их родные братья, если верить любой из легенд, – русы. Их купцы тоже там торговали, наверняка и пересекались со своими славянскими коллегами. А про то, в какие набеги на Каспий русские дружины ходили и кто такие русы по своему характеру, так это славянам лучше любых хазар было известно. Знали и то, что хазары с русами предпочитают не связываться. На всякий случай. А это значит что? А значит это лишь одно. Раз уж нужно кому-то платить, то зачем платить хазарам, если на эти же самые деньги можно пригласить на княжение, как крышу, кого-то из тех же варягов, или, точнее, русов, создать свою армию и таким образом показать хазарам фигу. Сами хазары уже такой путь проходили. Они же первые пригласили себе на трон ханом одного из вельмож тюркской династии Ашина, из народа воинственного и отчаянного, но потерпевшего поражение в войне. И такая комбинация оказалась удачной. Хан со своей ставкой кочевал по всей Хазарии, а если нужно, то раздавал соседям крепкие зуботычины, чтобы отвадить их от своей новой родины. Сами хазары уже не сражались, а спокойно жили по своим городам за счет воинского мастерства и авторитета нового правителя, развивая при этом торговлю и ремесла. Необычное решение оказалось на редкость удачным. Так почему новгородцам не повторить такой эксперимент? Главное было пригласить человека нужного. Не сильно известного, не сильно популярного, чтобы ему такая должность за счастье была. Вот тут их выбор и пал на Рюрика – Рарога – Сокола.

И надо сказать, что в выборе своем новгородцы ошиблись. О чем жалели не раз, но было уже поздно. Более подробно о Рюрике мы поговорим в следующей главе. Хотя и в этой мы к русскому «Соколу» еще вернемся. Куда же нам без легенды о первом новгородском князе, защитнике от вконец обнаглевших хазар? Кстати, надо отметить, что на первом этапе план действительно удался. Как только Рюрик с дружиной осел в Новгороде, хазары свои предложения о защите и

покровительстве сняли раз и навсегда.

Есть еще одна причина, по которой новгородцы предпочли Рюрика хазарам. И эта причина – русы. Или варяги, давайте объединим все воинственные северные племена этим обозначением.

Датчане, свеи, исландцы, русы – одним словом, северные соседи Новгорода все чаще стали воргаться в личные владения славян, нарушая их приватность.

А с варягами легче договориться такому же варягу. Ибо защита хазар могла в этом случае не гарантировать безопасность. Хазары далеко. Пока соберутся, пока придут. А варяги мобильны: налетели, пожгли, пограбили, пленных набрали и отправились восвояси. И никто им не указ. Нет для них авторитетов.

Вот что об этом сообщает «Повесть временных лет»: «В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей.

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси».

О событиях, которые произошли в Ладожском регионе, сообщает и Новгородская I летопись младшего извода, причем в ней есть существенные дополнения: «Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимь родомь владыше; а Чюдь своимь родом; и дань даяху Варягомь от мужа **по белеи веверици**; а иже бяху у них, то **ти насилье деяху** Словеномь, Кривичемь и Мерямь и Чюди».

Что здесь нас может заинтересовать? Во-первых, тот момент, что варяги берут дань той же валютой, что и хазары. Во-вторых, что заморские пришельцы творят насилие над вышперечисленными народами. И этот факт летописец четко фиксирует! Зато если мы вспомним, что информация о том, как хазары по примеру варягов **«насилие деяху»** над славянами, отсутствует, то есть повод задуматься.

Читаем Новгородскую летопись далее: «И вьсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити. И вьсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вьсташа град на град, и не беше в нихь правды». И что же мы видим? А то, что после изгнания заморских находников все вернулось на круги своя, с той лишь разницей, что победители передрались между собой.

Однако подобное развитие событий было очень опасно, потому что варяги в любой момент могли вернуться.

Это была прямая угроза.

В 862 году, согласно «Повести временных лет», происходит легендарное призвание варягов: «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Считается, что именно с этого момента и происходит разделение сфер влияния между хазарами и варягами. Вся территория между Балтийским и Черным морями была разделена на сферы будущих завоеваний, которые предстояло совершить. Хазары, подкрепленные мадьярскими племенами, избрали ареной своих свершений юг, где жили поляне, северяне, вятичи. Варягам достался север.

У полян к этому моменту уже все было налажено. И хазары могли обозначать их в сфере своего влияния, мечтать о том, что Киев везет им дань возами, просчитывать возможные барыши. Но там уже правил Осколд, который к этому моменту сам потрясывал Византию. На каганат киевский князь пока смотрел с хитрым прищуром. Пока к нам не лезут, то и мы их не тронем, оставим про запас. Придет со временем и их черед. Пока надо трясти базилевсов.

Хазары так и остались с грандиозными планами относительно полян, но при этом остальные славянские племена они держали цепко, когти свои не разжимая. Держали нежно, чтобы не придушить, чтобы не растревожить самосознание народа, не унижить, но при этом старались сделать так, чтобы поток белок в казну не иссякал. Свой авторитет поддерживали.

И пусть полянам удалось вырваться на волю, однако остальные славянские земли Хазарский каганат оставлял без своей опеки и покровительства не собирався.

Погибнут ведь на свободе неразумные! Кто их там защищать будет?

Тут подоспело время и второй легенды. Ибо временное расстояние между этими легендами невелико. С ней точно такая же история, что и с первой. Поэтому и здесь подачу материала мы изменим, а суть сохраним.

Есть такая легенда – о князе Черном. Все чаще упоминается в последнее время этот славянский князь, и в первую очередь как борец с Хазарией. А раз с Хазарией, то это напрямую касается нашей темы. Давайте разберем и это предание, распутаем и этот клубок.

Здесь уже другое славянское племя, не поляне, со своими Осколдами и Дирами. Это уже народ северян – так прозывалось данное славянское племя. Центром их земель был город Чернигов. Именно там жил и руководил князь Черный. Самой большой его бедой, судя по легенде, были хазары. Возможно, другие вожди северян относились к подчинению хазарам спокойно, исправно платя им оговоренную дань, но князь Черный был не из таких. Он мечтал о независимости и самостоятельности, хотел сам быть себе королем, или каганом. За это и боролся неустанно.

Одним из самых больших сокровищ черниговского князя была его дочь. Девушка была красоты необычайной, но при этом была на редкость независима, воинственна. Скакала на коне без усталости, белку била из лука в глаз. Однако красота есть красота. Именно благодаря ей и была известна княжна. А что вы хотите, невеста на выданье. Да и что славит девушку в первую очередь? Вряд ли езда на коне и умение рубить шашкой на скаку. Гибкий стан, прелестные глаза, чудесное личико, девичья грация. Вот о чем судачили по вечерам как княжеские дружинники, так и простые ремесленники.

Слава эта разнеслась по всем славянским городам, по всем славянским землям, а там дошла она и до ушей Божественного кагана. Каган был не женат, молод и впечатлителен. И как раз выбирал себе невесту. Сколько можно жениться на аланках?! Пришла пора менять жизнь, и по возможности в лучшую сторону!

Божественный давно слышал, что славянские девы самые красивые под солнцем, и решил проверить этот тезис. Было проведено самое тщательное расследование, и информация подтвердилась. Ибо лазутчики доставили не только самое подробное описание внешности княжны, но умудрились в непростых условиях намалевать ее портрет. Увидав его, властелин Хазарии влюбился в девушку по самые пятки. Каган забыл, что это дочь того самого смутьяна, забияки и пьяницы, который тормозил и потрошил хазарские отряды, борясь за свою независимость. Он забыл все, а что не забыл, на то закрыл глаза, и готов был простить несносного задиру, лишь бы тот отдал ему в жену свою дочь. Каган знал, что ничего невозможного для него нет, что этим своим жестом он даже делает одолжение своему будущему тестю, разом выделив его из многих славянских князьков. Все складывалось удачно. Кагану была позарез нужна и красавица жена, и небольшая армия отважных славянских воинов. Они всегда к месту. Если все сладится, он получал и то и другое.

Каган изнывал от нетерпения!

Он отправил в Чернигов послов. Черниговский князь, уведав, чего от него хочет Божественный каган, мучился непривычными размышлениями. Вроде еще вчера он был ему заклятым врагом, а ведь при таком повороте дела все может повернуться иначе. Это же совсем иной расклад, при котором он уже для повелителя Хазарии не недруг, а тесть. **Тесть самого кагана.** Соблазнительно, как тут устоять. Возможно, что в порыве благости каган даже будет называть его папой. О дальнейшем можно было только мечтать, да и то затаив дух, чтобы не спугнуть удачу, – такие перед князем открывались перспективы.

И Черный предпочел пойти на сделку. Не посоветовавшись с дочерью, он самолично отправил кагану свое благословение. Чего зря дитя тревожить? Пусть лучше сюрприз будет. Да и отец он, в конце концов, или не отец?

Когда дело было сделано, с его души прямо камень свалился. Оставалось сидеть и ждать радости и милостей. Каган щедр. Он может себе все позволить.

Казалось бы, теперь все счастливы: и каган, и князь, и северяне. Теперь наступит долгожданный мир, спокойствие, одним словом, благолепие. Если и придется теперь кровь проливать, то уже не защищая собственное незамысловатое имущество, а присваивая чужое.

Но рано они радовались. Они совсем упустили из виду характер дочурки. А он по некоторым позициям не уступал папенькиному. Нрав у нее был отцовский, а значит, крутой. Узнав, за кого ее решили выдать замуж, да еще и без ее ведома, княжна пришла в ярость. Обозвав отца предателем,

тираном и мучителем, к тому же побив подвернувшуюся под руку посуду, она пустилась в бега. А куда бежать из дома? Только в лес! Туда она и рванула. В ночь, в холод, не разбирая дороги. А лес Черниговской области большой и дремучий, мрачный, попробуй найди там княжну, да еще на ночь глядя. Как ни бились князья дружинники, как ни старались, как ни искали, сколько потов ни пролили, а результат нулевой.

Не нашли княжну. Да и сама княжна вскоре перепугалась. Пока неслась очертя голову, кипя от злости, дорогу не примечала, так и не заметила, как заблудилась. А кругом не палаты княжеские, а одни звери дикие. Волки да медведи, им тоже питаться хочется. Тут хоть три дня кричи, не докричишься, только горло сорвешь. А вокруг ночь, лес, темень, жуть! Какие-то звуки, какие-то глаза. Кругом ночные охотники, каждый готов нежным мясом черниговской княжны полакомиться. Чуть не растерзали животные молодую девушку. Но и тут ей сvezло. Каким-то чудом неподалеку охотился киевский князь. Или же, устав от охоты, на ночь расположился. Услышал он девичьи крики о помощи, бросился немедля на выручку. Русские редко медлят, когда о помощи просят, тем более воины. Спас киевлянин княжну, разогнал диких зверей.

И как в таких случаях часто бывает, полюбился юной черниговской княжне ее спаситель. Если быть точнее, то любовь оказалась взаимной. Киевский князь тоже попал под очарование спасенной им девушки. Так началась взаимная любовь.

Так начались для Чернигова неприятности.

Вернувшаяся домой счастливая княжна поставила отцу ультиматум – или она выходит замуж за князя киевского, либо не выходит вообще ни за кого и покидает отчий дом навсегда.

Тут пришло время призадуматься папе. То ни одного зятя, а то сразу два. Мало того, выбор сделал он, слово дал он, а решение приняла дочь, и совершенно с его решением несовместимое. Ситуация пикантная. Что делать?

А делать, собственно, нечего. Киевский князь не каган, но союзник тоже приличный, и дочери по душе. Вариантов лучше нет. В этом случае лучше пойти на уступки собственной дочери. Как-никак родная кровь. А значит, придется отказывать Божественному кагану, надеясь, что он войдет в его положение и не разгневется. А если и не войдет, то они и так враги. Может, хуже не будет. Главное – большой войны избежать.

Вот тут-то черниговский князь и просчитался! Он не учел, насколько сильно задел личные чувства хазарского кагана. Тем более о свадьбе уже было объявлено, приготовления к ней начаты, слово отцом невесты дадено. Гости съезжаются, подарки готовят. И что теперь?

Тихо в подушку рыдать от обиды и отчаяния? Нет! С каганами, а тем более Божественными, так не поступают. Не тот у них уровень. За свои дела и поступки придется ответ держать. Причем не только князю, но и всей Черниговской земле. Так решил разъяренный обидной отставкой каган, и тут же его войска вошли в пределы Северских земель с целью наказания обидчика. Не хотите добром невесту отдать – возьмем силой.

Разговоры окончены, войска выведены в поле. Князь Черный хоть и тугодум, но не трус, по сложившейся традиции не стал отсиживаться за городскими стенами, а смело вышел навстречу врагу. Только вот силы были изначально не равны. Но даже в этой ситуации каган пошел на хитрость. Пока его войска в поле рубились с переменным успехом против дружины Черного, отряд специально обученных людей проник через стену в беззащитный город и пошел добывать княжну. Все-таки первой целью кагана была невеста, а не уничтожение Чернигова.

Хазарские лазутчики беспрепятственно добрались до самого княжеского терема, а там, старательно и бесшумно перебив не ожидающую нападения охрану, попытались захватить драгоценный трофей без лишнего шума и пыли. Но не тут-то было. Княжна была не просто девушка с характером, кроме характера, она обладала прекрасными навыками стрельбы из лука и к тому же неплохо владела саблей. А это значительно затрудняло миссию хазарских лазутчиков. Их цель была не убить, а схватить невесту и доставить кагану живой, здоровой, по возможности без единой царапины. А еще лучше, даже не помятой. А это не так просто, когда разъяренная амазонка посылает стрелу за стрелой, да так метко, что кто-то уже поймал такую стрелу в грудь, почив на века, кто-то ранен и корчится на полу от боли. А цель по-прежнему ускользает! Хазары бережно, но неукоснительно загоняли княжну все выше и выше, пока не загнали ее в собственную светелку. Стрелы кончились, силы от махания саблей таяли, а враги все наседали. Поняв, что загнана в угол и никакого больше отсюда выхода нет, княжна решила на последний отчаянный шаг. Решив, что если она не может достаться любимому, то не достанется никому, княжеская дочь бросилась в

окно и разбилась насмерть. Как ни пытались хазарские лазутчики ее поймать и удержать, ничего у них не вышло. Девушка погибла. Кагану представить стало некого.

И тут недалеко от города внезапно раздались звуки боевых труб. Это киевский князь пришел со своей дружиной на помощь будущему тестю. Но и он опоздал. Когда разгромленные славянскими отрядами хазары откатывались прочь, оказалось, что княжна мертва. Все прелести победы утратили свое значение. Отец остался безутешен, а князь киевский, не успев найти свою любовь, потерял ее навсегда. Вот такая печальная история.

Пройдет не так уж много лет, и другой киевский князь, Олег, по прозванию Вещий, вернется в Черниговские земли, и тоже со своей дружиной. По итогам этого похода северяне попадут под власть киевского князя и будут исправно платить ему дань, в том же самом размере, что платили и хазарам. Но к этому мы вернемся позже.

Подводя итог, можно сказать одно. Поставить все в вину хазарам, как это любит делать другой Лев, а именно Рудольфович Прозоров, однозначно нельзя. Он вообще, видимо, считает, что читатель человек непритязательный и ему не так уж много и надо, только бы теплой лапшички на уши. Пусть слушает, радуется и млеет. Именно поэтому он и вдудонивает ему разную чепуху. Как бы сказал Глеб Жеглов, черниговскому князю надо было просто с дочерью вовремя разбираться и словами не раскидываться, тогда, глядишь, и обошлось бы. Хазары что, они здесь честь своего кагана отстаивали, и ничего больше. Кто бы и как поступил на месте кагана, еще не известно. Могли бы и вырезать всех подчистую, чтобы и памяти не осталось об оскорбителях.

Дальше на Русь приходят варяги. Они занимаются точно тем же, что и хазары, только вот подход у них несколько иной. Варяги и хазары стали вечными «полюсами» русской истории, воплощающими Запад и Восток, «заморские страны» и евразийские степи.

Только если каганат просто довольствовался данью, то планы варяжские простирались намного дальше. Заморские пришельцы стремились пустить на Руси корни и, воспользовавшись ситуацией, укрепить свою личную власть. Поэтому и просчитался Гостомысл. Варяги, в отличие от хазар, предлагали не только охранять, но и «возглавить» славянские княжества, чтобы обезопасить их от «угрозы», идущей с Востока. Здесь уже каждый волен выбирать себе крышу сам. Так разошлись пути славян всерьез и надолго. Зато древляне, в отличие от новгородцев и вятичей, решили, что нужно развивать самостоятельность, учиться выживать самим и ни от кого не зависеть. После чего выстроили город Искоростень, который и стал их столицей.

Поляне тоже пошли своей дорогой и основали местную династию, самыми известными представителями которой были Дир и его преемник Осколд. Ведь, если исходить из имеющихся в нашем распоряжении источников, мы можем утверждать, что их род шел от самого Кия. Осколд, правивший в Киеве после Диры, смог настолько усилить свое государство, что его дружин стала опасаться сама Византия! Именно с этого момента и идут истоки державы, названной при Вещем Олеге Русью.

Что же касается северян, вятичей и радимичей, то они решили, что им спокойнее жить под властью Божественного кагана, благо она их сильно не обременяла. Да и защита какая-никакая, а была. Ну и последние, как мы уже писали выше, – новгородцы, долго-предолго выбиравши да прикидывавши, что же оно все-таки умнее, выбрали свой, еще неведомый путь. Они пригласили на княжение и защиту от супротивников варягов, накликав тем самым на свою голову многочисленные беды.

Вот так постепенно, от легенд и мифов седой старины, мы не спеша переходим к мифу, который создает современный писатель Михаил Задорнов. Он, как вы, наверное, уже догадались, касается Рюрика-Сокола.

Итак, свою версию призвания варяга Рюрика мы уже разобрали.

Теперь представим версию популярнейшего русского юмориста.

Возможно, что нам придется самую малость повторяться, но это будет сделано для того, чтобы был лучше понятен весь дальнейший сюжет. Как говорится, повторенье – мать ученья. Закрепляем материал.

По предположениям Михаила Николаевича, новгородских словен теснили хазары, наступающие с востока. У каганата под пятой была большая часть славянских племен, подмять под себя Киев они никаким образом уже не могли, а потому и стали двигаться хазары на север.

«Что нужно землепашцам? Мир да покой!» – справедливо замечает М. Задорнов. Хазарское покровительство устраивало далеко не всех, наверное, потому, что урожай под ним хуже родится.

Хотя сами новгородцы сеять и пахать не очень любили, да и тяжеловато было им заниматься хлебопашеством в непригодной для этого местности. У новгородцев изначально упор делался больше на торговлю и ремесла, чем на развитие сельского хозяйства. Может, именно поэтому они выбрали в покровители себе не хазар, а их противников – русов.

Так в Новгороде появился Рюрик. Как он правил и что делал, мы увидим позже. Пока нас интересуют лишь взаимоотношения с хазарами. Только они.

Как их можно охарактеризовать?

Да, честно говоря, никак, поскольку не было этих взаимоотношений вовсе. Летописцы о них молчат, как воды в рот набрали. Даже намек малейшего, даже упоминания косвенного, ничего нет. Рюрик есть, славяне есть, хазар нет. Может, и рыщут где-то эти хищники в чужой незнакомой ночи, ищут новых данников себе для обогащения, но все это где-то не в пределах интересов и забот новгородских летописцев.

Хазары уже были не столь злобны. Не хотят новгородцы им подчиняться, и не надо. Выбрали себе нового варяжского вождя, и на здоровье. Разбирайтесь теперь с ним сами. Хотели «Сокола» – получите. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Теперь наплачетесь. Но так рассуждали хазары. Летописцы зевали от скуки, наблюдая за взаимоотношениями двух сторон, и упирали на внутренние распри. Но это они, современники. У них никакой фантазии.

Вот известным людям, им можно многое из того, что другим возбраняется, и, вероятно, поэтому Михаил Задорнов решил внести в отношения Новгорода и Хазарии немного задора и огня, чтобы интерес не заикался. И хотя писатель прямо призывал нас: «...читать Лаврентьевскую летопись надо прямо, без экивоков и извращений. Извращения свойственны тем, кому за взгляды заплатили», но сам же, по каким-то неведомым причинам, свой завет и нарушил. И все в угоду кино, которое по вырванным из общего контекста словам вождя мирового пролетариата является важнейшим из искусств.

Пусть и не напрямую, а через призму сценария для будущего кино Михаил Николаевич создает новую, можно сказать, новейшую легенду русско-хазарских отношений. Где его герой, в смысле, Рюрик – Рарог – Сокол, должен предстать перед зрителем-читателем во всей своей красе. Видимо, сценарий так и называется – «Жизнь за Русь».

Возможно, что цитата о героических буднях новгородского князя, не ведавшего ни сна, ни отдыха в бесконечных трудах на благо Земли русской, немного великовата, но она того стоит.

«Верным и добрым другом Рарогу-Рюрику оказался Олег. Не только со смутой разобрался, но еще разведку организовал к хазарам, к скандинавам, к племенам германским. У него заново открылся вещий дар, данный богами от рождения. Люди за прозорливость и чутье его вскоре вещим прозвали. Открылся этот дар тоже неспроста. На свое несчастье, был Олег влюблен в жену Вадима Храброго – главаря восставших. Когда Вадима казнили, затаилась вдова: решила во что бы то ни стало погубить Рарога и его братьев, которые в соседних землях княжили. Одного из них ей удалось отравить, другого со своей ватагой поймала и предала страшной казни – разорвала березами. А до самого Рюрика никак добраться не могла и потому дала понять Олегу, что готова на все, если он «хозяина» зельем изведет. Есть легенда, будто Олег из хоромов ее выскочил в гневе, когда она ему такое предложила. Устоял! Истинным мужиком оказался. Не поддался соблазну бесовскому. Тут дар его вещий к нему и вернулся. Потому как преданность и верность человеку особые силы дают.

О нашествии хазар разведка олеговская предупредила. Все словенские соседи решили отпор дать, даже кривичи на помощь пришли. Лютым было сражение! Никогда более хазары на северные словенские земли не зарились! Сам Рарог тяжелые раны в этом сражении получил» (*М. Задорнов*).

На этом и остановимся. Переварим информацию. Успокоимся и вдохнем поглубже. Переведем дыхание. Сколько же, оказывается, интересного можно узнать из такого яркого и динамичного отрывка. После никакой фильм не нужен.

Одна картина, где Вещий Олег чуть ли не без порток убегает от коварной славянской красотки-соблазнительницы, предлагающей все свои прелести в обмен на измену, дорогого стоит. Так и стоит перед глазами!

К продолжению этого опуса мы непременно вернемся в следующей главе. Кому же не интересно, что случилось дальше?

Но обратимся снова к хазарам. Раз эта легенда современная, то есть измышленная совсем недавно, то и мы ее можем интерпретировать так, как она видится именно нам. В точно такой же

современной манере. И придерживаться постараемся того же стиля, что и Михаил Николаевич.

...А сейчас хазары. Олег, он, конечно, контрразведчик знатный. Его щупальца нежно, незаметно и плотно опутали практически всю Европу и ближнее зарубежье. Что бы где ни случилось, а Олег уже об этом знает. Враги еще только задумали козни против Земли русской, а он уже и меры принял, чтобы эти пакости предотвратить. Нам он невольно напомнил не кого иного, как профессора Мариарти. Того самого, что «незримо опутал своими сетями весь Лондон».

Может, не зря Михаил Николаевич в своей книге о Рюрике довольно часто отождествляет себя с Шерлоком Холмсом? В образ только войди, остальные персонажи сами подтянутся. Жаль, что профессор по кличке Вещий не смог перевербовать одинокую запутавшуюся в жизни женщину и позорно бежал, оставив ее мучиться невостреманностью, ревностью и куковать в одиночестве, вынашивая страшные планы мести пренебрегшему ей истинному мужику. Может, именно пока он от нее удирал, придерживая упорно сползающие штаны руками, под удивленными взглядами недоумевающих прохожих, у него и дар открылся. Может, когда славянская красавица поняла, что Олег устоял перед ее «чарами бесовскими» третьего размера, то двинула от огорчения и досады ему чугунной сковородой по башке. А чего вы хотите от женщины, оставшейся без потребления?!

Знал Олег наперед, что так будет, когда к этой роковой красотке шел. Знал. Так потом всем об этом и рассказывал. Вот с этих пор и стали звать его Вещим.

Итак, разведка донесла: хазары идут! Олег тут же к Рюрику:

– Гроза идет, что делать будем, княже?

Рюрик сурово сдвинул брови и сказал:

– Биться будем! Отступить нам некуда, за нами Балтийское море!

Тут поднялись все: кривичи, лютичи, бодричи, лысичи, мокричи. Даже пьянички и те поддержали всенародный порыв. Мигуны с жевунами тоже хотели прийти, но их Страшила Мудрый удержал – своих, мол, забот в Изумрудной стране хватает, прыгуны одолели, спасу нет.

«Веди нас, Рюрик князь, смелее в бой, пусть гром гремит, пускай пожар кругом, война!» – кричали разошедшиеся не на шутку пьянички, понемногу взбадривая бодричей кружкой холодного стоялого меда. Лысичи поддержали их, обещая поснимать хазарам скальпы. Мокричи тайком вытирали слезы радости, ибо теперь появился лидер, способный их всех объединить, и совсем скоро былинники речистые поведут свой рассказ о них. Только хмурые лютичи оставались суровы. Грозно насупя брови и играя желваками, они лишь крепче сжали древки своих копий в ожидании славной драки.

Последними пришли беспощадные слепичи. Они всегда стояли до конца и никогда с поля боя не бежали. Даже если бы и попытались, то сослепу им бы это все одно не удалось. Порубили бы, как колбасу на бутерброд. Зато бойцы они были знатные и опасные. Рубили на слух все, что движется, не зная пощады, не зная милости. Не разбирая. Пленных не брали. Таким только под руку попадись. Поэтому и ставили всегда их в первые ряды.

Вот на такой радостной ноте и пошли они искать хазарское войско. Глядь, пыль столбом стоит. Но разведка доложила точно. Олег и тут не оплошал. Обогнав хазарскую конницу метров на триста, он успел отрапортовать Рюрику: хазарская конница на подходе – и тут же растворился в боевых порядках славян. Все поняли сразу, что теперь не до шуток. Драка на носу. А тут и хазары все табуном подоспели, и как давай своими кривыми саблями отчаянно махать, надеясь прорваться через центр прямо к Рюрику. Всей ватагой навалились, надеясь лишить славян славного их вождя. Под могучим напором ворогов славяне было подались назад, но слепичи устояли: устрашающе размахивая своими тяжелыми мечами, они выдержали первый натиск.

Тут и лютичи проявили свою лютость, разметав, разбросав, рассеяв по полю самые сильные полки хазарские. Лютичей же поддержали новгородцы, не уступающие доблестью своим соседям. Лютым было сражение! Все сражались стойко, плечом к плечу, и только кривичам не удалось в нем поучаствовать. Они как ушли в охват фланга противника по кривой, да так и пропали, поскольку рассчитать точный маршрут им не удалось. Опоздали на битву немного. Пришли, когда славяне хазар уже добивали, гоняясь за извергами по полям и постепенно загоняя их в леса да болота.

Так крепко хазары не огребали уже давненько. Бежали они с поля боя без оглядки, только пятки блестели да шаровары цветастые парусами раздувались. Бросая оружие, обгоняя коней. Прячась по оврагам да буеракам. Больше они с тех самых пор на северные словенские земли не зарились! Правда, князя Рюрика, который бился бесстрашно в первых рядах своей дружины,

хазары достать сумели. Посекли саблями, искололи кинжалами, порубили топорами, изжалили копьями, истыкали стрелами, да так, что подняться князь сам уже не мог. Расстроились славяне. Победа победой, а такого героя потерять – это уже беда. Взяли на руки, понесли, стали выхаживать, чтобы не дай бог не помер. Лысичи обнажили головы в знак скорби. Пьянички сразу же выпили с горя, но бодричи их ободрили: «Не падайте духом, выживет наш Сокол. Он хоть и почти старик, а крепок. Многих из нас он еще переживет».

И как в воду они глядели. Сбылось пророчество бодричей. Сокол не просто выжил, но и сумел совершить свой последний великий подвиг. Вот так, по мнению М. Задорнова, правда в нашей интерпретации, Рюрик боролся с иноземной нечистью, посягающей на наши свободы.

Пока же мы остановимся. К продолжению жизни Рюрика и его очередному подвигу на благо Руси мы вернемся, как и было обещано, в следующей главе, а пока хотелось бы обратить внимание вот на что.

Главная беда данного опуса заключается в том, что это даже не легенда, а выдумка. Точнее говоря – художественная литература. Ибо опереться ей не на что. Нет для этого подходящего материала.

А мы просто переперли эту выдумку на новый лад, как и все предыдущие. Ибо и здесь прицепиться не к чему и рассказать не о чем. И сколько бы историки и археологи ни бились, сколько бы трудов и сил ни приложили, а найти хоть малейшее упоминание об этой чудесной битве не смогут НИКОГДА.

Мало того, им так и не удалось выудить из Михаила Николаевича и истоки легенды о возможном адюльтере Вещего Олега с женой Вадима Храброго. Где Задорнов ее откопал, одному Велесу известно. Удивляет тот факт, что писатель всегда призывал бороться с мифотворчеством, считая это явление вредным, а тут сам взял да и состряпал на пустом месте легенду. Обидно.

А вывод такой – лучше уж про Осколда фильм снимать, там хоть выдумывать ничего не надо, да и сам киевский князь не чета неудачнику Рюрику.

Теперь, когда со всеми безвременными и временными, древними и современными легендами закончено, мы перейдем к тем временам и событиям, которые зафиксированы в исторических источниках.

Кому мстил Вещий Олег?

Вещего Олега напрямую и навечно связал с хазарами гений отечественной словесности Александр Сергеевич Пушкин. Он же и обозначил сие «великое противостояние». Редкая статья о хазарах не начинается с его четверостишия. Может быть, именно поэтому мы не отправимся по заранее протоптанной тропе, а, как говаривал товарищ Ленин В.И., «пойдем другим путем», проявив, таким образом, некоторую оригинальность.

Сам Вещий Олег – фигура в русской истории довольно непростая, неоднозначная и сколь значимая, столь и загадочная. Сведения, дошедшие до нас о легендарном князе, по большей части скупы, многочисленны, а порой и противоречивы. Проверенной информации не так много, а вот догадок, теорий, версий и пересудов хоть ведром выноси, благо почва для этого дела благодатная. Но, не узнав и не поняв самого Вещего Олега, нам тяжело будет понять суть его поступков. Для начала представим его читателю. А кто может это сделать лучше, чем человек, профессионально занимающийся отечественной историей?

Великий историк Н.М. Карамзин характеризует его так: «Мудростью Правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежной опорой в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравниться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное». Красиво, несколько патетично, образно, но довольно расплывчато. Ясно одно – Герой. От этого никуда. Это точка отсчета.

Мы же свое более близкое знакомство с Героем начнем с того, что практически всем известно и о чем информацию можно почерпнуть с ходу, не утруждая себя излишними трудностями поиска.

Вот какую справку на этот счет дает нам БСЭ: «Олег Вещий (умер 912), древнерусский князь. По летописным сообщениям, родственник полулегендарного Рюрика, ставший после его смерти новгородским князем. В 882 О. совершил поход в землю кривичей и захватил их центр Смоленск.

Спустившись вниз по Днепру, взял Любеч, а затем Киев, который сделал столицей своего государства. В 883-885 О. присоединил земли древлян, северян, радимичей, а к 907 – области вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев. Покоренные племена О. обложил данью, обязал их поставлять ему воинов. Успешно воевал с хазарами. В 907 осадил столицу Византии Константинополь и наложил на империю контрибуцию. В 911 заключил выгодный торговый договор с Византией. По преданиям, умер от укуса змеи; этот факт лег в основу ряда песен, легенд и преданий».

Песни и легенды оставим в стороне, сразу выделив то, что нас интересует в первую очередь, – успешно воевал с хазарами.

Однако ответов на все вопросы не дает и Большая Энциклопедия. Хотя не ее, собственно, это дело, она обозначила основную информацию, а дальше, если интересно, – дерзайте.

А значит, обозначив основные вехи, будем разбираться сами, потому как интересно.

Правда, оговоримся, что главный подвиг Вещего Олега – поход 907 года на Византию и прибитие к воротам ее столицы своего собственного щита – мы разбирать не будем. Нашу тему это затрагивает в меньшей степени. Перейдем непосредственно к тому, что нас должно заинтересовать.

Первый же вопрос уже порождает массу догадок, слухов и предположений.

А именно – кто же такой этот самый Вещий Олег?

Не по должности, это и так ясно. Не по сути – с этим нам еще предстоит разобраться. А по национальному признаку. К какой именно нации принадлежал киевский князь? Для многих людей это и сейчас является вопросом первостепенной важности. А в случае с Олегом особенно, ибо в нем, как в зеркале, отразились все лучшие и худшие черты своего народа. Многие его поступки обусловлены национальными традициями, он действовал и поступал так, как принято у его народа. Поэтому ошибиться в этом вопросе нам бы совсем не хотелось. В важности этого момента вы и сами вскоре сможете убедиться.

На первый взгляд это, казалось бы, проще простого. Ан нет.

Именно здесь возникают первые споры, отсюда вытекают первые же теории.

Одни считают его славянином, другие – норманном, третьи – русом, некоторые вообще доходят до того, что приписывают его к болгарам. Да и с русами не все просто. Кто-то относит их к норманнам, кто-то – к финнам, кто-то – к славянскому племени ободритов.

Предположений не счесть.

В этом перечислении мы специально отделяем русов и от славян, и от норманнов, ибо от полемики, к кому принадлежал данный народ, нам по возможности хотелось бы уйти, иначе это уведет нас сильно в сторону. Даже многоведающий Татищев и тот затруднился в их точном определении. «Где варяги оные, точно не знали, из-за того от многих разные мнения произнесены», – философски замечает он. А дальше просто пытается обозначить свое видение на проблему. Хотя на точное попадание не претендует. «Варяги же были разных названий, как то: свии (шведы), урмань, ингляне и гуты (готы). А сии отдельно варяги руссы (се есть финны) зовутся.

О варягах сказание не весьма ясно, однако ж, видимо, Свия, разумеется, Швеция около Упсалы, которое собственно Упландия зовется; Руссы не иное, как Финляндию разумеет».

Вариаций и в этом случае, как вы успели заметить, довольно много.

Путаницы добавляет сюда и Лев Николаевич Гумилев своим определением к данному вопросу: «Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. **Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию**». Мощно сказано. Мы в эту фразу просто влюбились!

Мимо такой фразы и захочешь, а не пройдешь. Лев Николаевич так лихо завернул, что вроде как и комментарий не нужен. Понимай как хочешь.

Просто, лаконично, сурово. Однако ясности он не внес, а сумбуру добавил.

По крайней мере, для большинства. Тем, кому Лев Николаевич таким образом все разъяснил, можно только позавидовать.

«История варяжского проникновения в славянские земли достаточно темна», – подвел итог он своим зрелым и глубокомысленным размышлениям.

Однако историки, писатели и журналисты кипятятся, прибегая каждый к аргументам, которые считает самыми разумными. Иногда в ход идут даже такие: «Последователей норманнской версии мало заботил один значительный аспект этой проблемы. Скандинавия не может «похвастать» ни одним конунгом, обладавшим не просто государственным умом, а прямо-таки

имперским мышлением, которым в превосходной степени обладал Вещий Олег. Конунгов хватало на снаряжение двух-трех кораблей для грабительского нападения на беззащитный ирландский монастырь. В раннем Средневековье скандинавы продемонстрировали удивительную неспособность к государственному строительству. Вершиной государственного успеха норманнов было основание разбойничьего гнезда в Нормандии, которое получило государственную форму благодаря военным и политическим успехам королей франков, подчинивших дикарей Франкскому королевству. В лучшем случае норманны могли некоторое время паразитировать на чужой государственности» (В.Е. Ларионов).

Как говорится, пусть и не разумно, зато активно, эмоционально, хотя и абсолютно не аргументированно, и ничем, кроме собственного мнения, не подкреплено. От таких весомых заявлений постараемся воздержаться. Все, о чем мы будем вести речь, будет подтверждено либо имеющимися в нашем распоряжении фактами, либо логикой и здравым смыслом.

Со стопроцентной уверенностью на поставленный вопрос не ответит уже никто, но в силу того, что это задевает нашего героя, мы и выскажем свою версию. Это не есть утверждение в последней инстанции, а всего лишь предположение, основанное на документах, имеющихся в нашем распоряжении, а уж соглашаться или оспорить, это как вы выберете сами.

Закончив с преамбулой, переходим к повествованию.

Древние предания, нашедшие отражение в различных летописных сводах и к тому же дошедшие до нас, единодушны в том, что новгородский князь Рюрик и Олег находились в родственных отношениях. Вот это, пожалуй, то, что действительно важно.

Родство. Это отвечает на многие вопросы.

«Большинство летописей называет его родственником Рюрика, Воскресенская и некоторые другие летописи – племянником Рюрика, Иоакимовская – шурином Рюрика, «князем урманским», мудрым и храбрым, Новгородская первая летопись младшего извода – просто воеводой князя Игоря Рюриковича. В «Повести временных лет» под 879 годом сообщается, что Рюрик, умирая, передал свое княжество родичу Олегу, а также «отдал ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще очень мал» (О. Рапов).

В утраченной Иоакимовской летописи (дошедшей в пересказе В.Н. Татищева) уточняется: Олег – шурин, то есть брат одной из Рюриковых жен.

У преподобного Нестора он – Рюриков свойственник. В раскольничьей летописи – вуй Игоря, т. е. брат его матери. Однако Татищев делает здесь свою пометку: «По сему видно, что сочинитель жития Олегова Иоакимову историю читал, да баснею о ее роде и браке искажил».

В «Прологе» под 11 мая Вещий князь назван дядей Игорю, что точно обозначало в древности только брата отца.

Есть и еще одна вариация на ту же тему. Можно сказать, доказательство от противного.

В этом случае мы зайдем со стороны дочери Вещего Олега, будущей княгини Ольги.

Звали будущую русскую святую Прекраса. Но Олег по какой-то причине переименовал ее в соответствии с собственным именем – Ольгой (у Нестора она поименована еще и Вольгой). В Иоакимовской летописи также подчеркивается: была Ольга-Прекраса не простого звания, а из Гостомыслова рода (Татищев в примечании уточняет: Ольга – внучка Гостомысла и родилась от его старшей дочери где-то под Изборском).

Неожиданный свет на все загадки и нестыковки проливает известие Типографской летописи, названной так потому, что один из ее наиболее известных списков первоначально принадлежал Синодальной типографии. Здесь прямо сказано, что будущая княгиня Ольга была родной дочерью Олега Вещего: «Нецьи же глаголють яко Олгова дчибе Олга». О том же нам рассказывает и Пискаревский летописец: «Нецьи же глаголют, яко Ольгова дщери бе Ольга». В таком случае встает вопрос о степени родства и правах наследования власти между Гостомыслом и Олегом. Если принять интерпретацию Татищева: Ольга – Гостомыслова внучка от его старшей дочери, то неизбежно выходит, что муж этой старшей дочери и есть Вещий Олег. Следовательно, по правам своим Олег сравним с любым из представителей рода Рюриковичей. Этому нисколько не противоречит летописное сообщение о том, что Олег был родичем Рюрика, так как родственником можно быть и по линии жены. Кстати, из этого же сообщения мы можем сделать вывод, который пригодится нам в дальнейшем. Олег имеет все права на Новгородский престол в том случае, если с Рюриком что-то случится.

Вариации, вариации, вариации, но все они в пределах допустимого и все сходятся в одной

точке. Олег есть Рюрику-Соколу родня. Не родной брат, но и не седьмая вода на киселе. Родство пусть и не кровное, но близкое. Единственное, что довольно резко контрастирует с родственными связями, – это замечание Новгородской летописи о том, что Олег был лишь воеводой Рюрика. Хотя одно может совсем не противоречить другому, а только подтверждать. Кому еще доверить свою дружину, как не родственнику. Особенно если учесть, что у каждого из братьев пришельца из-за моря дружина была своя.

Подведем первый промежуточный итог.

То, что Олег родственник Рюрика, сомнения не вызывает, как и то, что он, скорее всего, его соплеменник. На этом выводе мы пока и остановимся. А дальше будем его доказывать и постепенно убеждать сомневающихся читателей.

До самого момента смерти Рюрика имя Олега практически в летописях никак не упоминается. Его как бы нет, поэтому вроде как и говорить не о чем. Но может оказаться, что это не совсем так. Давайте попытаемся рассмотреть жизнь Олега до принятия им княжеского чина через события, которые в летописях фигурируют, но в которых будущий князь как бы участия не принимает. Глубоко копать не будем, возьмем то, что лежит на поверхности.

Итак, Рюрик уже княжит в Новгороде, а Олег, возможно, воевода его дружины. Даже если и нет, то приближенный человек однозначно. Это отмечают и летописи, правда, внося при этом некоторый разнобой. Не смогли летописцы прийти к однозначному выводу, каждый остался при своем. Сразу не разобрались, а дальше выяснить суть проблемы оказалось не у кого.

Вернемся на шаг назад. Кому князь, а особенно если он вождь-находник, может доверить место воеводы? Только близкому, верному, приближенному и проверенному человеку. Это понятно, с этим мы разобрались. Но кроме этого?

Вождь, ведущий дружину в бой, на тот момент просто обязан был обладать еще некоторыми обязательными качествами. То есть должен быть смел, отважен, прекрасно владеть оружием, быть отличным бойцом, это как минимум, и главное – иметь характер и задатки лидера. Иначе нельзя. Значит, Олег изначально всем этим необходимым требованиям отвечал. И еще: он не мог быть зеленым, неопытным, несмышленным юнцом. Таким дружины не доверяют, даже если они родственники, тем более на чужой земле.

Да и сама дружина таким не доверяет, ибо там все воины суровые да проверенные, храбрые и коварные, непокорные и непреклонные, прекрасно понимающие, что от личных качеств предводителя зависит их жизнь. И притом напрямую. Здесь особенно важна уверенность в вожде, иначе никак. Особенно при той политике, которую Рюрик вел в Новгороде. Не выдержав его правления и надвигающихся репрессий, часть знатных новгородцев, и, видимо, часть немалая, перебирается подальше от него, под защиту Осколда, в Киев. Спасая свои жизни, осчастливленные князем Соколом славяне, словно перелетные птицы, потянулись на юг.

Это уже показатель, своеобразный итог правления освободителя и благодетеля. Для руса Рюрика славяне пока еще не родной народ, не одно племя, а лишь территория, над которой он захватил власть.

Княжение князя Рюрика быстро начинает вызывать явное недовольство местной славянской элиты. Но всем не убежать в Киев, более воинственные и отважные решают восстать против гнета и выгнать варягов восвояси. Славяне решили избавиться от ярма пришельцев, и вспыхивает мятеж против русов, а во главе недовольных встает сын Гостомысла Вадим. И через какое-то время после «призвания» Рюрика, установившего твердую власть в Северной Руси, Вадим Храбрый подготовил и поднял бунт против него. Дело дошло до вооруженного конфликта, в результате которого славянский богатырь Вадим погиб от руки Рюрика. Многие из его соратников сложили головы в этот же день.

Это только в романах Б. Васильева Рюрик вызывает на честный бой Вадима. Поединок описан прекрасно, ибо автор – признанный мастер своего жанра. Только верится в это с трудом. Рюрик – истинный варяг, и по сути своей, и по национальности. Ему такие честные игры без надобности. Он не славы и чести ищет, а богатства и власти. Никакого рыцарского обмена любезностями нет и в помине. Скорее всего, это обычное политическое убийство, которым и решаются все проблемы. Для русов это норма. А о том, что был бой или тем более честный поединок, все летописи умалчивают. И Татищев, и Карамзин такой информацией разжиться не сумели. Они просто констатируют факт – убил. Этим все сказано. Если бы случился поединок, как между Мстиславом и касожским князем Редедей, не преминули бы отметить. А так нет.

Делаем выводы.

Вадим совсем не подарок, он богатырь, значит, ремесло его такое – оружием владеть. Управляется он с ним не хуже Рюрика. Вот здесь на передний план выходит тактика. А ей Рюрик обучен с детства. Для него главное вопрос решить, а методы – это уже вопрос второй. В этом тоже есть своя доблесть. Так что Рюрик, Олег и их дружина, скорее всего, нанесли удар первыми, не дожидаясь, пока славяне подготовятся как следует. Возможно, что русы напали тогда, когда этого никто и не ждал, поэтому и была убита разом вся верхушка славянского сопротивления. Это неравная война. Это заранее подготовленное и хорошо спланированное мероприятие по уничтожению противника, да так, чтобы он и опомниться не успел. Это была схватка, в которой, как в зеркале, отразился дух тех далеких времен. Рюрик был коварен, как настоящий рус, славяне были куда более доверчивы. Они верили на слово, полагаясь на честь. Совсем скоро мы столкнемся с еще одним таким примером, но уже из жизни Олега.

Вот как описывает это событие Никоновская летопись.

Год 872-й. «Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многи изби Новгородцев светников его».

У Татищева несколько иная трактовка, но даже более обширная, обросшая деталями: «6377 (869). В сии времена славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, так как убил **Водима, храброго князя славянского, который не хотел как раб быть варягам**».

В примечаниях историк отметил: «Вадим – князь славянский. Сей Вадим, видимо, по сказанию Иоакимову, был сын старшей дочери Гостомысла, князь изборский, и по старшинству матери его наследник престола, и по той вражде убит, здесь же ясно Нестор сказал, что некоторые славяне, не желая под власть Рюрика, как варяга, быть, бежали».

Мало того, у Татищева можно найти и такие строки: «...а новгородцы избрание народное Рюрика против точного сказания вымыслили». Значит, добровольных союзников было меньше, чем противников, и все держалось на силе дружины.

То есть угроза для Рюрика и его «ватаги» была вполне серьезной. Вадим не просто загулявший и распоясавшийся безбашенный храбрец. У него тоже было законное право на власть, а патриотом своей земли он был куда большим, чем приبلудившийся варяг Рюрик.

Не повезло – мятеж жестоко подавлен, и крови славян пролито немало. Такой огонь можно погасить только большой кровью!

Каждый, кто эту историю вспоминает, пытается воссоздать ее на свой собственный мотив. Давайте и мы выстроим собственную картину той давней трагедии.

Обратите свой взор в прошлое, дайте волю воображению.

По утрам даже самый шумный город часто бывает тих и застенчив. Лунный рог заканчивает свой небесный вояж, чтобы до вечера скрыться за горизонтом. Розоватый свет зари румянит его, как щеки молоденькой девушки. В этой предрассветной успокоенности суетливый и буйный торговый город кажется робким и беззащитным, как ребенок. Даже тяжелые деревья и те отбрасывают какие-то странные, полупрозрачные и невесомые тени. Тихо, как торговые лодьи, качаются в лужах отраженья новгородских теремов. На всем еще лежит печать глубокого спокойного сна и покоя, и нарушается это благолепие лишь лаем дворовых собак. Все вокруг кажется безжизненным и таинственным, ничто не предвещает беды.

Площадь перед домом сына Гостомысла Вадима Храброго выглядела чисто и пустынно, как это бывает лишь на рассвете. Но эта тишина и дрема были обманчивы. Будто город каким-то таинственным образом уже знал, что произойдет непоправимое, и затаился в этом ожидании.

Если присмотреться к этому видимому покою внимательнее, то начинало казаться, что как будто кто-то, оставаясь невидимым для других, притаился и внимательно наблюдает за происходящим, пристально всматриваясь в любое, даже кажущееся, движение.

Возможно, что он укрылся где-то за скрюченным деревом, или пышным кустом, или в самой глубокой, не пробиваемой первыми лучами тени дома. И этот притаившийся соглядатай беспокойно обшаривает своим колючим взглядом соседние улицы.

Еще немного, и Новгород в самом деле пробудится, но в этот раз от звона мечей и диких боевых кличей.

И действительно, в тени дерева скрывается плотно закутанная в тяжелый плащ фигура воина. Он выходит и, оглядевшись по сторонам, не замечая ничего, на его взгляд, подозрительного, делает

кому-то знак рукой. Закутанные в такие же плащи незнакомцы молча крадутся по направлению к своей цели, подобно шайке вампиров, старающихся держаться в тени из-за боязни дневного света. Они скорее напоминают бледные тени или не нашедших покоя призраков. Но, к сожалению, судя по тихому бряцанию оружия, это не так.

Скорее всего, это заговорщики, поджидающие свою жертву, ибо под их плащами явно угадываются мечи.

Их цель ясна. Они окружают дом Вадима, явно что-то замышляя.

Тайное и страшное это было дело.

Теперь, когда все в сборе и на своих местах, надобность скрываться отпадает. Наступает развязка. Собака, видимо почуяв недоброе, яростно залаяла, предупреждая хозяев о надвигающейся на них опасности. Один из заговорщиков споро переметнулся через забор, доставая на ходу свой остро отточенный клинок, и ее отважный отчаянный лай сменился хрипом умирающего животного. Ворота изнутри тяжело распахнулись, и в мгновение ока двор заполнился чужими вооруженными людьми. Они что-то говорили сердитыми голосами и при этом быстро и уверенно перекрывали пространство таким образом, чтобы из дома никому уже было не выбраться на улицу. Было их никак не меньше десятка. А в движениях ясно угадывались профессионалы.

Теперь уже нет смысла скрывать свои лица, маски сброшены. Высокие, белокурые, хорошо вооруженные воины, с вытатуированными на руках изображениями деревьев, есть не кто иные, как русы, дружинники князя Рюрика, который и сам находится здесь же, вместе с ними. Теперь, когда убийцы уже заняли внутренний двор, им ждать некогда, они пришли забрать жизнь своего противника, пока утро, пока он один, пока он этого не ждет.

Кто рано встает – тому Бог подает.

Раздается тяжелый, раскатистый стук в дверь. Мир тишины разрушен безвозвратно. Стесняться нечего. Гости ждут. Дело за хозяином. Вадим оказался в ловушке.

«Вадим, выходи, или будешь отсиживаться в хоромах и прятаться за женские юбки?!»

Торопят они его, дразня. Только русским воинам два раза приглашение передавать не надо. Стук отодвигаемого засова, и дверь распахивается рывком. На пороге Вадим, он в одной рубахе, без какого-либо доспеха, волосы взлохмачены, видно, что только со сна, но в мощной лапище зажат огромный меч. Он развел плечи, могучие мышцы напряглись, видно было, что он не испуган и готовится к атаке.

Утробный бас Вадима разбивает утренний покой насовсем.

«Не твори разбой, князь! Может, сразимся один на один? Решим, кто лучше!» – громогласно предлагает он Рюрику.

«Не в этот раз», – отвечает тот и делает знак своим бойцам.

Те уже обнажили мечи и приготовились к схватке.

Дикие крики под окнами говорят о том, что и через них не выбраться, а те из домочадцев или прислуги, кто пытался это сделать, уже мертвы.

Кровь бросается Вадиму в голову. Не помня себя от бешенства, он бросился на неприятеля, успевая выкрикнуть: «Измена! Убивают!», но на помощь никто не пришел.

Мечи запели свою боевую песню. Железо ударилось о железо с лязгом и скрежетом. Белым огнем сверкало перед глазами. Под напором его меча подались, отступили.

Целью Вадима был главный варяжский гость. Но до него было не добраться. Его бойцы надежно прикрыли своего вождя. Завязалась порядочная возня. Вадим бил, не жалея сил. Где не успевал мечом, прикладывался кулаком. С расквашенных губ сыпалась не русская, но привычная для их хозяина брань. Кто-то из нападавших уже хрипел, выплевывая крошево зубов в красной слюне, а кто-то отползал в сторону с продырявленным боком. Расклад был изначально не в пользу славянского князя, но ничего другого ему не оставалось. Шансов на то, чтобы уйти живым, было крайне мало. И теперь, когда это стало ясно, он вдруг почувствовал какой-то губительный восторг. Пропадать так пропадать. От этого чувства Вадим только зверел. Ярость, слепая ярость завладела им целиком. Он рубился сразу с несколькими бойцами, не считаясь с их числом, не видя, скольких врагов достал своим огромным мечом, не считая, сколько ударов отразил. Со славянским богатырем не каждому по силам сладить. Он один стоит десятка!

«Что, не выходит?! Может, все-таки сам попробуешь?» – обратился Вадим еще раз к Рюрику. Понимая, что вызов все одно не будет принят, он одобрительно оскалил в волчьей ухмылке крупные зубы, как бы гордясь собой. Веяло от сына Гостомысла жуткой свирепостью. Варяги,

пришедшие с Рюриком, не торопились лезть на рожон. Пережидали, переводя дух. Ждали команды вожака.

Но Рюрик вовсе не собирался выпускать добычу. Людей у него было в достатке, знал, на кого шел. Он отдал короткую, как выстрел, команду, и варяги вновь навалились на Вадима всей кучей.

Вадим продолжал рубить наотмашь, сшибая с ног очередного варяга, некстати попавшего под его тяжелую руку. Сколько мог, сколько хватало сил, старался не подпускать врага близко. Но уберечься все одно не успел, слишком много умелых бойцов было против него. Боль ожгла плечо – мечом полоснули, но не глубоко, лишь задели. Чуть отвлекся – и тут же схватился за ужаленный бок, сквозь пальцы сочилась кровь. Это было уже серьезно. Враги отошли, выжидая. Силы быстро покидали богатыря. Ноги подгибались, не выдерживая веса собственного тела. Оглушенный и обессиленный, он опустился на колени. На сопротивление не осталось сил, теперь он держался только на гордости и силе воли. Меч выпадал из холодеющих пальцев, казалось, что он уже весит целую тонну.

Князь Изборский проиграл бой, но сохранил честь. Оставалось лишь надеяться на милость врага. Но молить о пощаде было не в характере Вадима, да и знал он, что от Рюрика пощады ждать бессмысленно.

«И в аду не только черти. Еще встретимся. Будем жариться у черта на одной сковороде...» – с трудом пророкотал новгородский витязь.

Варяг, видя, что противник обезврежен и неопасен, подошел к нему вплотную и заглянул в глаза.

«Ты, наверное, забыл. Я не верю в Христа» – сказал варяг и хладнокровно погрузил свой клинок глубоко в грудь славянского богатыря.

Это был последний удар. Но, даже упав на землю бездыханным, оружие свое из рук Вадим Храбрый так и не выпустил.

Соперник по трону убит. Перешагнув через тело поверженного врага, поигрывая окровавленным мечом, Рюрик, как хищник, ухмыльнулся в усы и пошел прочь, а истерзанное тело витязя так и осталось лежать на дворе. Раненые варяги с трудом поднимались, отряхивались, подбирая оружие, и ковыляли в сторону, но некоторым уже было суждено не подняться никогда. Черное дело сделано. Бой затих. Теперь мечи варягов стыдливо прячутся в ножны, у их хозяев есть иные заботы.

В доме слышались отчаянные крики, трещали двери. Спешно грабили.

А чего зря добру пропадать! Видимо, после этого новая традиция в Новгороде прижилась надолго.

Большинство сторонников сына Гостомысла разделили участь своего вождя. Практически в то же самое время варяги нагрянули и в их хоромы. Оппозиции не осталось, она закончила свое существование. А с ней закончилась и политическая борьба.

Теперь, когда Вадим мертв, славяне долго не посмеют покушаться на власть Рюрика. Вместе с Вадимом Храбрым надолго умерла и новгородская мечта о независимости.

Вот так был уничтожен человек, который потенциально мог стать вождем северных славян. Человек, обладающий и харизмой лидера, и отвагой, вождь, за которым бы пошли. Но не судьба. Рюрик не просто отчаянно цеплялся за власть, он умел это делать.

Вроде бы не самый заметный эпизод в летописи, просто одно из преданий старины глубокой. Однако он не остался незамеченным. Возможно, были известны и еще какие-то детали этого преданья, так и не дошедшие до нас, не сохранившиеся, не уцелевшие. Но даже то, что дошло, еще довольно долго будоражило величайшие умы. Предание о Вадиме привлекало внимание многих наших писателей. Екатерина II выводит Вадима в своем драматическом произведении: «Историческое представление из жизни Рюрика». Я. Княжнин написал трагедию «Вадим», которую решено было, по приговору Сената, сжечь публично «за дерзкие против самодержавной власти выражения». Ломоносов пытался, но понял, что это бессмысленно, поскольку его труд все одно не пройдет цензуру. Видимо, и он не собирался воспевать Рюрика. Пушкин, еще будучи юношей, дважды принимался за обработку того же сюжета, но дальше этого дело не пошло. Лермонтова также одно время интересовали личность и печальная судьба новгородского героя. Татищев, Карамзин, С.М. Соловьев – никто из известных историков не обошел его стороной.

И это всего лишь небольшой эпизод в истории Русского государства. Так, может быть, он и мог оказаться ключевым. Останься жив Вадим, и Новгород освободился бы от варягов, а история

этого города, да всей Руси пошла бы другой дорогой? Скорее всего, да, но что толку теперь гадать. Не более чем предаваться интригующим, будоражащим, но абсолютно бесполезным размышлениям.

Теперь вопрос: где в этот момент находился воевода и родственник Рюрика Олег?

На чьей стороне он был?

На стороне восставших славян? Нет! Скорее всего, Олег и был одним из тех, кто так славно подавил этот славянский мятеж и на чьих руках кровь славянских богатырей. Не один же Рюрик мечом махал. Олегу по штатному расписанию положено было быть в первых рядах в такой критический момент. Так сказать, впереди, на лихом коне. Вести личным примером. А если принять во внимание предположение Михаила Задорнова, что он еще и пылал страстью к жене Вадима, то вопрос, где он был, кажется излишним.

Если бы Олег был славянином, то он, скорее всего, оказался бы по другую сторону баррикад. И тогда неизвестно, кто бы еще одолел и как бы сложилась дальнейшая судьба князя Сокола.

Но нет, славянская независимость уже тогда Олега не волновала. Абсолютно!

Это лишь первый кирпичик в стену нашей аргументации. Не один и не основной, но первый. Кстати, вряд ли дружину русов мог бы возглавить славянин. Такого единства на тот момент у двух этих народов еще не наблюдалось. Это два.

Дальше, утопив в крови непокорство местных славян, Рюрик ведет активную борьбу против славян окрестных за расширение сфер своего влияния. Где должен быть в этот момент Олег, воевода он или просто близкий и доверенный человек?

Да ясно где – снова впереди, все на том же лихом коне, или, иным словом, на переднем крае. Это его работа. Кому-кому, а ему в тылах да на печи не отсидеться. Это Сокол-Рюрик мог из столицы руководить, сидя за столом, да директивы подписывать, а вот Олег со своими бойцами на переднем крае, в самой гуще борьбы. Кто же еще варягов на бой поведет?

Скорее всего, именно в этих местных боях и противостояниях Олег отработывает или нарабатывает и опыт, и мастерство, а заодно и умение общаться с непокорными местными племенами. Скоро все это ему очень потребуется.

Как вы помните, такая борьба заканчивается полным успехом со стороны Рюрика, его соратников и сподвижников. Теперь пришлый варяг единоличный хозяин Новгородской земли. Северный властелин! Конкурентов нет даже среди своих, ибо оба его брата как-то очень своевременно и одновременно умирают (или погибают), оставив несчастного Рюрика круглым сиротой.

Теперь Рюрик сидел в Новгороде, как болотный упырь из сказки, и радостно потирал руки. И как тут не вспомнить то, что писал о русах персидский историк Ибн Русте: «Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому-то из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и попытается убить его или ограбить». Вот так.

Понятно, что это лишь личное мнение перса, к которому вы можете прислушаться, а можете махнуть на него рукой и забыть. Это высказывание тоже не истина в последней инстанции, но задуматься заставляет, тем более что не так уж и часто его пытались оспорить.

Да и в умозаключении своем перс не одинок, поскольку в большей или меньшей степени оно подтверждается и другими источниками.

А дальше, как глаголет летопись, Рюрик наделяет своих верных людей завоеванными землями: «...и раздаде грады племенем своим и мужем: овому Полтеск, иному Ростов, иному же Белоозеро».

Мог быть Олег в их числе? Не мог, а должен, ибо на тот момент он становится самым близким соратником и советником новгородского князя Рюрика.

К примеру, и Псков мог из рук Рюрика получить, как человек самый близкий, доверенный и родной, к тому же обладающий определенной силой.

«Оное, может, и было написано, да со временем оказалась утрачено». Лучше Татищева не скажешь.

До этого Псковом обладал Рюриков братец Синеус, но он уже мертв и свои претензии высказать не сможет.

Следующий момент в действиях новгородского князя тоже наводит на определенные размышления. Обосновавшись прочно в болотистом краю, на окраине всея Руси, Рюрик начинает

завистливо поглядывать на киевские владения князя Осколда. Потихоньку он начинает точить зубы и готовить на них свою экспансию.

Видимо, тоже с целью освобождения.

Сам он до этого додумался или это мудрый Олег его надоумил, мы уже не узнаем. Протоколов заседаний и стенографии застольных бесед не сохранилось. Скажем одно: в одиночку таких решений не принимают. Сначала желательно посоветоваться с товарищами, с кем-то из близких, неглупых и чутких, желательно имеющих воинский опыт. У Рюрика именно такой человек и был под рукой. Так что без Олега и здесь не могло обойтись. Тем более что после смерти Рюрика Олег вновь идет этим же самым путем, успешно продолжая начинания старого князя.

Правда, первый блин получился комом.

Рюрик пока не готов тягаться с Осколдом, не того он полета птица, и в первом раунде противостояния победа, причем за явным перевесом, осталась за Осколдом. Получив мощный пинок от киевского князя, Рюрик-Сокол уполз в свои владения, затосковал и затих, до самой смерти не вылезая из северных болот. Затаившись за дремучими лесами, варяг привычно нервировал соседей, поскольку на большее сил уже не хватало.

Если верить письменным источникам, то в последние годы жизни Рюрик пожинал плоды своей бурной деятельности и устраивал семейные дела. На ту пору, если верить летописцу, находнику было около восьмидесяти лет. Самая пора для семейных дел.

До этого ему заниматься ими было недосуг, наследником он не обзавелся, так что теперь пришлось поднатужиться. Иначе «норманисты» ему бы этого в жисть не простили. Так что хошь не хошь, а раз задача поставлена, то ее надо выполнять. Как говорится, взялся за гуж...

Вот здесь хочется сделать небольшое лирическое отступление.

Мы обещали вернуться к легенде, создаваемой Михаилом Задорновым, и вот час настал. Самое время для продолжения. О том, как проходили последние годы жизни новгородского князя по версии Михаила Николаевича, вы узнаете из этого небольшого рассказа в исполнении автора. Зачем пересказывать мастера, когда можно один раз прочитать.

Напомним еще раз: все летописи говорят о том, что именно в последние годы жизни Рюрик улаживал дела семейные. В этот момент новгородскому князю миновал как минимум седьмой, а то и восьмой десяток.

Как вы, наверное, помните, мы оставили израненного Рюрика после победы над хазарами. Он выжил и, видимо, одумался, только что его к этому подвигло, раны или радость от победы – непонятно. Может, по голове изрядно мечом досталось, может, булавой шандарахнули, только вот наступило, наконец, просветление в уме. М. Задорнов видит это так:

«Знаете, Ватсон, кто вылечил его от этих ран, которые могли стать смертельными?»

– Олег?

– Нет, Ватсон! Но вы почти угадали. Ведунья – сестра Олегова Ефанда. Признала в нем истинного князя! Венчались на Ярилиной горе, вскоре сын родился, Игорем назвали. С женой прежней князь расстался. Она отплыла на закат и дочку с собой забрала. Горько плакала дочь. Знала, что отца может в жизни более не увидеть.

И правда, недолго оставалось жить Рюрику. Раны подорвали его силы. Выполнить то, о чем мечтали с Олегом, так и не успел: объединить в единых границах полян, древлян, вятичей, кривичей, новгородцев... и других славяно-русов, рассеянных по лесам и рекам.

Очень беспокоился Рарог за будущего наследника. Ефанда успокоила, повторила слова Умилы: «Вырастет хотя и без тебя наш сын, но в любви к тебе, потому я рядом буду, а я всегда любила тебя. С того самого момента, как впервые увидела».

Успокоенным ушел князь Рарог-Рюрик из жизни. Ефанда гонца к дочери с прежней женой послала. Дочь вовремя поспела, прощение матери привезла» (*М. Задорнов*).

Если верить Задорнову, силы Рюрика подорвала совсем не рана, а новая женитьба. В случае с новгородским князем это мероприятие было гораздо опаснее, чем нашествие хазар, поскольку те пришли и ушли, а жена все время под боком. А если согласиться с выводами Михаила Николаевича, то получается, что Ефанда, несмотря на возраст (а ведь, судя по летописям, она не могла быть намного моложе Рюрика), оказалась женщиной задорной и игривой. Даже подборку журналов «Секс для инвалидов и пенсионеров» подготовила, чтобы было что почитать князю на досуге между утехами любовными. А то ведь со своими воинскими забавами он все самое главное в жизни упустил. А в семейной жизни не только воинский напор нужен. Тут на одну лишь силу не

надеюсь. Зная, что нужен наследник, Ефанда расстаралась для будущего Русского государства, а заодно и себе в удовольствие. Нужно было поспешать, и так со свадьбой затянули. Слава Яриле, сил у Рюрика для нужного дела хватило, поскольку жена знала, как их поддерживать, не зря же она была ведунья. Но преклонный возраст князя взял свое, никакое зелье уже не помогло. Укатали Сивку крутые горки.

Однако последний свой подвиг варяг выполнил. А насчет светлого будущего, ожидающего их потомство, Ефанда Рюрика успокоила. Все будет хорошо! Верь мне, я знаю! Больше того, я вижу!

Так измочаленный устройством своих семейных дел Рюрик и отошел в мир иной.

«Тризну по князю отпраздновали веселую: пели, плясали, рассказывали уморительные случаи из его жизни. Смеялись. Никто не плакал, не причитал. К чему это?

Радоваться надо, что человек незряшную жизнь прожил. А потому и душе Рарога было легко покидать землю-матушку» (М. Задорнов).

Интересно, а на тризне что, забавные истории из жизни Рюрика рассказывали? А смеялись люди на ней оттого, что обсуждали последние перипетии его бурной семейной жизни? Ведь больше ничего такого смешного в жизни Сокола не было, это он незадолго перед смертью стал чудить.

Странный у Михаила Николаевича подход. Но итог он подметил верно. Многие праздновали, когда Рюрик умер. От счастья, что теперь, когда его нет, может быть, удастся зажить вновь по-человечески.

Но это все на бумаге. Зато представляете, как женитьба Рюрика и его последние годы, где он улаживает свою семейную жизнь и производит наследника, будут смотреться на большом экране! Особенно эротические сцены и веселые поминки!

Мы даже жанр для такого фильма боимся определить. Особенно в свете того, что большинство сцен, с целью привлечения зрителя, должны быть показаны довольно откровенно. Причем, как вы уже поняли, не только сцены битв и походов.

Вот так снимается кино. Вот так создаются современные легенды. Может, это было бы не так забавно, если не накладывать всю эту белиберду на историческую реальность с соблюдением хронологии. Но иначе нельзя. Ведь М. Задорнов пишет книгу о нашей истории, а потому давайте к ней так и подходить. Это же явно не юмореска. А уж дальше хотите – верьте, хотите – нет.

Ну да ладно, от рассказа М. Задорнова вернемся к официальным документам.

А они сообщают, что, умирая, Рюрик передает свое княжество родичу Олегу.

«В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу – родичу своему» (ПВЛ).

К этому моменту Олег должен был себя зарекомендовать с лучшей стороны.

Кому мог умирающий Сокол передать свое княжение? Родственнику, сподвижнику, соратнику и единоплеменнику. Особенно если, как мы помним, у того хоть и призрачные, но эти права на престол и так были.

Если бы Олег был славянином, вряд ли бы Рюрик передал ему державу, да и дружина не одобрила бы и не стала подчиняться не русу.

Это тоже не стопроцентный аргумент, но аргумент, полностью укладываемый в нашу теорию.

Дальше будут и другие косвенные подтверждения данной версии, о которых мы будем изредка напоминать. Но с этим все. Как и с теми моментами, где Олег не упоминается напрямую, а может только подразумеваться.

Теперь Олег выходит на передний план как самостоятельная личность, как самостоятельный князь, и появляются факты, на которые мы уже можем смело опереться.

Еще раз повторимся: это все пока были лишь догадки, но отмахнуться от них так просто нельзя. Или вы по-прежнему считаете, что Олег был в стороне от всех происходящих событий? Вдали от конфликтов? При таком раскладе Рюрик бы ему княжество не оставил. Олег не красна девица, чтобы за красивые глаза что-то получить, он настоящий воин и совсем скоро это докажет.

Теперь из области предположений ненадолго перейдем в область не подкрепленных фактами догадок и рассуждений.

Олег человек деятельный, активный и целеустремленный, при этом прагматичный, жесткий и идущий к своей цели кратчайшим путем, не боясь ни подлостей, ни условностей, ни компромиссов. Он трезв, расчетлив и в меру жесток. По сравнению с Рюриком он более дальновиден, он вообще фигура иного масштаба. Живя достаточно долгое время под крылом

Сокола и участвуя во всех его авантюрах, аферах и набегах, он постепенно перерос своего родственника-покровителя, и тот уже стал тормозить его имперские амбиции. В таком случае, как это бывает у русов, по словам восточных авторов, он мог просто ускорить уход зажившегося на свете новгородского князя в мир иной и узурпировать власть. Рюрик и так пережил свое, что он еще мог сделать или свершить в таком возрасте? Так мог рассуждать и Олег – Рюрик живучий, а его время уходит. Да и Рюрик – хоть и родня, но не кровная. Сколько можно ждать?!

В руках Олега был контроль над дружиной, а поскольку он был не только ближайшим родственником почившего, но и ближайшим сподвижником, то трудностей при смене власти не предвиделось.

Власть еще была за Рюриком, а сила уже за Олегом.

Вот так подумал-подумал да и помог перебраться князю Соколу в лучший из миров. Ничего личного.

Вот это как раз из области предположений. Только предположений. Не верите – примите за сказку. Но ничего невозможного в этом не видится. Особенно после того, что мы читали у того же Задорнова о Рюрике. Тем более что в биографии Вещего князя будут и более неблагоприятные поступки. А этот просто бы уложился в их канву. К сожалению, и здесь ни доказать, ни опровергнуть ничего нельзя. Каждый останется при том, во что хочет свято верить.

Но не подумайте, что мы возводим напраслину на легендарного князя. Совсем нет. Просто такие эпизоды, присущие той кровавой эпохе, совсем не редкость. А к самому князю мы никакой личной антипатии не испытываем, может, даже совсем наоборот.

Но вернемся к нашему герою.

Пока Олег становится полноправным и единственным правителем Новгорода. Так сказать, Северной столицы.

Следующие 25 лет Вещий князь был занят расширением своей державы.

Придя к власти, Олег сразу развивает бурную деятельность.

«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего», – так говорит нам «Повесть временных лет».

Новгородский князь показывает себя умелым организатором. Его войско довольно разношерстно, но при этом хорошо организовано. Он совершает то, что Рюрику было совершить не под силу. Вообще новгородский Сокол никогда не мог толком ничего организовать, поэтому дальше Новгорода продвинуться и не сумел. Так и остался на окраине, в стороне от главных дел. Олега такой вариант не устраивал. Он сразу собрал для будущего похода под свою руку несколько племен. Можно сказать, целый интернационал.

Смоленск и Любеч были присоединены к владениям Олега без каких-либо особых затруднений. Первые удачные завоевания и то, с какой легкостью они даются, разжигают аппетит новоявленного князя. Теперь его взгляд вновь упал на Киев. Причины, по которым Олег решил на войну с Южной Русью, лежат на поверхности, и их недвусмысленно указал В.Н. Татищев: «Олег был муж мудрый и воин храбрый, слыша от киевлян жалобы на Осколда **и позавидовав области его**». Действительно, в Киеве сейчас было немного беспокойно. Жалобы киевлян Олега мало волновали, но много радовали. Он охотно принимает у себя посланников, прибывающих с юга. Это начало заговора. Что это за жалобы и о чем они были, вы поймете буквально немного погодя. Для Олега главным было то, что, казалось бы, совсем недавно незыблемое положение Осколда пошатнулось, он стал уязвим, и это нужно было использовать. У того же Татищева читаем еще: «Не без причины зависть Олегу подалась на Осколда идти и его убить, чему, может, свойство оное наиболее поспешествовало, только писцы краткостию от нас закрыли».

Зависть – это сильный побудительный мотив, особенно для руса. Поэтому писцы и не стали развивать эту тему. А Киев был на тот момент владением куда более приоритетным и элитным, чем Северная Русь, где когда-то прозябал Рюрик и где сейчас руководил сам Олег.

Олег решил, что и в этот раз сможет совершить то, что до него Рюрику свершить не удалось. Он знал, насколько силен и опасен Осколд, представлял себе крепость и отвагу его дружины, поэтому решил не атаковать противника в лоб, а избрать иную тактику. Пойти на хитрость. Пусть для подготовки понадобится больше времени, зато крови прольется меньше, а успех куда как более гарантирован. Олег все рассчитал, однако главным было то, что и время для удара по Киеву было

выбрано очень удачно.

После византийских походов князь Осколд проникся христианскими идеями и решил сменить веру. Вроде бы это личное дело каждого, но не тут-то было! Дружина креститься отказалась. Политическая верхушка тоже осталась предана старой вере и кардинально менять ничего в государстве не собиралась. Но над их спокойной и привычной жизнью внезапно нависла угроза. Пришла она оттуда, откуда не ждали.

В Киеве на тот момент жило не так мало христиан. Христианство уже тогда медленно и неторопливо пускало свои корни на Руси. Христианская община, в том же Киеве, медленно увеличивалась. Видимо, Осколд решил ускорить этот процесс. Возможно, ему хотелось в массовом порядке крестить свое княжество-государство. Такие прецеденты бывали, но без обильного кровопускания не обходились. Возможно, решение князя было серьезным и обдуманым, но он по каким-то причинам медлил с его воплощением в жизнь. Правда, пока он медлил, конфликт набирал силу. Вера стала той разделительной чертой, перейдя которую ближайšie сподвижники Осколда решились на предательство. Сами осуществить переворот и пролить кровь своего вождя они не были готовы, а может, не хотели или просто боялись. Тут им на помощь и подоспел Олег. Именно с этими жалобами киевляне и обращались к нему, ябедничали на явно сбрендившего, по их мнению, князя, искали серьезную поддержку в других регионах.

Может, была и еще какая кандидатура, но остановились на Олеге. Он вполне мог убедить киевлян, что с его приходом к власти мало что для них изменится. Город сохранит свой статус и независимость, будет продолжать набирать международный вес и расширять свои территории, а главное, что он, Олег Вещий, гарантирует сохранение старой, необходимой для всех, веры.

Все останется как было – привычно.

Вера много значила для людей. Аргумент был весом и, судя по всему, принят.

Противовесом Олегу могли служить только хазары. Если бы с Осколдом произошло несчастье и началась междоусобная заварушка, то хазары подоспели бы одними из первых. А вновь платить кому-то дань киевлянам явно не хотелось.

Дальше произошло то, что без помощи ближайших лиц из окружения самого Осколда произойти просто не могло. Притом не просто ближайших, а тех, кому он безоговорочно доверял, и тех, у кого за спиной тоже была сила и авторитет. Иначе вся затея была бы обречена на провал изначально. Сам обман помог бы только убить князя Осколда, но не более. Взять же власть находнику-убийце никто бы не позволил. Роль городской общины в Киеве была очень и очень велика.

Удивительно, что на эти странности мало кто обращает внимание. Как, собственно, и на то, что большинство описаний убийства князя Осколда грешит нелепостями и недоговорками, как бы пытаясь обелить поступок князя Олега перед потомками.

А уж статьи современных исследователей, идущих той же тропой, просто пестрят откровенными глупостями. Вот типичный пример, напрямую касающийся нашей темы:

«Анализируя целый ряд летописных сообщений, свидетельствующих о жестокой борьбе Аскольда с Хазарским каганатом, историк утверждает (Новосельцева), что для древнерусского государства «на первом этапе его существования главным был... хазарский вопрос». И следует весомый вывод: «Пока север... и юг... не были объединены, борьба с хазарами большого успеха не приносила. И лишь когда северный князь Олег... объединил Киев и Новгород, положение изменилось».

Может показаться странным, что освобождение Олегом Южной Руси от хазарской власти началось со свержения Осколда. Но, как установила С.А. Плетнева, «хазары сохранили всю правящую верхушку побежденных народов... связав ее с собой вассалитетом. Поэтому свержение Аскольда и война с хазарами преследовали одну задачу».

Вот так!

Такая фраза могла бы сделать честь даже Льву Рудольфовичу Прозорову. Оказывается, только устранив Осколда можно было начать борьбу за счастье славянского народа. А раз так, то о чем здесь думать, убить князя – и дело в шляпе! Вот он, первый шаг к независимости! То, что Осколд при этом выглядит не просто данником, а ставленником каганата, как-то не замечается и игнорируется. Но не будем отвлекаться на явную ерунду.

Давайте снова окунемся в летописи и рассмотрим предлагаемые ими версии развития событий.

После взятия Смоленска и Любеча войско Олега продолжало развивать достигнутый ранее успех. Ибо, как вы помните, выйдя в поход, Олег собрал рать сильную и многонациональную, поскольку и цель перед собой поставил глобальную. И распускать после первых успехов свое воинство князь не думал. Иначе зачем собирал, зачем тратил столько сил? Для покорения Смоленска хватило бы и одной дружины.

Правда, есть иная версия:

«Он (Олег) мог бы захватить город, будучи во главе мощного иноземного войска. Однако об этом нигде не говорится. В ПВЛ Олег убивает Аскольда и захватывает власть, притворившись купцом. А это значит, что воинов с ним было совсем немного – иначе он никого бы не сумел обмануть».

Такая версия не проходит, поскольку не выдерживает никакой критики. Олег был настолько прагматичен, что пускаться на авантюру, не подкрепленную силой, он бы никогда не стал.

Войска хватало, только битва, которая должна была стать прямым продолжением конфликта, могла закончиться любым итогом. Осколд и его дружина были не подарок, за их плечами было немало побед, и если появилась возможность подстраховаться, то Олег правильно решил этим воспользоваться, не проливая крови своих воинов и избегая всяческих возможных нюансов.

«В год 6390 (882). И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Олма поставил церковь Святого Николы; а Дирова могила – за церковью Святой Ирины». Так выглядит описание гибели Аскольда и захват Олегом Киева целиком в «Повести временных лет».

Одним словом – дурь несусветная. Это описание оставляет больше вопросов, чем ответов, хотя при этом отражает точно суть самого события. Осколда выманили из города одного, без оружия, в заранее заготовленную ловушку, где и убили.

Убийство громкое. Значимое. Заказное. Подлое. Это совершенно жуткая история.

Однако если отойти от эмоций, то само по себе это событие не так много изменило во внешней и внутренней политике Киевской Руси. Можно сказать, что не изменило ничего. Это важно. Но сейчас мы остановимся именно на нем, на убийстве.

Разберем нелепости.

Из прочитанного отрывка мы узнаем, что Олег, только приближаясь со своим войском к Киеву, узнал, что там правят Осколд и Дир. До этого он как бы и подозревать об этом не мог. Это полная ерунда. В Никоновской летописи Киев прямо соперничает с Рюриковым Новгородом, откуда в южную столицу перебегает множество бояр. И об этом Олег не мог не знать. Еще Рюрик пытался оторвать у Осколда кусок богатого киевского пирога, но получил по сопатке, утерся и больше руки к чужому добру не протягивал. Олег, как его ближайший соратник и преемник, и об этом не знать не мог. Он и шел именно на Киев и на Осколда.

К тому же Осколд правил один, единолично. Диру с ним не было и быть не могло, но об этом мы тоже писали в предыдущей книге. Просто отметим, что Дир был предшественником Осколда в Киеве, а не двойником, не его тенью и даже не соратником по борьбе. Его вообще непонятно зачем сюда приклеили. Поэтому в дальнейшем имя Диру, не имеющего к этим событиям никакого отношения, мы просто опустим.

Но вернемся к событиям в Киеве. Невольно создается ощущение, что весь свой хитроумный план Олег придумал спонтанно. План просто обрушился на него. Но это тоже не так. Воинов в засаде он оставил не на всякий случай, рассчитывая только на удачу. Осколд доверчивым дурачком никогда не был и цену себе знал, перед ним византийские басилевсы трепетали, да к тому же как Рюрика, так и Олега киевский князь представлял себе совсем неплохо. Так с чего ему тут вдруг бросать все дела и бежать босиком по росе навстречу к своим купеческим родичам, которые ему, грозному правителю державы, совсем не ровня? Или он бисер побежал, как малое дитя неразумное, посмотреть, который ему по каким-то неведомым причинам заезжие купцы не смогли в город завезти? Или не утерпел он от неожиданной радости: ярмарка, купцы, бисер, а может, еще

карамелек дадут, как тут усидеть на месте. Вот и помчался Осколд, не разбирая дороги, незнамо куда, да так резво, что даже телохранителей ждать не стал.

Ну не глупость? Глупость!

Это единственный такой случай во всей мировой истории, когда глава княжества-государства, как несмышленный малец, спешит навстречу купцам-родственникам, покидая укрепленную столицу. Причем к родственникам, которых до этого и в жизни-то не видел ни разу.

Видимо, громивший византийцев Осколд был самым доверчивым и легковверным политическим деятелем в истории государства Российского от начала времен.

Как пели в одной детской песенке, «на дурака не нужен нож».

Позвольте, позвольте, но Осколд дураком не был, а значит, здесь что-то не так.

Кстати, до этого тот же самый Осколд в идиотских поступках замечен не был. Или он к моменту прибытия Олега совсем умом тронулся? Тем более что сам Рюрик ему был вовсе не друг и не родственник и даже заклятый враг. Чего он от новгородского князя ждал: чтобы тот ему гостинец передал? Или сообщил о том, что Осколда в завещании упомянули как наследника?

Мало того, в другом летописном свитке всплывает такая информация: «Где княжили два боярина, не племени Рюрика, но варяги Аскольд и Дир». Про то, кто такие Аскольд и Дир и какие они варяги, опустим, но даже в этом случае ни Рюрику, ни Олегу они даже не одноплеменники. Какие уж тут родственники! Они ему такие же родственники, как майский хрущ товарищу Хрущеву, Никите Сергеевичу. Тем более непонятно, чего Осколд к ним практически в одном исподнем вскинулся.

Непонятненько.

По Никоновской летописи, Вещий Олег, придя к Киеву под видом новгородского купца, заманил на свою ладью Аскольда и Диру, пообещав показать им «великий бисер» – то есть те же «глазки» (изящное наблюдение питерской исследовательницы Елены Романовой). Арабский путешественник X века утверждает, что за один стеклянный «глазок» можно было купить раба или рабыню. А Осколд, он домовитый был, хозяйственный, ему как раз денег на рабов не хватало, особенно на рабынь. Дай, думает, погляжу одним глазом на «глазок», на который можно здоровенную и красивую девку выменять. Вот уж чудо, так чудо!

Думаете, Осколд дорогих стекляшек раньше не видывал?

Ему бы новгородцы еще фокусы пообещали показать!

Опять несуразица.

В той же летописи есть уточнение, что сам Олег, сказавшись больным, остался в ладье и послал к Осколду извещение, что везет много бисера и украшений, а также имеет важный разговор к князьям.

Белиберду про болезнь Олега и сердобольность киевского князя оставим в стороне. Выздоровеешь, купчина, тогда и приходи пред светлые очи Осколда, а он-то к тебе чего попросит, еще инфлюенцию подхватит или другую какую бактерию, захворает. А от бисера и камней не убудет, полежат день-другой, не стухнут. Так бы сказали в Киеве «больному» Олегу или его засланцу.

Зато про разговор уже интереснее. Это мы в голове отложим.

Дальше идет патетика и поэтика, и все только для того, чтобы прикрыть явную подлость содеянного:

«Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Асколду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру».

Вот они, двойные стандарты. Как будто летописец описывает не кровавое злодеяние, которое можно прямо назвать подлостью и убийством безоружных, доверившихся твоему слову людей, а некий героический поступок, совершенный Вещим Олегом во славу государства Российского.

Что и кому говорил в этот трагический момент князь Олег, мы уже не узнаем, но давайте разберем тот бред, что ему приписывают.

Что же получается? А получается такая картина. Пришел к Олегу на зов в гости без оружия, без свиты, без телохранителей тот, кто потряс основы Византийской империи – киевский князь Осколд. Пришел с миром, на диковины разные посмотреть да разговоры умные послушать. Чего там в мире делается, как погоды в Новгороде узнать, ну, может, еще чайку хлебнуть с малиновым вареньем, и то если хозяин угостит.

И тут... Девки с самоваром?

Нет, куча вооруженных до зубов бугаев окружает князя и мечами, остро наточенными, под ребра усердно тычет, и все это вместо чая и приятных разговоров. Далее входит Олег с каким-то непонятным и незнакомым ему ребенком и сообщает, специально растягивая удовольствие и нагнетая трагизм: «А это сын Рюриков. Не ожидал?»

Так сказать, информирует об отце ребенка. Спрашивается – ну и что?

Какой реакции от Осколда ожидает Олег на это заявление? Что киевский князь в восторге захлопает в ладоши и, проникнувшись всем величием последнего подвига Рюрика, сразу и безоговорочно отдаст его сыну престол? Вряд ли. Осколд может только позавидовать, что Рюрик на такой героический поступок в восемьдесят лет сподобился, но княжество, даже за такое, пусть и «великое» деяние, не отдадут.

О себе же лично Олег сообщает какую-то информацию, видимо секретную, доказывающую его неоспоримое право на престол в Киеве. И что роду он княжеского, а вот Осколд – бродяга без роду-племени и самозванец. Или, может, проще – узурпатор.

А на кой? Кому это уже интересно?

После своего краткого доклада Олег вяло машет рукой и приказывает: «Убейте его! Самозванец!»

Что его приспешники тут же с энтузиазмом и делают.

Вот и доверяй после такого людям!!!

Даже пытаясь всеми путями возвысить род Рюриковичей, не стоит представлять сюжеты ПВЛ в виде боевика, где один крутой парень лихо убивает других крутых парней, да еще из каких-то благих, но не прописанных четко сценарием соображений.

А связать несвязуемое ох как хочется!

Попытки показать, что Рюрик и Олег имеют законные права на владения Киевом, просто нелепы. Но фантазия и трудолюбие впечатляют.

В некоторых летописях в Киев Осколда и Диру посылает сам Рюрик – для помощи против хазар, но потом они не оправдывают доверия и откладываются от него. Неблагодарные! И это единственная и то не самая здравая, а честно говоря, за уши притянутая причина, по которой Олег может претендовать на Киев и иметь претензии к Осколду и Диру.

Однако и здесь неувязка. В летописи «призвание» Рюрика датировано 862 годом, и эта дата, как правило, никем не оспаривается. Все согласны. Между тем уже давно и совершенно точно установлено, что имеющаяся в летописи дата похода Рюрикова «мужа» Аскольда на Царьград неверна: этот поход состоялся еще в 860 году, то есть за два года до летописной даты призвания Рюрика. А из этого ясно, что Рюрик прибыл на Русь ранее 862 года, – по всей вероятности, вскоре после того, как германский император Лотарь I в 854 году вторично лишил его власти над Фрисландией.

Вопрос: куда послал Рюрик Осколда, если представить, что они в этот момент находились вместе? Если он послал их туда, куда вы подумали, то это не значит, что он послал их на управление Киевом. К этому моменту Рюрик даже не представлял, что окажется на Руси. Какие волнения о Киеве и хазарах? Которых, кстати, Рюрик и в глаза не видел.

Это Олег – Вещий, он бы мог и будущее прозреть, а Рюрик – он просто сокол или орел, а может, еще какая боевая птица, без всяческого дара предвидения и к тому же мозгов.

Могут возразить на это, что многие летописные даты IX – первой половины X века (о чем еще не раз пойдет речь) заведомо не точны – подчас они отличаются от истинных на целое десятилетие. Бывало и такое, но при всем при этом хронологию событий летописцы старались выдерживать. Особенно что касается десятилетий. Здесь же нет и этого.

А почему? Да просто потому, что никто и не думал, что это потребуется. Что эти даты любознательные потомки захотят сравнить и поднимут для этого разные летописные своды.

Опять же. Согласно ПВЛ, киевляне (поляне) принимают власть двух варягов Рюрика, совершенно чуждых для Киева и не имеющих никаких династических прав на него.

Странно. И это тоже ничем не объяснено.

Кто ни придет, всех на царствование. Любой заезжий варяг ко двору.

Еще немного поговорим о правах.

Как до нас пытаются довести, Олег приходит к власти в Киеве, представляя себя как князя, имеющего права на «матерь городов русских». Так, он якобы обращается к Осколду, попрекая его:

«Ты не князь и не княжеского рода, я же княжеского рода». Попенять попенял, а доказательств весомых не предъявил. Ну и, чтобы не вступать в прения, а также во избежание лишних вопросов, укокошил.

Для чего Олег показывал Осколду сына Рюрика, совсем уж непонятно. Ни у Рюрика, ни у его сына Игоря (даже если это его сын), ни у самого Олега никаких законных прав на Киев нет и быть не может. Неоткуда им взяться. И Осколд об этом прекрасно осведомлен. А насколько мы знаем, Олег был человек грамотный, расчетливый и циничный, зачем ему всю эту ахиною нести и себя дураком выставлять. Однозначно, незачем! Понятно, не он сам летопись вел, а летописец мог чего-то и не знать, поэтому домысливал на ходу, может, не всегда умно, но зато правильно, как оно нужно на данный момент. Так он ведь тоже не гений, не Александр наш Сергеевич.

Опять же, не нужно делать из Вещего Олега доброго дядьку-наставника, опекающего своего питомца и делающего все, только бы тому жилось хорошо. Чтобы облегчить жизнь сироты, и без того горькую и задрипанную.

Нет! Олег фигура самостоятельная, по тем временам сопоставимая разве что с тем же Осколдом. Если Олег просто регент при малолетнем Игоре, то почему тогда в договоре Руси с греками Игорь никак не упоминается?

Вот что говорит об этом ПВЛ: «Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его».

То есть все его ближайшие люди здесь перечислены. Кстати, обратили внимание на имена? Много среди них тех, что сразу сойдут за славянские? Но дело даже не в этом, а в том, что имени Игоря, которого летописец пытается выдать за сына Рюрика и единственного претендента на Киевский престол, в данном списке нет. И вот парадокс – договор между двумя державами заключен, а имя одного из правителей в документе отсутствует. Как это прикажете понимать?

Если сын Сокола настоящий князь, пускай и малолетний, то о нем в договоре упомянули бы однозначно, поскольку проигнорировать его просто нельзя.

Значит, не все так просто. Игорь может здесь только подразумеваться во фразе «от всех, кто под его рукой», вот и все.

Да и Олег величает себя великим князем русским. Он не считал себя никому обязанным, он единственный и полноправный властелин, который сам все решает. Именно поэтому никакого Игоря в документах и не значится.

И еще один незамысловатый вопрос: а сколько лет было этому мальцу Игорю, которого Олег, судя по записям, предъявил Осколду, вынеся на собственных руках? Случилось это через три года после смерти Рюрика, а умер Рюрик почти в восемьдесят лет. Так сколько лет как минимум ребенку, которого летописи пытаются представить законным наследником Сокола?

В.Н. Татищев убеждает нас, что «велел Олег вынести Игоря и, взяв на руки свои, сказал Осколду: «Я князь Олег, а это княжич Игорь, сын Рюриков». Если на минуту согласиться с тем, что Игорь – сын Рюрика, то тогда получается, что сильно пришлось бы попыхтеть да покряхтеть Олегу, чтобы взять здорового детину на руки. Наверняка Олег был силой не обижен, но даже ему в голову вряд ли бы пришло взять на руки юношу лет тринадцати-пятнадцати. Почему? Сейчас увидите.

Всю свою жизнь, долгую и бурную, несмотря на количество жен, новгородский князь обзавестись наследником или даже наследницей так и не сподобился. Не получалось. И тут, на восьмом десятке лет, решив, наконец, заняться налаживанием личной жизни, он все-таки сына себе состряпал. Как хотите, но подобные откровения очень смахивают на библейские сказания о праотце Аврааме, Саре и Исааке. Как под копирку. Жили-были столетний старец Авраам и старушка Сара, а потом бац – и Исаак у них родился. Правда, здесь без Божьей помощи не обошлось. А Рюрику кто помогал? Языческие боги подключились, не иначе? Летописцы были люди просвещенные, а потому ничего удивительного нет в том, что они могли провести некие параллели между деяниями библейского патриарха и «основателя династии Рюриковичей». Надо же было как-то подтверждать теорию о том, что потомки прибудившегося варяга правили на Руси. А здесь взяли и прикрылись авторитетом Библии!

Но вернемся к «родоначальнику династии». Видимо, потратив на решение проблемы

деторождения свои последние жизненные силы, варяг и скончался. Но задачу свою выполнил – наследник появился на свет.

Вообще-то из всех русских князей XI – середины XIII века, даты рождения и смерти которых точно известны, один лишь Владимир Мономах перевалил через семидесятилетний рубеж (он умер в возрасте 72 лет). В возрасте 64 лет Мономах написал свое великолепное «Поученье», где не раз говорит о себе как о своего рода «долгожителе» и воздаёт за это хвалу Богу, «иже мя сих дней грешного допровода».

Это мы к тому, что сам Владимир Мономах в этом возрасте уже книжки детям писал, а не «устроением личной жизни» занимался, по сусекам не скреб и над эскизами Буратино не работал. Силы и здоровье берег, излишеств избегал, и радовали старого князя уже не только дети, но и внуки. В отличие от Рюрика, который вовремя свою задачу по зарождению династии не выполнил и в полном смысле слова сгорел на работе. Он, конечно, Сокол, но и у этой героической птицы силы не беспредельны.

А чудес, как известно, не бывает.

В любом другом варианте, приближенно к реальности, Игорь на момент убийства Осколда уже довольно взрослый мальчишка. Но этого просто быть не может, потому как Игорь, в силу своей младости, не только не идет с Олегом в поход на Византию, но и не дорос еще до того возраста, в котором уже можно жениться. А женились в те времена, особенно особы княжеского звания, довольно рано. Но и здесь Олегу пришлось ждать. После занятия Киева он выдал свою дочь Ольгу замуж за Игоря только через десять лет.

Значит, Игорь действительно еще совсем мал.

Возьмите бумагу, ручку, калькулятор, счеты, в конце концов, и подсчитайте сами.

В.Н. Татищев, а следом за ним и Н.М. Карамзин высказали свое сомнение в достоверности данной летописной хронологии, да и многие позднейшие историки говорили об этом же с еще большей определенностью.

Так для чего Игорь вообще нужен был при описании этой жуткой сцены?

Дело в том, что к моменту похода Олега на юг родственников у Рюрика на Руси не осталось вообще, а уж коль летописцы искусственно превратили Игоря в сына Рюрика, значит, ему по-любому необходимо присутствовать на таком важном мероприятии, как захват власти в Киеве. На этом примере необходимо было показать единство династии Рюриковичей. А там пусть хоть на руках сидит, хоть на печи лежит, хоть на лавке развалится. Прямо по олимпийскому принципу: главное не результат, главное – участие. Связь не просто должна быть, она должна быть видна.

Сам Олег, согласно преданиям, только лишь принадлежал к «роду» Рюрика и, по понятиям XI-XII веков, не имел права стать наследником его власти. Происхождение же Игоря было неясным. И перед летописцем открывалась возможность объявить его сыном Рюрика, или попросту назначить, что и было сделано, хотя довольно топорно. Для этого мальчика и вставили в сцену с убийством Осколда. Для пушного реализма.

Виднейший исследователь летописей А.А. Шахматов еще в 1908 году убедительно показал, что над составителем «Повести временных лет» тяготела «определенная тенденция. Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторический Игорь должен быть связан с Рюриком... Рюрик – это родоначальник династии: боковые линии должны отпасть».

Вместе с тем взаимные отношения Олега и Игоря не были очевидны, иначе... ему не пришлось бы прибегнуть к искусственной комбинации – то есть к объявлению Игоря сыном Рюрика.

«Игорь, безусловно, никак не мог быть сыном умершего за шестьдесят лет до начала его правления Рюрика: целый ряд сведений показывает, что он стал князем Руси, а также отцом Святослава в весьма молодом возрасте, а мнимые даты его рождения и женитьбы были вымышлены для того, чтобы превратить его в Рюрикова сына».

Ведь именно Игорь, а не варяг-находник Рюрик и не узурпатор Олег был родоначальником династии, правившей на протяжении столетий в Русской земле.

Исходя из вышеизложенного, легко, даже сам собой, напрашивается вывод о том, что Игорь местный, киевский. Возможно, даже славянин. Именно поэтому Олег и выдает за него свою дочь, дожидаясь, пока тот подрастет. Этим узурпатор скрепляет союз с местной элитой, в основе которого лежит предательство, замешанное на крови легендарного киевского князя Осколда.

Более надежных отношений, чем через родство, представить себе трудно. Особенно если

Олег и сам был женат на дочери новгородского владыки Гостомысла. Это первый шаг к сближению.

Кстати, как свидетельствует Татищев, у полян есть обычай, по которому «невесту к жениху приводят. Имели же каждый народ обычаи свои, закон от предания отцов своих хранили. А поляне имели обычай тих, кроток, почтение к снохам и мачехам, и снохи ко свекрам и деверем. Брачный обычай был у них: не ходил жених по невесту, но по договору приводили невесту к жениху к вечеру, а наутро приносили приданое».

Так что Олег действует вполне в традициях полян, подчеркнуто демонстрируя уважение к их обычаям.

Так, на крови невинно убиенного «блаженного Осколда» (*В.Н. Татищев*) был заключен союз нового киевского князя с одной из самых влиятельных славяно-русских семей или кланов (с каким именно точно, сейчас не возьмется сказать никто, важно, что из местных), а венцом этого союза становился потенциальный брак дочери Вещего Олега Ольги и молодого представителя киевской знати Игоря. Но это в будущем, пока еще они оба довольно малы для такого шага. Главное, что договор о намерениях заключен и договаривающиеся стороны ударили по рукам, дав друг другу взаимные клятвы.

В итоге все оставались довольны, потому что каждый получал свое. Олегу важно было закрепиться в Киеве, вот он и породнился с местной элитой и получил возможность для создания династии и обеспечивал себе серьезную поддержку среди местного населения. Представители же киевской знати получали прямой доступ к власти и рождались с самим князем напрямую. Взаимная выгода получалась полнейшая. И никакой Рюрик здесь абсолютно ни при чем.

Причем более выгодного брака для дочери Олегу сейчас было не сыскать. При его образе жизни, бьющей ключом, полной походов, боев и приключений, лучшей возможности не найти, поскольку теперь в Киеве за дочкой приглядят и одну не оставят.

У новоявленного киевского князя имелись вполне имперские замашки, и сейчас он очутился на том месте, где было удобно и, главное, возможно их реализовать. И даже создать свою династию. Вот это действительно важный момент. Более детально мы рассматривали этот вопрос в предыдущей книге, поэтому возвращаться не будем.

Но раз уж так получается, что мы детально рассмотрели и раскритиковали представленные нам летописью варианты, то давайте и сами выскажем свои предположения о том, что и как могло произойти. Тем более что оно более вероятно и возможно больше приближено к реалиям.

В Иоакимовской летописи мы черным по белому читаем: «Осколд предан киевляны и убиен бысть».

Вот это уже похоже на правду. Вот от этого мы и будем отталкиваться.

В эту эпоху, да, честно говоря, и много позже, никто не возражал против убийства как такового. Для русов это был вообще старый добрый обычай.

Политическое убийство, ибо никак иначе то, что произошло, назвать нельзя, считалось у них вполне допустимым средством для достижения своей цели. Главное, чтобы выполнено оно было грамотно и толково. Как сейчас говорят – чисто. Бывали случаи, когда одно такое убийство помогало избежать множества смертей и кровопролитных войн. Убийство Осколда можно смело отнести к их числу. Так что ярого отторжения в те времена поступок Олега, возможно, и не вызывал, тем более что, когда все закончилось, убийца обошелся со своей жертвой вполне достойно, как бы соблюдая некие законы справедливости. Если о них здесь вообще можно говорить.

Итак, Олег со своим довольно большим войском подступает к Киеву. А в войске у него варяги, чудь, словены, меря, весь, кривичи. Армия немалая, сила сильная. Тут и не захочешь, а поневоле начнешь считаться. Нападать Олег не торопится, он уже завел в самом Киеве друзей-союзников среди людей, близких к Осколду. Это те, кому киевский князь доверяет безоговорочно. План разработан, условия оговорены, и он уже запущен в действие.

Войска все ближе друг к другу, но лить кровь никто не хочет. Тем более что есть шанс договориться миром.

В «Киевском синопсисе» на этот счет есть конкретная информация – «и вызва лестию к себе на стан из града Осколда и Дира, аки беседы ради приятельския».

Олег даже вроде как первый делает шаг к переговорам, он готов встретиться с Осколдом и поговорить. Это разговор двух вождей между собой, он такой в их жизни не первый и не

последний. Осколд сам не раз такие вел. Именно поэтому он осторожен и недоверчив, он много на своем веку воевал, знает, что может случиться. Вот здесь Олегу и нужны друзья из ближнего окружения киевского князя. После принятия Осколдом христианства и желания князя крестить страну многие из его приближенных встали на путь заговора. Изменить ничего было уже нельзя, да и было поздно давать задний ход. Смерть одного человека казалась им вполне приемлемой ценой за сохранение старых традиций и старой веры. Теперь Олег ждал помощи от них. Эти люди должны были убедить Осколда в том, что Олегу можно доверять, что он человек чести, человек слова и с ним можно смело встретиться один на один и без оружия. Тем более что кто-то из них готов был киевского князя на эту встречу сопровождать. Таких людей много быть не может, это только очень ближний к правителю круг и к тому же очень и очень влиятельный. Вот им-то, на свою беду, Осколд и доверился. Не мог не довериться, раз люди эти были все насквозь проверенные и уважаемые. Не мог князь подумать о том, что именно новая вера и сведет его в могилу.

В городе у Осколда по-прежнему хватало сторонников, не все киевляне были готовы к смене князя, да и дружина по большей части не была в этот заговор вовлечена, это наверняка. Осколда любили. Именно поэтому нужно было выманить киевского князя за городские ворота, чтобы никакая случайность не могла помешать заранее спланированному убийству. В таких делах мелочей быть не может. Осечки быть не должно. Второй попытки никто не даст. При первом же подозрении, а уж тем более неудаче, Осколд ответит сам, и ответит стремительно и страшно, в этом сомнения не было.

Итак, Осколд выезжает, доверившись слову Олега, за городские стены, без оружия, с небольшой группой доверенных лиц, большая часть из которых изменники. Правда, он об этом узнает уже слишком поздно. Князь едет на переговоры, а его поджидает западня. Олег уже высадил часть своей дружины на берег, заранее обговорив тайный план действий. Возможно, что до Олега Осколд так и не добрался, а погиб раньше, напорвшись на засаду. Возможно, что он был убит не один, а с ним вместе пали и те, кто был верен ему до конца.

А может, действительно он успел встретиться с Олегом, понять, что его предали, и даже взглянуть в глаза своим убийцам.

После того как Осколд был убит воинами Олега, узурпатор захватил единоличную власть и вокняжился в Киеве при полной покорности и лояльности киевлян.

Случилось это в том же 882 году.

Расположение Киева показалось Олегу весьма удобным, и он перебрался туда с дружиной. А затем провозгласил: «Да будет это мать городов русских».

Таким образом, Вещий Олег стал первым, кому удалось объединить северный и южный центры восточных славян. Можно сказать, что он уже создал небольшую империю. Именно по этой причине Олега иногда считают основателем древнерусской державы. Хотя напомним, что государство уже существовало и до него. Дир и Осколд фактически оформили это самое государство, его форму и статус много лет назад. Олег же только объединил под одной рукой север и юг.

Утвердившись в Киеве, Вещий повел себя вполне разумно и порядочно. Убиенного им Аскольда «отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь Святого Николы». Те почести, которые узурпатор мог оказать своему недавнему противнику посмертно, он оказал. Простых киевлян хоть это могло порадовать, ибо князя своего, так долго и успешно правившего здесь, они любили.

Несмотря на убийство князя-христианина Осколда-Николая, которым окончилась политическая борьба севера против юга, гонений на многочисленную христианскую общину в Киеве при Олеге не было. Нагнетать обстановку в побежденном городе не имело смысла, да и к самой вере, как таковой, Олег, как и большинство его современников-единоверцев, относился весьма терпимо. Не это его сейчас волновало.

Исходя из своих больших appetites, или, если хотите, амбиций, а не только в силу деятельности природы, Олег продолжает действовать энергично, расширяя границы своего новообразованного государства.

Возможно, кому-то это покажется странным, но Вещий практически прямо продолжает политику убитого им Осколда. Бывает и такое.

Во всем, разве что кроме введения христианства.

Новый правитель уже знает, чем это может закончиться.

Политическая верхушка киевских русов-славян не просто полностью поддерживает его, но и в какой-то мере контролирует. Они сейчас нужны друг другу. Без их поддержки Олегу в Киеве не усидеть, а киевлянам нужен вождь, не уступающий по своим талантам такой харизматической личности, как Осколд. Олег же, надо признать, личность выдающаяся и неординарная.

«И обладал всею землею Русскою, бывшие же при нем варяги, славяне и прочие все, а также и поляне, прозвались Русью» (*Татищев*) .

С этого момента у Киевского княжества появляется новое имя – Русь. Но, повторимся, государство уже функционировало давно, Олег лишь дал ему новое, привычное нашему слуху имя.

В тот же год «Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и меря», то есть он не только строит, но и деньги считает. Государственный подход, государственный ум.

Заметьте, после своей победы Олег устанавливает дань для своих бывших союзников, для тех, благодаря кому он и смог захватить Киев. Возможно, это кому-то покажется удивительным, тем не менее факт налицо. Как говорится, дружба дружбой, а порядок быть должен.

Зарубка для размышлений.

Следующий его декрет еще более удивителен: «И установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава» (*«Повесть временных лет»*) . «Олег нача грады ставити и дани устави по всей земли Руской: словяном и кривичем, и меря, дань даяти варягом, от Новгорода 300 гривен на лето мира для, еже даваше варягом до смерти Ярославли» (*Пискаревский летописец*) .

Это еще раз к вопросу о его национальной принадлежности. Подчеркнем, что Олег заставил свой бывший город, второй по величине на данный момент в его державе, платить ежегодную дань варягам?! То есть содержать его же собственную армию.

Но платить именно варягам. Возможно, своей дружине. Эту же мысль подчеркивает и Татищев: «Варягам под рукою его. Дань, разумеется, в жалованье, или корм, сим далеко от домов отлученным войскам. Под рукою ж точно значит подвластных, а не наемных».

Не заставляет ни о чем задуматься? И формулировка какая красивая – ради сохранения мира! О чем она?

Итак, Киев он уже подчинил, но армию свою не распустил. Она ему еще очень и очень нужна. Из кого состояла эта армия, вы уже видели.

Армия есть, теперь вопрос: на кого ее направить?

Какие после гибели Осколда остались у Олега враги? А ведь осталось, и не мало. Самыми серьезными были Хазарский каганат и Византия.

Византия и на тот момент была крепким орешком, ее с наскока не возьмешь, тут нужна большая подготовительная работа, это было уже не раз проверено тем же Осколдом. Каганат выглядел куда как хилее. Поэтому первым делом, видимо для пробы сил, Вещий Олег вступил в конфликт с Хазарией, решив обезопасить себя и свой тыл, оставив Византию на потом.

Напомним, Олег был в первую очередь политиком, воином лишь во вторую. Поход на Хазарию и «освобождение из-под ее ига» славянских племен был обусловлен еще и тем, что боевые дружины Руси с неиссякающим упорством ищут доступа к арабскому серебру. А оно с рубежа VIII и IX веков почти непрерывным потоком движется через Восточную Европу с Дона на Оку, Верхнюю Волгу и Волхов, в Ладогу и далее на Балтику. Предводители русских дружин прекрасно были знакомы и с географией, и с экономикой. По крайней мере, в разделах, нужных им.

Поэтому Хазария в первую очередь. Торговые пути всегда будут важны, для любого государства, и неважно, кто им управляет: Святослав, Владимир, Ярослав или Олег. А сами князья не додумаются, так найдутся в их окружении умные люди, которые надоумят и поправят.

И это верно.

Уже с IX века русские князья претендуют на хазарский титул «каган» (ха-кан), но это еще не вызов, это скорее подражание.

К этому времени, как сообщает нам писатель Л.Р. Прозоров, «истосковавшиеся под гнетом хазар славянские племена давно ждали своего Освободителя, и вот час настал.

Дождались!

Олег бросил открытый вызов угнетателям».

Так, по мнению Льва Прозорова, началась освободительная война славян против хазар.

Вещий князь был отменнейший полководец, к тому же расчетливый и прагматичный. Выждав удобный момент, он пошел войной на Хазарский каганат, чтобы время зря не терять и утолить чаяния славянского населения.

Правда, по словам того же популярного литератора, подвиг сей остался неоцененным, а то и вовсе скрытым от посторонних глаз, вычеркнутым из памяти потомков.

«Ох, летописцы-чернецы... какими немногословными становятся они, описывая победы князей-язычников! Помните куцее «воеваша на печенегов», увековечившее подвиг отца Святослава? О победах Олега летописи – и то не «Повесть временных лет» – говорят еще лаконичней: «В лето 883 иде Олег на козары» («Архангелогородский летописец»), Олег «повоева же козары» (Иоакимовская). Вот когда полетели каменные головы Юда! (Л. Прозоров) .

К сожалению, Лев Рудольфович даже здесь умудрился процитировать «Архангелогородского летописца» неправильно. Вот и верь ему после этого на слово. Все приходится за ним проверять. Но к этому отрывку мы еще обратимся.

А пока давайте сами по всем имеющимся в наличии документам проследим боевой путь гвардейских и легендарных полков Вещего Олега, может, нам удастся отыскать следы, скрытые летописцами-чернецами. Попытка – не пытка.

С чего начнем?

Давайте с географии.

Куда же направили свой главный удар киевские полки? Неужели вступили в борьбу за освобождение братьев-славян от иноземной напасти?

Можно сказать и так. Только освободив их от одного ярма, Вещий Олег тут же решил надеть на них другое, не менее обременительное, но зато родное и дружественное.

Теперь, покончив с преамбулой, поясним свою мысль, а заодно и то, почему на первый взгляд так скупы упоминания о войне Вещего Олега с хазарами. Именно что на первый взгляд. Этих упоминаний действительно немного, но для нас вполне достаточно и их.

Для начала мы приведем вам сведения из летописных сводов о военной кампании Олега целиком и полностью. Разбор отложим на потом.

Вот как они выглядят на страницах «Повести временных лет»:

«В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их» и вам (им платить) незачем».

В год 6393 (885). Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал».

Вот это и есть война Олега Вещего с могучим и страшным Хазарским каганатом.

И это все!!!

Других данных о победах Олега над «неразумными хазарами» нет, все они четко отражены и запротоколированы. Вот поэтому так скупы на славословия остальные летописные своды и их авторы. Все, с кем воевал Вещий Олег, были славянами, и подчинял он именно их земли. Сами хазары здесь вообще не на переднем плане. Они как бы только подразумеваются, только обозначают свое присутствие.

Скупой «Архангелогородский летописец», на которого ссылается Лев Рудольфович, освещает проблему так:

«Лета 6391 (883). Иде Олег на древляны, и на северы, **и на козары, и наложи на них дань по черной кунице с человека на год**, и оброки по всей земле Руской устави, и многи города постави».

«Ведущий историк языческой Руси», опьяненный азартом от удачной находки, даже не удосужился задуматься, а откуда хазары будут брать-то этих самых куниц. Ни в Закавказье, ни в Донских и Волжских степях куницы не водятся. Нет их и на побережье Каспийского моря. Правда, есть в землях вятичей, но если каждый человек, проживающий на территории каганата, будет отдавать Олегу в год по кунице, то в лесах вятичей очень скоро таких зверей не останется. И чем тогда хазарам платить жадному князю? Только натурой. И потекут к Олегу живой нескончаемой

рекой уже не беличьи и куньи шкурки, а красавицы-девицы, ибо ничем другим хазары, по мнению ученого Льва, ни брать, ни платить не умеют. Но об этом позже. О девках мы еще поговорим.

Хотя, если говорить серьезно, ценность похода от этого нисколько не уменьшается, ибо Олег откусил от земель каганата солидный кусок. Переподчинив славянские племена себе, он сделал значительный шаг в расширении границ Киевской державы и сборе славянских земель под единой властью. Однако думал Вещий Олег в данном случае не о счастье своих новых подданных и политических свободах для них, а совсем о другом. Дальнейшее развитие событий это не раз покажет.

Что же касается русско-хазарской войны времен Вещего Олега, то на этом она и закончилась. По крайней мере, ее основной этап.

Вы удивлены? Вы сомневаетесь? Давайте посмотрим, что об этом пишет другой кропотливый исследователь, а именно все тот же Лев Рудольфович Прозоров. Уж он-то ничего не упустит, и если нужно, то нас поправит. Может, у него в запасе есть и какая иная информация?

Воспользуемся цитатой из его трудов:

«Казнивший Осколда-Николая, Олег повел себя совсем по-другому. Он, человек «рода княжьего», действительно говорил и поступал, «как имеющий власть». Заняв Киев, Олег сразу наносит удар по древлянам. Древлянский князь Нискиня признает себя и свой народ данниками Олега и Игоря. Обезопасив таким образом тыл, Олег принимается освобождать данников каганата. Многострадальная Северская земля освобождается от жуткой хазарской дани и облагается «данью легкой» – а какая бы показалась тяжелой после той? Впрочем, летописец, верно, имел в виду, что дань эта была легкой даже по русским меркам. Затем следуют радимичи и, незадолго до знаменитого греческого похода, вятичи (летописец не описывает специально их освобождения, но упоминает их в войске Олега). Освобождая от хазарской дани славянские земли, Олег говорил с простотой великого человека:

– Я – их враг.

Или:

– Не давайте хазарам, а платите мне.

Но и на этом он не остановился» (*Л. Прозоров*).

Зато остановимся мы и посмотрим, большая ли разница между приведенными сведениями.

Летописи более скупы и статистичны, а «ведущий историк языческой Руси» параден и помпезен. Он, как и его придуманный герой, велеречив. Даже читать сии строки хочется стоя, из чувства нахлынувшей гордости и распирающего грудь патриотизма.

Это, конечно, не плохо, но так ли это было в действительности? Интерпретация событий в исполнении Льва Рудольфовича наверняка уже запала вам в душу, так что теперь давайте мы предложим вам иную версию развития событий, несколько отличную от прозоровской. Хотя от его комментариев по этой теме мы в этой главе не уйдем, ибо они намного лучше помогут понять суть проблемы. А заодно и разберемся, кто же прав.

Начинаем детально вникать в суть проблемы.

Эту часть нашей главы хотелось бы начать строчками другого выдающегося поэта: «Как ныне собирается Вещий Олег щита прибывать на ворота...» Это более точно отражает суть дела.

Первый свой удар Олег нанес по древлянам. Это большое и свободолюбивое племя никому дань не платило. Ни хазары, ни Византия, ни Рюрик, ни Осколд не смогли его подмять под себя. Древляне довольно долгое время, можно сказать изначально, являются самыми главными противниками полян и самыми опасными среди всех остальных славянских племен.

Одним словом, древляне жили сами по себе. Чтобы они добровольно признали власть над собой Вещего Олега, он должен был обладать огромной силой, под которой мы подразумеваем войско. Эту победу недооценивать нельзя. Для полян она особенно ценна. Наконец с давним противником покончено. Теперь он подчинен и платит им дань. Это еще не один народ. Пока это победители и побежденные, и никаких компромиссов здесь нет.

Стоит отметить, что для киевских же князей древляне еще долгое время будут как кость в горле, как дикий зверь, готовый в любую минуту вонзить зубы в горло победителя, если тот потеряет бдительность, зазевается или вовсе отвернется. Да и поляне их не жалуют, самое тяжелое бремя дани несут у них всегда древляне. Их грабят, не стесняясь. Один из будущих киевских князей, а именно Игорь, поплатится за такую политику собственной головой.

Рассмотрим все по порядку. Не торопясь. Ибо покорение древлян как раз и есть начало

прямого конфликта или, если хотите, открытие военных действий Киевским государством против Хазарского каганата.

«В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице» (*ПВЛ*).

Про стычки и сражения не указывается. Но они наверняка были, древляне не тот народ, чтобы так запросто отдать свою свободу и добровольно склонить голову перед поработителями. С чего вдруг? Столько лет жили себе спокойно и ни в чьей опеке не нуждались! Но интернациональному войску Олега древляне противостоять не смогли. Наступил миг, когда жители этой славянской земли вынуждены были уступить завоевателям, подчиняясь силе оружия.

Используя немного измененную строку великого советского поэта, «и долго дружина топтала древлян своими гнедыми конями».

Сколько нужно было для этого пожечь древлянских деревень, истоптать посевов, сколько побить мужей, сколько женщин оставить вдовами, а детей сиротами, чтобы согнуть этот свободолюбивый народ, летопись молчит, как воды в рот набрала. Летописец только подводит итог, а Лев же Рудольфович не фантазирует вообще и слез по древлянам не льет.

Даже Татищев указал, что «Нестор о древлянах нечто по злобе хульное указывает, ибо о них выше сам сказал, что едиnorodны полянам». И чуть позже добавляет свои наблюдения: «Древляне. Народ был славянский, жили по реке Припети в лесах, и от того древляне, или лесные, именованы. Птоломей в том месте указывает народ трамонтании; сие имя от латинян значит граждане, и сие видится подходящим, ибо они имели грады. И них города Коростень, Овруч, Житомир и другие, которые до сих пор известны» (*Татищев*). Славный народ! Развитый! Единоверцы! И единоплеменники, одним словом, славяне! Но не жалко древлян никому, будто они иного роду-племени. Будто враги они для общеславянского дела. И все только потому, что хотели отстоять свою свободу и независимость.

Покорив древлян, Олег не останавливается, теперь, когда главный конкурент среди славянских племен устранен, пришла пора вторгнуться в границы Хазарии.

В следующем, 884 году Олег подчинил северян, и, как пишет Л. Гумилев, началась русско-хазарская война (с 884-го по 885 г.).

«В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их» и вам (им платить) незачем» (*«Повесть временных лет»*). Сказал, как отрезал!

Эта фраза, которой так гордится Лев Рудольфович, отчего-то больше напоминает сленг времен перестройки, когда во время бандитских разборок одна крыша меняла другую, точно так же гордо при этом повторяя слова легендарного князя. И ключевое в ней было одно – платите мне! Теперь я ваша крыша!

В этом же году Олег успел покорить и обложить данью и северян, и радимичей. Это не древляне, тут дело пошло быстрее.

Так, понемногу, Олег отжимает у хазар подчиненные им земли, «освобождая» славянские племена под себя.

И как тут не вспомнить еще одну строку гениального поэта, которая как нельзя лучше подходит для происходящего:

А вещей Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул.

(В. Высоцкий)

Пытался завоевать Олег уличей и тиверцев, но те воспротивились сильно, стояли до конца и, как говорят, имели войну против него. Отбивались от «освободителя» сильно и стояли крепко.

Дошло даже до того, что эти земли предпочли покровительство дунайских болгар.

Странно, не правда ли? Тиверцы и уличи тоже почему-то уклонились от общеславянского рая, который строил Вещий Олег!

Теперь обратимся к хазарам. У хазар в эти годы фактическим правителем был Вениамин (ок 880-900 гг.), чье имя в переводе означает «Сын моей правой руки». Хотя сейчас оно звучит несколько двусмысленно. Но что поделывать, нравы меняются.

Вениамин не являлся Божественным каганом, а был каган-беком, но реальная власть, как мы

помним, была именно у него. Однако «силы» на Олега и его армию не хватило, и тут Вениамин даже связываться не стал, расчетливо пойдя на жертвы. Он предоставил возможность своим данникам самим разбираться с ситуацией и, если нужно, самим отстаивать их хазарскую прописку.

Напасти поджидали его со всех сторон, и Вениамину приходилось выбирать. Как следует из письма «неизвестного хазарского еврея X века» (во дни царя Вениамина), «поднялись все народы на (казар) и стеснили их». Занятый войной с непокоренными аланами, «Сын моей правой руки» не решился, а может, и не захотел разбазаривать силы, поэтому так легко и упустил своих славянских подданных. Которые моментально были присоединены Олегом к его быстро растущему государству.

У Вениамина и так забот полные горсти, а тут еще и войско русов уже в пределах Хазарии, правда, пока еще не в опасной близости. Кто такие русы, хазары знали лучше других, сами от них немало натерпелись, сами пугали ими соседей, но до большой войны пока не доходило. А сейчас эта война нужна было меньше всего. Да и вождю славян практически впервые удалось собрать такую мощную армию. Если сейчас Вениамин разбередит ситуацию, то она может обернуться катастрофой. Аланы, с которыми сейчас шла война, тоже были бойцы азартные. Тут хочешь не хочешь, а нужно чем-то жертвовать.

Единственное, чем смог ответить Хазарский каганат воинственному русскому князю, так это устроить экономическую блокаду. Вениамин сразу смекнул, к чему подбирается Вещий, в чем его главная цель, и решил немного обесценить добытую Олегом победу. Показав таким образом, что территории ты приобрел, а вот с серебром ты, милый друг, промахнулся.

В торговле того времени главную роль играли серебряные дирхемы – арабские монеты, которые поступали на Русь и в соседние страны через Хазарский каганат. Но «в последней четверти IX в. приток монет в Восточную Европу резко сокращается, – пишет В.Я. Петрухин, опираясь на специальные исследования, – ...при этом... доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата» (В.Я. Петрухин)

Насколько серьезно это сказалось на Киевской Руси, нам сейчас говорить сложно, но ясно, что смертельным такой удар совсем не выглядел. А вот Олегу могло стать действительно обидно, но даже в этом случае ответ Вениамина впечатляющим назвать сложно. Скорее удар по престижу.

Пока в споре меча против калькулятора выигрыш оставался за мечом, притом за явным преимуществом.

Улучив удачный момент, Олег отжал безвозмездно у каганата довольно значимые территории, лишив к тому же Хазарию привычной дани. То есть выигрыш в любом случае остался за Киевом, а казна державы стала пополняться. Что и было зафиксировано документально: «И многи ины страны притяжа к Рустей земли и дани возложи на ня» (*Пискаревский летописец*).

Казалось бы, все хорошо, и нам, потомкам, можно только радоваться да гордиться. Киевский князь не просто расширил территорию своего государства, не просто объединил большинство славянских земель под одной рукой, но и освободил этих же самых славян от иноземного ига.

Вот с этим сложнее.

Ибо, забегая несколько вперед, скажем: сразу после смерти Вещего Олега все эти «неблагодарные» славянские племена тут же восстанут против своего государя, и уже новому князю Игорю потребуется немало сил и времени для того, чтобы вернуть их обратно под протекторат Киевской Руси. В освобожденных ранее землях идет настоящая война, и идет она не год и не два. Славяне, пользуясь смертью строгого, но авторитетного властелина, отчаянно сражаются, не желая принимать нового князя. Странно. Из-под жуткого хазарского ига, о котором нам трубит Прозоров, они никогда не пытались вырваться. А здесь бьются с такой страстью, решимостью и ожесточением, что невольно задаешься вопросом: почему? В Хазарии ведь тоже менялись правители. С чего вдруг?

Неужто им не хочется жить в общеславянском государстве, платя за это небольшую и легкую дань, практически своим же соотечественникам, и к тому же быть защищенными от мерзкой хазарской напасти?

И вот здесь мы переходим к важнейшему из вопросов, а именно финансово-денежным отношениям между славянами и каганатом. Одним словом, к легендарной хазарской дани.

Образнее и выразительнее всех выразился на этот счет все тот же Лев Рудольфович Прозоров.

Сразу виден мастер художественного слова, аж сердце екнуло и на время перестало стучать, и мы просто не можем равнодушно пройти мимо этого горестного рассказа. Тем более что он обозначил точку зрения многих любителей истории.

Приступим.

Возьмите в руки носовые платки и накапайте себе валерьянки, возможно, так будет легче. Людей, страдающих сердечными болезнями, просим этот абзац (прекрасно подходящее этому опусу определение) просто пролистнуть.

«Но стократ тяжелее и страшнее легла дань на другие славянские земли: Северу, Вятичей и Радимичей.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях записано, что хазары брали от «дыму» (не то от дома, не то от родовой общины) «по беле веверице». Историки долго спорили, как понимать эту запись. Не то по «беле (серебряной монете) и веверице (белке)», не то «по белой веверице». Сошлись на том, что первое маловероятно.

Но в XV веке в Московском княжестве, в землях тех самых вятичей, штраф за синяк составлял пятнадцать беличьих шкурок. То есть русский с русского, и не с дома, не с общины, а с одного человека, и не в качестве дани, а в уплату за синяк брал в пятнадцать раз больше. А ведь и лесов, и белок за полтысячи лет стало меньше, и цена их меха должна была соответственно возрасти. Зная то, что мы знаем о хазарах, можно ли вообразить такую мизерную дань?

Но сохранилась другая летопись, Радзивилловская. И написано в ней иное. Такое, что поневоле понимаешь других летописцев. Так и представляешь, как монах в келейке неверяще глядит на древние строки и переправляет по своему разумению – на ту самую «белую веверицу».

А написано было: «По белой девице от дыма».

И рядом, на миниатюре, чтоб никто не ошибся, не принял за случайную описку, – стайка девиц и старейшина, склонившийся перед надменным хазарином.

Вот это как раз очень похоже на то, что мы знаем о каганате. Вспомните, Хазарией правил клан работорговцев. Что для них было естественной такой дани – и выгодной, и сокрушающей гордость данников, приучающей их к всевластию посланников каганата и собственному бесправию?

А теперь, уважаемый читатель, если вы еще не поняли или не поверили, что хазары были в глазах славянских соседей чудовищами, постарайтесь примерить на себя. Попробуйте представить, что это вы, заслышав голос бараньих рогов-шофаров, идете к воротам – впускать в родное селение сборщиков дани. Идете и гадаете, кого они уведут. Сестру? Дочь? Невесту? Представьте, как это – жить год за годом в ожидании этих страшных дней. Представьте, каково было смотреть в глаза матерям девушек, которым выпадал безжалостный жребий. И каково было давить в душе мерзопакостное облегчение – нынче увели не твою! И знать, что когда-нибудь ты зашаришь по лицам сородичей отчаянным взглядом – «Дочку же! Доченьку...» – и увидишь тень этого недодавленного облегчения. И какой бабий вой стоял в такие дни над тремя славянскими землями...

Виновники этого не могли быть людьми. Не «искажение», не «наслоение», не «эпическая фантазия». Леденящий кошмар высшей правды, обнажившей непотребство мутировавшей, выродившейся чужой души. Души, делавшей ее обладателей много омерзительней и страшнее, чем змеиная чешуя и огнедышащие головы. «Налетало Чудо-юдо поганое, требовало себе на обед красну девицу...» (*Л.Р. Прозоров*) .

И дальше...

«Еще в VII веке византиец Маврикий писал о наших предках: «Этот народ никакими силами невозможно принудить к повиновению в своей земле». И вот этот народ заставили платить дань женщинами! Да славянские земли должно было трясти лихорадкой отчаянных постоянных восстаний! Отчаянных – потому что племенные ополченцы с рогатинами и топорами и умелые, но малочисленные дружинники мало что могли поделать против орд кочевых вассалов каганата и бронированных лав его наемников» (*Л.П.*) .

Вот так. Ни больше ни меньше.

Сейчас на сакраментальный вопрос еще одного замечательного русского поэта, а именно Н. Некрасова – «чей там стон раздается?», можно ответить предметно и точно, называя имя, фамилию и адрес.

Что можно возразить этой печальной ярости?

А возразить можно многое.

Так и хочется сказать: утри, Левушка, свои слезы, перестань надрывать, все ведь совсем не так было, так что успокойся, просто почитай внимательно документы. Все это «явная басня по древнему суеверству» своему, «чему всяк благоразумный не поверит», здраво рассудив и свитки древние почитав. Ты же историк, Лев!

Начнем с того, что совершенно напрасно Лев Рудольфович не доверяет русским летописям, упираясь и противопоставляя им одну-единственную, соответствующую его личной теории. Ситуация та же, что и с Архангелогородским летописцем. Само по себе это понятно, но неправильно. Нельзя быть таким доверчивым, этому Прозоров и сам нас учит, а пример Осколда наглядно это подтверждает.

Давайте пробежимся по русским летописям вскользь. Что они нам поведают?

«В год 6367 (859). Варяги из заморья вимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей **по серебряной монете и по белке от дыма**» (*Ипатьевская летопись*).

Об этом же сообщает и Пискаревский летописец: «А казари имаху дань на полянех и на северенех, и на вятичех по беле векшице от дыма». Ту же самую информацию содержит и Софийский временник: «А Козари имаху дань на Полянех и на Северянех, и на Вятичех по беле векшице от дыма».

Аналогичные сведения приводит Ермолинская летопись.

В Никоновском летописном своде тоже ни единого слова про девиц не содержится: «А Козари имаху дань на Полянех и на Северянех, и на Вятичех по беле, реше по векше с дыма». Для солидности цитата из Рогожского летописца: «А Козари имаху на Полянех по беле с дыма».

То есть белки везде, а про девок ни слова. И это сообщают почти все официальные источники, кроме одного, который Лев Рудольфович и осилил. Думаете, все они стоворились, чтобы скрыть сей позорный факт от глаз потомков и побережь их и без того растрепанные нервы?

Успокойтесь, перестаньте нервничать, смахните слезу и расслабьтесь. Летописцы, в отличие от Льва Рудольфовича, ничего не перепутали, ошибки случались, мы это уже видели, но не такие массовые. Здесь они углядели все четко. А контроль над случавшимися непотребствами, если таковые и были, они вели безукоризненно. А уж тем более если в этом были замешаны девки, да еще красные. Ведь и в те далекие, можно сказать, легендарные времена про девок людям было куда интереснее читать, чем про белок. Про них, в смысле белок, читали князья да вельможи и еще экономисты разные, а про девок любой прочтет, а прочесть не сможет, дак послушает. Любого такой сказ зацепит.

Например, «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку сообщает нам такую пикантную подробность, которая явно не укладывается в рамки разумного понимания. Речь идет о нашествии аваров (или, как их называет летописец, «обры») на славянские земли. Славянских женщин и девиц это коснулось напрямую. Летописец достаточно подробно, можно сказать, детально расписывает все ужасы, которые пришлось пережить этим самым славянским девицам. Их беды описаны ярко и красочно, в лучших традициях Льва Рудольфовича: «Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамь дулебскимь: аще поехати будяше обьрину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обьрена, и тако мучаху дулебы».

Все непотребства налицо! Ничего не упущено.

Для тех, кто не понял или не смог понять, переведем.

Авары запрягали в телеги от трех до пяти славянских женщин и, развлекаясь, заставляли себя катать в этих телегах. На большее фантазии не хватало, измывались, как могли. Изверги.

Вы думаете, это дулебским девицам нравилось? А их мужчинам? Вот поэтому летописец и занес все это в архивы.

Неужто вы думаете, что пропустил бы хазарские пакости?

Или вы считаете, что славяне, перед которыми дрожали многие народы, безропотно утирались, отдавая молодых красивых девушек в лапы идолищу поганому, или чуду-юду, и, молча утирая слезы и запихивая поглубже остатки гордости, жили дальше? Хорошо же вы думаете о своих предках! Только весь ход истории это опровергает. Больше того, Лев Рудольфович сам же опровергает себя, крича на каждом углу о славянской и русской гордости, так неужели? И ни одной попытки восстать, вооружиться и врезать по чуду-юду промеж глаз, до тех самых пор, пока

не нагрязнул Олег со своим бравым интернационалом?

Чудеса, да и только!

Ладно, с девками разобрались, вернемся к белкам. В нашем вопросе они куда важнее.

Видимо, в те давние времена такой инфляции, как сейчас, не было. Курсы валют так часто не пересчитывали. Определили таксу, вот по ней и платят. И придерживаются ее не только хазары. Смотрите, проходит довольно много лет после событий, описываемых в летописях, каковые мы вам привели чуть выше, для того чтобы лучше понимать финансовое бремя, наложенное на побежденные славянские народы, и что мы видим!

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

Это не что иное, как отрывок из поэмы «Слово о полку Игореве» в великолепном переводе Н. Заболоцкого. Сколько веков прошло, сменились целые народы, и хазар-то уже нет, и печенеги ускакали, и Вещий Олег уже легенда, а такса, или, скажем так, размер дани сохранился. Идет уже XII век, а белка все еще пребывает в цене. И счет русским князьям выставляют в беличьем эквиваленте не кто иные, как половцы. Степные стервятники, не знающие ни стыда, ни жалости, ни чести. Головорезы. Но белка для них и по сей день осталась белкой, кожаной стандартной валютой, как в иные времена бутылка.

Вот что важно.

Частенько в трудах различных исследователей мы можем обнаружить весьма ироничное отношение к «кожаным деньгам» и «меховым деньгам». Раз не золото, серебро, значит, неинтересно. А зря. Ибо, как вы могли уже убедиться, валюта эта была не только стабильная, но и чрезвычайно важная, особенно для купцов. Ведь очень многие из них, причем если говорить о русах и славянах, то можно считать, что большинство, торговали именно мехами. Так что именно белка служила двигателем торгового дела, а возможно, и двигателем прогресса. Можно было смело сказать: «Белка – наше все!»

Нас же это волнует не просто из чистого любопытства, это мы говорим для тех, кто может подумать, что мы немного ушли от нашей темы, несколько сбившись с верного пути. Но это не есть так. Кожаные деньги, а точнее, их стоимость, и есть лучшая иллюстрация к данной главе, она как нельзя лучше показывает и характер Вещего Олега, как бы кому это ни показалось странным. Белка лучше других помогает представить отношения славянских племен с Хазарским каганатом. Деньги, как это часто случается, объясняют многое. И это понятно, ведь именно они, деньги, и являются прямым эквивалентом богатства и могущества, а для кого-то и мерилем успеха.

На Руси к тому моменту серебряных денег было не так много. Не то чтобы не имелось совсем, но на все нужды не хватало, нужен был внутренний эквивалент, который при удачном стечении обстоятельств мог котироваться или выгодно обмениваться на внешнем рынке. Грубо говоря, древние русские деньги могли, в отличие от нынешнего рубля, успешно конвертироваться как на Западе, так и на Востоке.

Кстати, знатный экономист К. Маркс был свято уверен, что в России до Петра I находились в обращении в качестве денег только кусочки кожи.

Из русских и иностранных исторических документов известно, что главными предметами экспорта Древней Руси были мед, воск и мех.

Гильом де Рубрук (XIII в.) также отмечал, что «ходячей монетой у русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок».

В некоторых частях Руси торговля за меховые шкурки продолжалась и в XV веке, параллельно с монетами, об этом говорят купчие акты Двины.

То есть товар – белка – товар.

О таких русских «кожаных деньгах» даже стихи написаны, притом автор этих строк совсем

не славянин.

Низами Гянджеви в поэме «Искендер-намэ» рассказал об этом явлении так:

Цену меха узнав, царь промолвил: «На что же
Служат шкуры вон те, знать хотел бы я тоже?»
Соболиных и беличьих множеств шкур
Царь узрел; был их цвет неприветливо бур.
Все облезли они, лет казалось им двести,
Но на лучшем они были сложены месте.
Шах взирал в удивленье: на что же, на что ж
Столько вытертых шкур и морщинистых кож?
«Неужели они, – он спросил, – для ношенья,
Иль, быть может, все это – жилищ украшенья?»
Молвил рус: «Из потрепанных кож, государь,
Все рождается здесь, как рождалось и встарь;
Не смотри с удивленьем на шкуры сухие.
Это деньги, и деньги, о царь, неплохие.
Эта жалкая ветошь в ходу и ценна,
Самых мягких мехов драгоценней она».

Для нас важно одно – все это деньги, и деньги неплохие.

В нумизматические тонкости ударяться не будем, постараемся определить стоимость хотя бы примерно.

Как мы помним, киевский князь Вещий Олег совсем недавно обложил данью свой бывший город Новгород и обязал его ежегодно платить своим варягам 300 гривен.

Это не так много для одного большого города, но и не сказать, чтобы совсем мало.

«Вес серебряной киевской гривны XI-XIII вв. равен примерно 160 г».

Хотя «историк» Прозоров доводит до нас несколько иную информацию. «Гривна 200 г серебра. Конь 2 гривны. Боевая морская ладья с набойными бортами – 4».

Вот и считайте, сколько затребовал зарплату для своей дружины Олег.

Из летописей видно, что гривна на тот момент была самой крупной денежной единицей.

Ее более мелкими фракциями были ногата, куна, резана и веверица (иногда ее называли векшей).

Чтобы облегчить восприятие, воспользуемся той информацией, что предоставил нам Б. А. Романов (*История культуры древней Руси, т. I, гл. 9. М. – Л., 1951, с. 372, 390*): «В науке не существует разногласий по вопросу о соотношении... мелких денежных единиц с гривной. Для Краткой Правды XI в. это соотношение таково: 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам».

Для сравнения воспользуемся еще одной цитатой: «В XI веке 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 150 веверицам (векшам).

Векша (белка, веверица) – самая мелкая денежная единица Древней Руси IX-XIII веков. Впервые упоминается в «Повести временных лет», встречается упоминание и в Русской правде. Равнялась 1/6 куны. Серебряная векша весила около 1/3 грамма.

В реальном денежном обращении 2 векши равнялись западноевропейскому денарию».

Раз на одну гривну можно было купить вола, значит, варягам раз в году собирали целое стадо. Если все это перенести на девок, как предпочитает Лев Рудольфович Прозоров, то сколько их можно было на эти деньги купить в удачный год на Руси, можете посчитать сами. Это не так и трудно. Цены на девиц можно взять все из того же «Слова о полку...»:

«Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, –
Продавали б девок по ногате,
А рабов – по резани на круг».

Это певец «Слова...» обращается не к кому иному, как к Всеволоду Большое Гнездо.

Так что торговлей девками и славяне не брезговали, и Олег альтруистом не был.

От крупных купюр сразу перейдем к самым мелким. Векша и веверица – это не опечатка летописца, как нас хочет уверовать господин-товарищ Прозоров. Это действительно самая мелкая разменная монета, бывшая в обиходе.

Серебра, как вы помните, на всех не хватало, а долг можно было отдать и меховыми шкурками по курсу. Д.С. Лихачев, адаптировавший для современного читателя «Повесть временных лет», касаясь момента о взимании дани, белку с девицей, в отличие от «ведущего историка языческой Руси», не перепутал. Дмитрий Сергеевич был действительно специалист высочайшего уровня, и не Прозорову с ним тягаться. Мех белки в те времена ценился совсем недорого, выражение «ни векши» означало не получить практически ничего, даже такой мелочи. Возможно, он даже хотел приравнять шкурку к монете, привести понятный аналог.

Соответственно, одна шкурка (векша) стоит 0,15 грамма серебра.

Столько славянские племена платили дань хазарам. Надеемся, вы помните. Эту же дань Олег им и оставил, по крайней мере тем, кто прежде находился под властью каганата. У Татищева так и указано: «И они дали Олегу по шлягу от плуга, **как и казарам давали**». Где же тут облегчение?

Увеличить им сумму оплаты он просто не мог, по политическим соображениям. Это сразу бы вызвало явное недовольство и, возможно, послужило бы сразу мотивом для сопротивления. Олег был совсем не глуп. Он знал, где и кому можно добавить, а где лучше обождать. А вот уменьшить – так тут бы уже жаба задушила.

Домовитый он был, хозяйственный.

Вот с древлянами все как раз вышло иначе.

И если с «белой веверицей» мы разобрались и денежный аналог ей нашли, то теперь подошло время найти точно такой же для «черной куны», которой платили дань Олегу древляне с 883 года. Большинство историков здесь остановилось на «черной кунице».

Казалось бы, здесь все совсем просто, однако есть нюанс.

Самым ценным из мехов на то время считался мех соболя. Вот он-то из-за более темного цвета и назывался «черной куней», а впоследствии – «ногатой» и ценился в 2,5 раза дороже меха обычной куницы (куны).

Мало того, на денежных единицах современной Хорватии – кунах – изображена куница.

В предыдущей книге мы приводили небольшой обзор, в котором сравнивали ценность шкурки белки и черной куницы. Понятно, что мех куницы был в разы дороже. Если же под «черной куней» подразумевался соболь, то разница увеличивается еще многократно.

Вы думаете, к чему мы клоним? Ответ прост.

Вещий Олег – Освободитель обложил «легкой данью» славянские племена, живущие долго под властью хазар, только потому, что побоялся увеличить привычную дань, поскольку это грозило бы борьбой, войной, а возможно, и катастрофой. Киевскому князю сейчас этого было не нужно. Славяне просто поменяли одну крышу на другую с сохранением таксы, а Олег приближался к заветным торговым путям. Готовил плацдарм для нового броска.

Древлянам повезло меньше, они не платили никому, на них Олег отыгрался по полной программе. Не пощадил, не пожалел. Вот тебе и Освободитель, вот тебе и братья славяне.

Вот тут уже все понятно и наглядно – куна равна сребренику, она же равна дирхему. Один сребреник был весом 3,2 грамма серебра, но при этом равен дирхему весом 2,73 грамма серебра.

Благодаря нехитрым математическим действиям мы легко приходим к выводу, что древлян Олег заставил платить дань приблизительно в десять раз больше, чем славянские племена до этого платили Хазарскому каганату. Вот это государственный подход.

Правильно! За свободу надо платить!

Для подведения итогов так и просится сама собой одна из вычурных фраз Л.Н. Гумилева: «Но древние славяно-русы в X в., в отличие от иных народностей, были пассионарным этносом. Надлом, т. е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране».

Генофонд удалось сохранить!!! Вот что главное!

Пока Олег успешно воевал с «хазарами», освобождая одно за другим славянские племена, хазары искали поддержку против печенегов и болгар, которые донимали их еще сильнее.

Десять долгих лет настырные печенеги не давали житья хазарам, донимая их как могли и привлекая на себя все внимание хазарских владык.

А вскоре правящую элиту каганата постигла еще одна серьезная неудача.

В 893 году хазарская верхушка заключила союз с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Хазарский царь послал морем в Византию войско для войны с болгарами. Греко-хазарское войско было разбито болгарами, которые с особой жестокостью обошлись с хазарскими пленниками – им перед разменом отрезали носы (*Л. Гумилев*).

Вот так, а поэтому вплоть до 909-910 годов хазарам было не до Олега и Киевского государства.

Добавим в подтверждение наших слов немного археологии: «В VIII в. погребальные памятники хазарских дружин не «заходили» на территорию будущей Русской земли: реально освоили эту землю именно русские дружинники, судя по материалам некрополей».

Итак, камерные гробницы «отмечают» присутствие русской дружины в узловых пунктах Русской земли, там, где пересекались племенные границы и интересы различных племен и правящего слоя Русского государства. Не случайно за пределами «Русской земли» в узком смысле ближайшие камерные гробницы обнаружены под древлянским Искоростенем, покоренным Ольгой после древлянского восстания и убийства Игоря (945-946 гг.), и на Волыни в Плеснеске (Подгорцы), в области, вошедшей в состав Русского государства после похода Владимира Святославича «на ляхов» (981 г.).

Распространение камерных гробниц в Среднем Поднепровье не только подтверждает в целом реконструированные Насоновым границы «Русской земли» в узком смысле, но и позволяет (вслед за тем же исследователем) детализировать историю подчинения славянских племен Русскому государству. Насонов отмечал, в частности, что Русская земля включала не всю территорию радимичей. Действительно, радимичи не были названы среди данников Руси Константином Багрянородным: согласно летописи, они были подчинены при Владимире Святославиче в 984 г. после битвы на р. Пищане, за пределами Русской земли.

Значит, и Олег мог брать дань только с части радимичей, оказавшихся в пределах Русской земли, отмеченных, в частности, позднейшими дружинными курганами в Левенках и Кветуни на Десне; на прочей радимичской территории нет дружинных древностей X в. Возможно, сходная ситуация имела место и на западной границе Русской земли, в Погорынье у волынян: Константин Багрянородный упоминает среди данников Руси загадочное племя лендзян, само название и область расселения которых свидетельствуют о близости их к ляхам и позволяют отождествить их с волынянами» (*Петрухин*).

В силу того, что хазары прямой конфликт не провоцировали, а Олег добился максимально на данный момент возможного, наступил период временного мирного сосуществования между двумя державами. Каждый был занят делами насущными. Теми, что касались их в большей степени. Хазары, к примеру, выясняли отношения со степняками.

У Олега в этот период дел тоже было невпроворот.

Сначала ему пришлось разбираться с венграми, которые кочевали в поисках лучших мест и уже докочевали почти до самого Киева. Такие безземельные народы, которым вдобавок нечего терять, могут наделать много бед народам оседлым. Но эта угроза от земель полян была отведена. Видимо, Олег сумел объяснить их вождям, что для венгров здесь места не сильно пригодны, и показал пальцем, в каком направлении им следует двигаться дальше. А также по большому секрету поведал, где среда обитания более пригодна. А чтобы венграм кочевалось в эту землю обетованную веселее, он даже заплатил им откуп, не желая выводить свои полки на бой. Так говорит «Повесть временных лет».

После этого угры-мадьяры (венгры) спокойно перебрались через Карпаты и ушли в Паннонию. Так Паннония стала Венгрией.

Деликатно разобравшись с венграми, Олег занялся устройством семейного уклада.

В год 6411 (903). Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу («*Повесть временных лет*»).

Судя по всему, Игорь, наконец, дозрел до возраста, в котором можно жениться. И обзаводиться семьей. Этим браком Олег укреплял свои позиции и надежно пристраивал свою дочь. Когда дома порядок был наведен, киевский князь решил замахнуться на дело большое и нужное – затеять поход на Византию. Пришла пора поставить греческих базилевсов на место и напомнить им о крепости русских мечей и доблести киевских богатырей.

На Византию Олег пошел один. Игорь с собой не взял, видно посчитав, что для женитьбы тот

дорос, а для серьезного военного похода еще нет. Что и засвидетельствовано летописью: «В лето 6415 иде Олег на Греки, а Игоря остави в Киеве» (*Пискаревский летописец*). О том, как и чем закончился поход и как Олег прибавал свой щит на цареградские ворота, сказано и спето достаточно.

Нашей темы этот подвиг мало касается. Напомним только. В договоре с греками Игорь не указан и даже не упомянут вообще никак, а это значит одно – на данный момент он к управлению государством не имеет никакого отношения. Так что Олег никакой не дядька-опекун, а полноправный владыка. Скорее всего, Игорь на данный момент даже не рассматривается как преемник княжеской власти.

Одним словом, год закончился удачно. В отличие от хазарского каганата, который сжимался, как шагреневая кожа, Русское государство расширяло свои границы благодаря неустанной деятельности Вещего Олега.

К этому моменту в «Повести временных лет» появляется интересная вставка: «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский».

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами.

Но это в Киеве, а Хазарии до этого стабильного состояния было еще довольно далеко.

Сейчас хазарам нужны были все наличные войска, и неважно, что для этого нужно было сделать, договориться с кем-то или просто купить мечи наемников.

Второй вариант для Хазарии был проще.

На Руси, в отличие от Хазарии, все было спокойно.

Долгожданный мир наступил, но для настоящего воина сидеть на одном месте было тоской смертной. Ни тебе подвигов, ни тебе славы и почета, ни тебе добычи, ни злата, ни серебра, даже шкурки и то только в день зарплаты.

С Византией война была закончена, а взаимовыгодный мир подписан. Пускай и на некоторое время, но путь туда был заказан, да и подготовки такой поход требовал великой, а отношения между двумя державами пока вроде как складывались.

Тогда взгляд Олега вновь упал на своего восточного соседа. Хазары. Пока они только теряли. Так почему бы и не воспользоваться моментом. Дорога на Каспий уже была протоптана и до этого, а для лихих русских ватаг только в радость было потрепать вновь и мусульман, и хазар, и иудеев. Заодно это была своеобразная проверка боем. Чтобы мечи не затупились. Вскоре главное направление завоеваний киевского князя могло сместиться именно в сторону Востока, а значит, и в сторону Хазарии, к тому же немало еще славянских племен осталось «не освобожденными» от тирании каганата.

И пошли набеги русов на берега Хазарского моря один за другим, один за другим.

Такое постоянство не может не нервировать.

Тем более что каган Хазарии видел – Олег подписал мир с одним из его бывших союзников, который теперь стал супротивником, и нападать на Византию не будет. Соответственно, в поле зрения для добычи славы и богатства остаются только они и мусульмане. Но пока достается только им. А русы – это не печенеги, от них так просто не откупишься. В привычку войдет щипать каганат, так уже ничем это беспокойное племя не отвадишь. Да и сил сколько на это потребуется. И получалось, что теперь Русь напрямую стала угрожать безопасности каганата.

Подробнее о походах русов на Каспий мы расскажем в следующей главе.

Сейчас мы касаемся этой причины только потому, что самый большой из этих походов некоторые историки приписывают самому Олегу.

Существует даже такое мнение, что «...поход 913 г. был самым крупным разбойничьим набегом варягов на мусульман». Правда, закончился он трагически, скажем мы, забегая немного вперед. Имя русского предводителя в сообщении не названо, и в русских летописях данный поход не упомянут. Но тем не менее некоторые исследователи считают, что погибший во время этого набега предводитель русов был Вещий Олег, князь киевский, который неизвестно зачем ввязался в эту авантюру.

Однако вряд ли это может серьезно рассматриваться даже как теория.

Во-первых, Олег совсем недавно продлил договор с Византией, от которого он и так имел солидную материальную выгоду. Кидаться лично на другой конец земли во главе одной лишь

дружины для князя смысла не имело. Да и Вещий к этому моменту был уже не мальчик. Идя в любой поход, он основательно готовился и ставил под ружье все соседние и подвластные ему народы. Даже если это был лишь захват Смоленска. А тут? Куда девалась вся основательность?

Во-вторых, именно в русских летописях этот поход не указан, потому как князь в нем не участвовал, а значит, ничего особо интересного для летописца не нашлось. Ну, допустим, упустил чернец, просмотрел, не зафиксировал, и такое бывает. Но арабские-то летописи все отразили. Все, кроме одного. Имени самого предводителя. Если бы это был Великий князь киевский, глава всей Руси, можете не сомневаться, это прогремело бы во всех документах. Не каждый раз удается убить главу другого государства. Для тех же хазар это был бы только дополнительный повод для гордости. А мусульманские гвардейцы долго бы еще похвалялись княжеской головой, как одним из самых дорогих трофеев. Тут бы и русские летописи не прошли мимо, ведь зафиксировали они подробности убийства Святослава. Даже про череп его рассказали. А тут – молчок. Значит, никакого Олега там не было и быть не могло.

«М.И. Артамонов полагает, что этот поход был организован «на свой риск и страх варяжско-русской дружиной, нанятой для войны с Византией и отпущенной киевским князем после того, как надобность в ней миновала» (Л. Гумилев).

Вполне допустимый вариант.

О том, что на Руси при Олеге и Игоре было несколько князей «архонтов», свидетельствует и текст договора 911 года, и сведения, сообщаемые Константином Багрянородным.

«По случаю договора Олегова и здесь сказывается по разным градам подвластных князей многих; по истории же хотя точно мест и имен не упоминает, или имена князей между посольскими так смешаны, что разобрать не можно, но по следствию видимо, что **во всех подданных народах, как например у древлян, кривичей, Тмутаракань, вятичей, еми, мери, Турове и пр. были собственные князи**, как например по случаям древлянского Мала, полоцкого Рохволда, туровского Тура упоминает, а прочие в забвении оставлены. Другое, в сих послах многие варяги были, как например Стер, или Стор, Свен, Шигоберн и пр., которые и до сих пор у шведов употребляемы. А славянских мало имен, потому что варяги более в знати были» (Татищев).

«А.А. Шахматов давно объяснил происхождение ошибки в датах НПЛ (Новгородской I летописи), **магия совпадений не дает покоя некоторым исследователям** и заставляет их игнорировать прямые указания источников» (Петрухин).

Вот это точно подмечено. Магия совпадений. А «некоторым исследователям» лишь бы открытие совершить. Чаще всего именно так и рождаются популярные теории, открывающие нам глаза на жизнь и деяния наших предков. Порой из них даже делается История.

«После первых побед Олега в 883-885 гг. успех покинул варяжского узурпатора. В каспийском походе варяго-русское войско выглядит неполноправным союзником Хазарии. И предательство, допущенное царем Вениамином, осталось безнаказанным. Поводы для восхваления «вещего» Олега меркнут. Это подметил еще С.М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с беззащитных славянских племен. Так оно и было. И в наследство Игорю, если летописная хронология верна, он оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата».

Таково мнение Л.Н. Гумилева.

Доля истины в его словах есть, это нужно признать. Но лишь малая это доля.

Олег никогда бы не выступил как чей-то неполноправный союзник. Это он-то, человек, прибывший щит к воротам Царьграда! И некоторые историки, возможно, справедливо считают, что это было актом того, что с этого момента он берет город под свою защиту. Неважно, что за откуп сие делает. Неважно, что за плату. Важно иное: Олег мог себе это позволить. И ни Вениамину, ни Иосифу, никакому иному Песаху такое не могло даже присниться. И государство Игорю Вещий оставил действительно могучее и грозное, а не чью-то зону влияния. Он оставил Игорю Русь!!! Хотя, возможно, и не без боя.

Польский историк XVIII века Х.Ф. Фризе выдвигал версию, что у Вещего Олега был сын, Олег Моравский, который после смерти отца был вынужден покинуть Русь в результате борьбы с князем Игорем. Возможно, что, получив повзрослевшего и самостоятельного наследника, клан Игоря решил совершить переворот и изгнать князя-руса обратно туда, откуда он и пришел. Эта борьба за власть и послужила сигналом для остальных славянских племен. Вероятно, они

рассчитывали, что, пока идут в Киеве внутренние разборки, на них не хватит ни времени, ни сил. Но даже в этом случае правители славянских земель ошибались. Русь все больше стремилась вести имперскую политику, и с этой дороги ее уже было не свернуть.

Родственник же «Рюриковичей» Олег Моравский стал последним князем Моравии в 940 году, согласно сочинениям польских и чешских писателей XVI-XVII веков, однако его родственная связь с Вещим Олегом является лишь предположением Фризе. Никаких иных доказательств этому мы не имеем. Если же это действительно так, то это только подтверждает нашу теорию о борьбе за власть в Киеве двух кланов.

Что случилось с Вещим Олегом, до конца не ясно. Гадать мы не будем. Остановимся на том, что у нас есть сейчас. Возможно, эта тема станет предметом для какой-то из будущих книг.

Время его смерти и причины ее русские летописи датируют по-разному: «Повесть временных лет» – 912-м, а Новгородская первая летопись младшего извода – 922 годом. По одним сведениям, Олег был похоронен в Киеве на горе Щековице, по другим – в Ладоге. «И прозваша и Ольга вещии; и бяху людие погани и неведгласи. Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажутъ, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе» (*Новгородская I летопись младшего извода*).

Историк А.А. Шахматов отметил, что 912 год является также годом смерти византийского императора Льва VI – антагониста Олега. Возможно, летописец, знавший, что Олег и Лев были современниками, приурочил окончание их правлений к одной и той же дате.

Разница в датах составляет целых десять лет!

Учитывая к тому же, что новгородская традиция относит смерть Олега к 922 году (см. выше), дата 912 становится еще более сомнительной. Продолжительность княжения Олега и Игоря составляет по 33 года, что вызывает подозрение в былинном источнике этих сведений.

Опять же, вариации, вариации, вариации...

Разногласий много, о смерти героя историки спорят и по сей день.

«Эти разногласия летописцев дали основания ученым утверждать, что на Руси имелось два (а быть может, и больше) крупных полководца и государственных деятеля, носивших имя Олег» (*О. Рапов*).

Это еще одна довольно популярная последнее время версия, что Олег был не один, а было их целых два. Просто второй не упоминался, а имена были одинаковые, а возможно, второй был вообще Олег Олегович. Сын первого Олега Вещего.

В общем, с ума сойти можно. Тут на страницы так и просится цитата из легендарного фильма и не менее легендарной пьесы про «Ивана Васильевича»:

Я к и н. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

И о а н н. Кто умер?

Я к и н. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!.. Я, кажется, сошел с ума...

Этот случай выглядит похожим.

Долго с этим открытием мы разбираться не будем. Скажем сразу, не тратя время, что все это ерунда, притянутая за уши и рожденная в воспаленном воображении. Она даже не стоит серьезного разбора. Каждый хочет открыть сокровенную тайну, особенно там, где никакой тайны и вовсе нет.

Летописи, они, конечно, опора довольно шаткая. Они могут что-то выпустить, переиначить в угоду тому или иному политическому деятелю, дать свою интерпретацию событию, причем не всегда правильную. Это все допустимо. Это все бывало. Но никогда не бывало одного. Правители, какие бы они ни были и сколько бы они ни правили, из русских летописных свитков не выпадали **ни-ко-гда!** Тем более из всех сводов разом. Такого быть просто не могло. Летописцы, чтобы была возможность князей различать, даже давали им задним числом, уже после смерти, прозвища. Иногда совсем не те, что их герои имели при жизни.

Так что второй Олег – это чистейшей воды вымысел. Если вы верите в такие чудеса, то читайте лучше сказки, например русские народные, они хотя бы написаны лучше. Из них же вы узнаете, как Вольга, он же, видимо, Олег, уж не знаю, первый или второй, обращался в сокола. Почему нет? Это ведь тоже материал для исследования.

Как русы сражались с ал-ларисией

А сейчас мы сделаем шаг назад и расскажем подробно о грандиозном походе русов на Каспий в 913 году, о котором уже вскользь упоминали в предыдущей главе. Именно тогда и произошло первое и по-настоящему масштабное военное столкновение между киевскими дружинами и хазарами, столкновение, о котором мы действительно можем с уверенностью говорить. Но что примечательно, это противостояние было в большей степени частным делом определенных кругов в сопредельных державах, а не полномасштабными боевыми действиями, которые ведут два враждебных государства. Невзирая на большое кровопролитие, этот конфликт не стал причиной войны и потух столь же быстро, как и вспыхнул. Но обо всем по порядку.

Первое достоверное упоминание о походе русов на берега Каспийского моря относится ко времени княжения в Киеве Осколда, и произошел этот рейд в промежуток между 965 и 982 годами. О нем в своей книге «История Табаристана» сообщает живший в XIII веке иранский историк Ибн Исфандийар. Этот набег русов на город Абаскун, который находился на берегу Горганского залива Каспийского моря, он соотносит с правлением эмира Табаристана Алида ал-Хасана ибн Зайда, отправившего против разбойничавших на Каспийском побережье дружинников войска, которые и уничтожили грабителей. Провинция Табаристан располагалась на территории современного Ирана, на южном побережье Каспийского моря, и можно лишь удивляться, как далеко завлекла наших предков жажда наживы. Хотя с другой стороны, если мы ознакомимся с сообщением Абу Исхака Ибрагима Истахри, где говорится о том, что «Табаристан – равнинная земля, там занимаются земледелием и разводят выючных животных», то мы поймем, почему именно туда устремились русы. Регион очень богатый, есть чем поживиться, а главное, никому и в голову не придет, что именно здесь могут объявиться воины с севера.

Именно так могли рассуждать русы и в 909 году, когда целью своего очередного грабительского набега вновь избрали благодатную землю Табаристана. Внезапно появившись на 16 судах, они обрушились на южное побережье Каспийского моря, разграбили избежавший этой участи во время прошлого набега город Абаскун, а затем двинулись вдоль берега, продолжая разбойничать как на суше, так и в прибрежных водах. Правитель Сари Ахмад ибн ал-Касим был насмерть перепуган и послал к своим соседям за помощью, а русы тем временем высадились на побережье, решив захватить и этот богатый город.

Вполне вероятно, что безнаказанность породила беспечность, потому что ничем иным не объяснишь то, что произошло в дальнейшем. Мы не знаем, дождался помощи Ахмад ибн ал-Касим или нет, но эмир поборол собственные страхи, вывел войска из города, а затем ночью напал на русов и нанес им поражение. По сообщению Ибн Исфандийара, правитель Сари «многих убил, взял в плен и отправил в округи Табаристана». Короче говоря, продал в рабство.

Казалось бы, два похода и оба, несмотря на удачное начало, в силу различных причин закончились неудачно, а потому пора бы и прекратить набеги в этот регион. Но русам в этих местах как медом намазали, их снова и снова тянуло на южное побережье Каспийского моря. И в следующем году они снова там объявились. Хотя, скорее всего, в этот раз их целью была месть за погибших соотечественников, а не банальный грабеж.

Об этом говорит тот факт, что первой же их целью стал город Сари, эмир которого совсем недавно столь лихо разделался с русами. Сари был сожжен, округа разграблена, а о том, что случилось с Ахмадом ибн ал-Касимом, источники умалчивают. Сами русы сначала действовали достаточно осторожно, поскольку, захватив множество пленных, быстро погрузились на ладьи и ушли в море, не желая задерживаться на побережье. Но потом их словно бес какой-то попутал, поскольку, двигаясь вдоль берега на запад, дружинники не придумали ничего лучше, как высадиться в Дейлемане – горной части Табаристана. Часть воинов сошла на берег, а часть предпочла остаться на ладьях, очевидно памятуя о том, как закончились прошлые рейды их соотечественников на эти негостеприимные берега.

И они оказались совершенно правы, поскольку ночью их товарищи, которые расположились лагерем на суше, были внезапно атакованы дейлемитами и вырезаны. В знак своей победы горцы подожгли вытасенные на берег ладьи, а оставшиеся в живых русы были вынуждены приналечь на весла и удалиться прочь.

Но беды их на этом не кончились, поскольку эмир Ширвана, узнав об этих событиях, выслал

в море флот, который и потопил остатки некогда грозной флотилии. Воистину море Каспийское, в отличие от моря Черного, было для русов несчастливим, поскольку все их походы в эти земли заканчивались неудачей!

Но русы не пали духом и, посчитав, что все беды в регионе приключились с их земляками из-за того, что действовали они там малыми силами, стали готовить более масштабную экспедицию на Каспий.

И вот здесь на первый план выходят отношения Руси и Хазарии.

Мы видели, что за время этих походов в Каспийский регион интересы русов и хазар до определенного времени не пересекались и ни к каким вооруженным столкновениям не приводили. Все балансировало на грани, но ни те, ни другие ее старались не переступить. Русь блюла свои интересы – каганат свои, и этот худой мир был лучше доброй ссоры. С другой стороны, совершая набеги на южные берега Каспийского моря, русы вольно или невольно играли на руку хазарам, которые находились во враждебных отношениях с бухарскими Саманидами, под властью которых и находились данные регионы. Да и с эмирами Ширвана отношения у каганата были натянутые, а потому правящая элита Хазарии не видела ничего плохого в том, чтобы русы пощипали их противников.

Тем неожиданней было яростное столкновение, которое разразилось между сторонами в 913 году и привело к жестокому кровопролитию и многочисленным человеческим жертвам. Но вот что примечательно, ни правящая верхушка Киевской Руси, ни стоявшая у кормила власти элита Хазарии в нем не приняли участия, поскольку это противостояние не было нужно ни тем, ни другим. Этот частный вооруженный конфликт так и не привел к полномасштабным боевым действиям между двумя державами, а правители каганата даже пытались его предотвратить. Да и сами русы не предъявили впоследствии к правительству Хазарии каких-либо претензий, по крайней мере нам о них ничего не известно. Однако именно этот частный конфликт явился самым крупным военным столкновением между русами и хазарами, которое зафиксировано в летописях вплоть до похода Святослава.

Дело в том, что на поле боя сошлись русские дружины, ходившие в грабительский рейд на Каспийское побережье, и мусульманская гвардия кагана ал-ларисия, которую поддержали многочисленные единоверцы и проживающие в Итиле христиане. Крови в этом столкновении пролилось море.

Перед тем как разобрать ход дальнейших событий, скажем буквально несколько слов о том, кто же встретился с нашими предками на поле боя и в итоге нанес им поражение.

А противостояла русам новая ударная боевая единица армии Хазарии – ал-ларисия, мусульманская гвардия Божественного кагана, большую часть которой составляли выходцы из Хорезма. Это были профессионалы, отлично обученные и закаленные в многочисленных боях. Однако среди них были не только наемники, но и те из хорезмийцев, которые проживали на территории каганата. Для этих людей служба Божественному являлась наследственной, поскольку за ее несение они получали жалованье от государства. Численность этого элитного подразделения насчитывала около 15 000 бойцов, и в умелых руках это была практически непобедимая сила.

Бойцы ал-ларисии – это тяжеловооруженные наездники, защищенные панцирями и кольчугами, вооруженные ударным и рубящим оружием, а для ведения боя на дальней дистанции у них также имелись луки. Создание гвардии кагана было вызвано не заботой о его безопасности, а тем, что в это время резко усиливается натиск на границы Хазарии кочевых племен. Венгры, печенеги, гузы накатывали волнами на рубежи слабеющей державы, а потому у правящей элиты каганата всегда должна была быть под рукой та сила, которую в любой момент можно было бросить навстречу ненасытным вражеским ордам. Пока соберется ополчение «черных хазар», а тарханы соизволят привести свои дружины, уйдет масса времени! А хазарскому спецназу, как группе быстрого реагирования, много времени не нужно. Им только врага покажи.

Да и степняки ждать не будут. Они налетели как вихрь, пограбили, пожгли все в округе и с добычей умчались, ищи-свищи их потом! Зато с появлением ал-ларисии ситуация менялось радикально, благо было теперь кому быстро вскочить на коней и перехватить степных разбойников. Кочевники превосходили гвардейцев количеством, но в качестве им состязаться было сложно. Абы кого в гвардию не брали. Это была элита! Как любил говаривать Ильич, лучше меньше, да лучше. А как итог – ал-ларисия стала тем самым ядром хазарской армии, вокруг которого формировались и дружины беков, и городские ополчения.

А теперь вернемся к походу на Каспий.

Как нам сообщает арабский историк и географ Аль-Масуди, русы решили совершить большой поход в регион Хазарского моря, только вот конечным итогом его было не достижение какой-либо стратегической цели, а банальный грабеж. Однако само предприятие было поистине грандиозным, поскольку Аль-Масуди называет конкретные цифры – 500 судов, по 100 воинов на каждом. Однако вряд ли это похоже на правду. Для сравнения можно привести данные о походе князя Осколда на Византию, когда киевская держава выставила 200 судов, примерно по 40 бойцов на каждом. Северные скифы, как именовали русов византийцы, обычно для таких походов-набегов использовали небольшие быстрые ладьи. Об этом же свидетельствует и Татищев: «Корабли не такие, как в Европе на море употребляют, но лодки одномачтовые, в которых от 10 до 40 человек в каждую вместиться может, какие ныне казаки во время военное для добычи на Черном и Каспийском морях употребляют, но всегда возле берегов держатся». Не думаем, что, идя в набег на Каспий, русы использовали либо другие, большего размера, суда, либо решили сильно на них потесниться. Необходимости в этом не было. А ведь с ними были еще и лошади, поскольку об этом есть упоминания в арабских источниках. Не на месте же русы коней отлавливали!

Но и в этом случае то количество воинов, которые отправились в рейд на Каспий, было впечатляющим – 20 000 бойцов. Однако существует вероятность того, что и эти данные преувеличены. Ведь с такой ратью не купцов шемаханских трясти, а земли новые покорять!

С другой стороны, Аль-Масуди не указывает на то, что во главе этого масштабного предприятия стоял правитель Киевской Руси. Он вообще не называет имени предводителя похода. Что даже несколько странно, хотя точно указывает на то, что им был не всемирно известный киевский князь со странным прозвищем Вещий. Тогда кто ведет все это войско? О том, что у Олега кроме дочери (а возможно, даже двух дочерей, но об этом в следующей главе) были еще какие-либо родственники, способные носить меч, летописи не упоминают, а потому существует очень большая вероятность того, что походом руководили воеводы либо кто-то из князей подвластных Киеву племен. Тот же князь северян или радимичей.

Все это понятно и объяснимо, поскольку смысл данного мероприятия был достаточно банален и не преследовал каких-либо глобальных политических целей. Что-то вроде похода «за зипунами» Степана Разина. А потому отсутствие киевского князя во главе идущих на Восток дружин было в порядке вещей, с задачей разграбить Каспийское побережье справились бы люди и поменьше рангом.

Но перед тем как отправиться в этот рейд, русам надо было провести дипломатическую подготовку, поскольку, чтобы попасть в Каспийское море, которое в то время называли Хазарским, им требовалось пройти через территорию каганата. Аль-Масуди говорит о том, что разрешение на проход они стали просить у кагана лишь тогда, когда всем скопом подошли к хазарским рубежам, но в это слабо верится. Ведь если бы правящая верхушка Хазарии пребывала в неведении относительно того, с какими целями к их границам движется громадное войско соседней державы, то они подняли бы на ноги всех способных носить оружие и перекрыли бы все пути в глубь страны. И вряд ли бы их потом убедили в том, что целью похода является не каганат!

Взглянем теперь на проблему с другой стороны. Допустим, собрали русы флот и дружины, прибыли к рубежам Хазарии и стали просить о свободном проходе через земли соседей. А каган возьми да и откажи им! Причин для этого можно много назвать. К примеру, вдруг гвардия взбунтуется и не станет Божественного слушать? Скажут ему ал-ларисии со всей своей гвардейской прямоотой: «Ты чего это, старый дэв, удумал? Они же мусульманскую кровь идут лить, дома и сады наших братьев по вере разрушать и прекрасных гурий наших насильничать. И ты им в этом потакать вздумал? Держи ответ, шайтан! Да не увиливай! А не то быстро на небеса отправишься!»

И что тогда нашим предкам делать? Утереться и уйти домой? Но ведь средства в поход вложены немалые, и необходимо, чтобы они окупились. Воевать с хазарами? Да, русы всегда готовы к драке, но готовились они сейчас не к большой войне, а к банальному набегу, пусть и очень крупному. Они жаждали добычи, а не отчаянной борьбы, когда на кону стоит твоя жизнь. Не в поисках приключений пустились они в путь, а ведь в битве с ал-ларисией, кроме славы, ничего не добудешь.

И что тогда, идти поискать другое место, где тоже можно чем-то пожить? Но в этом случае уходит драгоценное время, и тогда не факт, что поход вообще состоится. Да и то, что рейд

является мероприятием частным, а не общегосударственным, в таком деле может выйти боком. Вот как-то так получается.

Однозначно, что вопрос о свободном проходе был решен задолго до начала подготовки к этому грандиозному мероприятию, поскольку если бы хазары ответили отказом, то и сам рейд на Каспий потерял бы смысл. Об этих переговорах русов с каганом нам сообщает Аль-Масуди: «Они послали к хазарскому царю просить о том, чтоб они могли перейти в его страну, войти в его реку и вступить в Хазарское море... – **под условием, что они дадут ему половину из всего, что награбят у народов, живущих по этому морю. Он же согласился на это**».

И действительно, с чего бы это правителю Хазарии ответить своим соседям отказом? Ведь все происходит в лучших иудейских традициях – минимум затрат и максимум прибыли! Каган и палец о палец не ударит, а прибыль, которую получит его казна, будет просто колоссальной, поскольку он прекрасно был осведомлен о том, какими богатствами обладают мусульманские города в Каспийском регионе. И при этом все оказывались довольны – русы дают разгуляться своей силушке молодецкой и набивают добром лады, а хазары ни за что ни про что значительно пополняют свой бюджет.

И как только согласие кагана было получено, сразу же началась подготовка к рейду на Восток. О том, какие силы были задействованы русами, говорилось выше, а потому и маршрут движения был выбран соответствующий. Опираясь на сообщение Аль-Масуди, мы можем предположить, что флот русов спустился в Черное море по Днепру, обогнул Тавриду и через Боспор Киммерийский вошел в Азовское море, а оттуда в Дон. Ну а там волоком до Волги, а затем мимо столицы Хазарии на оперативный простор.

И когда вся эта армада прошла через земли каганата и вышла в Хазарское море, весь регион содрогнулся от ужаса. Тот кошмар, что внезапно обрушился на головы мусульман, шокировал жителей прибрежных районов, которые моментально были охвачены страхом и паникой. Это подтверждает и красочное описание событий, сделанное Аль-Масуди: «И русские суда распространились по этому морю, толпы их бросились на Джиль, Дайлем, на города Табаристана, на Абаскун, который находится на Джурджанском берегу, на нефтяную страну и по направлению к Адарбайджану... И русы проливали кровь, брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников и жгли. Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, **ибо им не случалось с древнейшего времени, чтоб враг ударил на них здесь**, а прибывали сюда только суда купцов и рыболовов».

Действительно, возопишь, когда как снег на голову на твои земли обрушиваются отряды свирепых бойцов, которые и пришли сюда лишь с одной целью – грабить. К тому же, как мы помним, русы умудрились привезти с собой и лошадей, и теперь уйти от них местным жителям было не так-то и просто. Черный дым от сожженных городов и деревень затягивал ярко-синее небо, и казалось, что тем бедам, которые обрушились на этот благодатный край, не будет конца и края. Захватчики неуклонно и неумолимо распространились по всему побережью. Там, где проходили русы, оставались лишь огрызки обгорелых стен, крышей которым служило чистое небо. Одним словом, разруха.

Разгромив все высланные против них войска местных правителей, русы добрались до земель Ширвана и оказались в опасной близости от Баку. Там они закрепились на близлежащих островах и продолжили свои яростные набеги. По всем близлежащим территориям русы прошли так ярко, что их деяния навсегда остались в местных легендах и поэмах мусульманских поэтов. Смелые до безумия и свирепые от охватившей их ярости, они зачищали всех, кто попадался им на пути. Без разбора. С коротким боевым кличем «Русь», который напоминал рев грозного животного, они били, крушили, жгли, уничтожали. И все это, чтобы захватить добычу, и все это, чтобы приобрести славу.

Покончить с этим беспределом решил правитель Ширвана Али ибн аль-Гайтам. Он не только поднял против русов регулярные войска, но также собрал и вооружил местное ополчение, поставив в строй всех, кто мог носить оружие. А для ведения боевых действий на море предприимчивый эмир конфисковал купеческие суда. Али ибн аль-Гайтам практически развернул знамя джихада, видимо решив, что большое численное превосходство, которым он обладал, поможет решить исход дела в его пользу. И мусульмане охотно стекались под его знамена. Их уже было так много, что им самим стало казаться, что русы потеряют голову от страха и побегут куда глаза глядят от одного лишь их грозного вида. Правитель был активен, не труслив, но несколько

самонадеян. Возможно, что он захотел удивить русов своей отвагой, и в итоге безрассудство взяло верх над разумом и осторожностью.

И вот в один прекрасный день, посчитав, что войск у него более чем достаточно, эмир Ширвана бросил против пришельцев с севера все свои наличные силы. Но русы тоже не стали отсиживаться на суше и держать оборону на островах, а погрузились на ладьи и сами атаковали врага.

Судя по всему, Али ибн аль-Гайтам был человеком храбрым, активным, но при этом недостаточно начитанным. Он не листал на досуге трудов ученого араба Ибн Мискавейха, иначе узнал бы массу интересных вещей относительно русов и, сделав после прочитанного соответствующие выводы, удержался бы от опрометчивых поступков. А Ибн Мискавейх писал: «Слышал я от людей, которые были свидетелями этих русов, удивительные рассказы о храбрости их и **о пренебрежительном их отношении к собранным против них мусульманам**». Возможно, что именно для повелителя Ширвана и предназначались эти слова, но он пропустил их мимо ушей. Не заглядывал эмир в научные книги да трактаты, не проявлял любопытства к написанным на бумаге строкам. И верил он больше в себя да в свою удачу. А когда до него дошло, какую же ошибку он совершил, то было уже поздно.

Али ибн аль-Гайтам решил действовать навалом и взять русов напуском, но даже само нападение он не смог нормально организовать. Собрав своих воинов и местных жителей – добровольцев, эмир возжег их сердца пылкими словами и отправил прямиком на врага. А те, вооруженные чем попало, на боевых кораблях, лодках и купеческих судах, без всякого порядка и строя, устремились к островам, на которых засел противник. Однако это было не войско, это была всего лишь толпа, огромная и агрессивная, вооруженная и злобная, но совершенно неорганизованная и неуправляемая.

Об итоге подобной операции можно даже было не гадать. Итог был предрешен заранее.

Такая сумбурная, хотя и эмоциональная атака не могла остаться ни незамеченной, ни внезапной. Русы успели подготовиться к встрече правоверных мстителей. Мощным натиском северные скифы опрокинули войска эмира Ширвана, а его рать и флот разлетелись под их неудержимым напором, как глиняный горшок при ударе о стену. Ладьи врезались в гущу мусульманских судов, и началась бойня.

Грозный боевой клич русов заглушил отчаянные крики и вопли мусульман, которые, как слепые котятка, барахтаясь в воде и топя друг друга, пытались карабкаться на борта лодей. Но и там им не были рады. Правоверных сталкивали в воду щитами, гвоздили кистенями, резали засапожными ножами. Когда же дружинники перебрались на их суда, то обрушили на мусульман удары копий и боевых топоров. Как будто сама смерть нагрянула к ним в гости. Среди правоверных началась самая настоящая паника. Куда подевались их зеленые знамена и победные песни? Теперь не до песен. Веселая прогулка закончилась. Пришла пора спасать свои жалкие жизни и большой кровью оплачивать глупую самоуверенность.

Русы же словно озверели. Под их мощными ударами мусульманские головы раскалывались с треском, а отсеченные конечности летели в разные стороны. Воинов эмира валили рядами, и те падали, словно снопы колосьев во время жатвы. В таком бою ратникам Киевской Руси просто не было равных. Сея вокруг себя смерть и разрушение, наши предки потопили и убили тысячи атаковавших их воинов Ширвана. Жалость не трогала их сердца, и русы не щадили никого, понимая, что, попади они сами в руки врага, те точно так же поступили бы с ними. Море окрасилось кровью, забурело, запенилось у берегов и еще долго выбрасывало на берег различные предметы: обломки лодок, весел, обрывки одежды, украшения и обезображенные трупы мусульманских воителей, напоминая о неудачной атаке. Тысячи воинов ислама отправились на морское дно кормить рыб, а дым от сожженных царских кораблей окутал место сражения. А сколько слез после пролили восточные девы, прислушиваясь к шорохам в ночи: не вернется ли милый домой, не его ли шаги это слышны? Но все напрасно. Слишком многие не вернулись с побоища! Слишком многие отправились в этот день прямиком на небеса, где их уже ждали небесные гурии, готовые приголубить и обласкать павших героев.

После такого унижительного и обидного поражения эмир Ширвана побоялся больше тревожить и раздражать обитателей опасных островов, предпочитая следить за ними издали. Он лишь только отслеживал их действия, чтобы избежать большей беды, потому что опасался, а вдруг русам приспичит по каким-то причинам опять заглянуть к нему в гости? Понятно, что в городе

отбиваться намного легче от северных грабителей, чем в море или в поле, но после того, что произошло, моральный дух мусульман был сломлен, и итог атаки на Баку мог оказаться любым. Русов уже страшились, как и их грозных и обидчивых языческих богов, тень от которых уже пала на побережье Хазарского моря. А жители Ширвана молили каждый день Аллаха, чтобы насытившиеся добычей разбойники с севера наконец-то покинули их края и убралась восвояси. Они молились истово и бескорыстно. Просили спасения у Того, кто может им помочь. Они хотели верить, что вскоре этот ужас окончится. И пусть после придут хазары. Пусть полчища несметные арабов. Пусть нагрянут хоть китайцы. Пусть придет кто угодно. Но пусть уйдут, уплывут, сгинут навсегда эти ужасные русы.

Все тот же Аль-Масуди так описывает последствия морского сражения, которое столь опрометчиво дал Али ибн аль-Гайтам: «Многие месяцы русы оставались на этом море в таком положении; никто из тамошних народов не имел возможности подступать к ним на этом море, а все они укреплялись и были на страже от них, ибо море это обитаемо вокруг народами». Действительно, наши предки не на шутку разгулялись на Каспийском море, и поскольку достойного сопротивления так и не встретили, то всецело отдались грабежам и погромам. Захваченная добыча превосходила все мыслимые ожидания, а потому русы только и занимались тем, что грабили, грабили и грабили...

Ничего не напоминает? Конечно же, поход Игоря на Византию в 941 году, когда наши предки на целых полгода застряли в малоазийских провинциях империи! И в тот раз и в данный момент увлечение сбором трофеев было столь неумеренным, что сроки пребывания русских дружин на вражеских землях растянулись до безобразия. Но если на Каспии все закончилось благополучно, то на Черном море подобный номер с византийцами не прошел. Для Игоря все там закончилось, мягко говоря, военной катастрофой. А вот Каспий русы покинули лишь потому, что им ПРОСТО НАДОЕЛО ГРАБИТЬ! О чем и сообщил не без ехидства Аль-Масуди: «После того как они награбили **и им надоела эта жизнь**, отправились они к устью Хазарской реки и истечению ее, послали к царю хазарскому и понесли ему деньги и добычу по их уговору». Таким образом, достигнув устья Волги, русы отправили к кагану посольство, а затем, согласно договоренностям, отправили в Итиль половину трофеев.

Казалось, что все идет по намеченному плану и стороны разойдутся с миром, премного довольные друг другом, но тут случилось событие, которого не могли предусмотреть ни русы, ни сам каган. Взбунтовалась ал-ларисия, мусульманская гвардия Божественного. Мало того, бунтовщики получили полную поддержку проживающих в Итиле мусульман, которых, в свою очередь, поддержали христиане. Случай в истории довольно редкий, когда люди, придерживающиеся различного вероисповедования, выступают единым фронтом!

В итоге, почувствовав за собой силу, гвардия предъявила кагану ультиматум: «Позволь нам отомстить, ибо этот народ напал на страну наших братьев-мусульман, проливал их кровь и пленил их жен и детей» (*Аль-Масуди*).

Вот такое было сделано заявление.

В то, что ал-ларисия сподобилась выступить против русов лишь потому, что те пощипали их единоверцев на Каспии, верится все же с трудом. Аль-Масуди такое объяснение вполне устраивает, но вряд ли оно в полной мере может объяснить, почему случилось то, что случилось. Месть – причина веская, но могли быть и другие, даже целая совокупность причин. А мечь была лишь острой приправой для этого соуса, поскольку мечью можно прикрыть все, что угодно. И спроса никакого – святое дело делали, за кровь единоверцев мстили.

На наш взгляд, одной из главных причин, которая привела к кровопролитию, стала банальная жадность гвардейцев, которые вряд ли получали какие-либо проценты от столь выгодной сделки кагана с русами. Обидно. И досадно, потому что такое богатство, да еще и набранное с твоих же единоверцев, проходит мимо тебя. Сколько стоит половина добычи, отданная кагану, мы думаем, что те, кому это было надо, узнали очень быстро. Сумма впечатлила, и было принято решение отобрать вторую половину у русов. Но как? Ал-ларисии знали – без боя им этих трофеев не видать, а противник у них будет страшный. Да и собственных сил у гвардии вряд ли хватит на то, чтобы на равных противостоять победоносному воинству, которое возвращалось с Каспия. Значит, нужна поддержка местного населения, а для этого необходимо было поднять на борьбу с врагом столицу. Но проблема заключалась в том, что большинству жителей Итиля было глубоко наплевать на финансовое положение бойцов из ал-ларисии, у них своих забот было полно. И по всему выходило,

что горожан надо было заинтересовать. А для этого нужно было зажечь религиозный пыл или обратиться к патриотизму нации.

Однако существовала сила, которая могла в этом помочь гвардейцам, – купеческая верхушка Итиля. Вот этих денежных воротил добыча русов могла заинтересовать конкретно. И потому на вопрос командования ал-ларисии «Ну, что скажет купечество?» – купечество, быстренько подсчитав доходы, которые им сулило участие в этом мероприятии, дало «добро» и приняло самое активное участие в дальнейших событиях. Ведь среди купцов были люди самого различного вероисповедания – не только иудеи, но и христиане с мусульманами. И скорее всего, гвардейцы обратились именно к своим единоверцам – мусульманам, а уж те повели диалог с христианскими торгашами. О том, что в деле были замешаны иудеи, источники не сообщают, хотя, с другой стороны, есть большая вероятность того, что они просто загребали жар чужими руками. Отбросив в сторону религиозные разногласия, заговорщики начали действовать.

И вот поползли по Итилю кривотолки о том, что те беды, которые постигли мусульман Ширвана, вот-вот обрушатся и на столицу Хазарии. До горожан и раньше доходили вести о том, что творилось на Каспии, когда пришельцы с севера огнем и мечом прошли по его берегам. А теперь слухи эти росли и ширились, приобретая поистине эпические размеры, поскольку на рынках и базарах только и разговоров было, что о свирепых разбойниках, которые на своих судах движутся к столице. И все эти сплетни очень умело раздувались, поскольку десятки купеческих слуг сновали в толпе и разносили молву о злодеяниях русов в Ширване среди населения Итиля.

У страха глаза велики, а потому горожанам и ремесленникам в итоге стало мерещиться невесть что. Дымы пожарищ над родным городом, близкие в плену, а собственное добро во вражеских ладьях – что может лучше такой картины мобилизовать на борьбу местное население! А потому – все на борьбу с жестоким врагом! И здесь уже нет разницы, кому ты молишься, Аллаху или Христу, поскольку понимаешь, что с той напастью, которая надвигается на твой родной город, можно справиться лишь сообща. Вот так, в одном строю с воинами ислама, плечом к плечу встали и христиане, которым ровным счетом не было никакого дела до погибших в Ширване мусульман.

Получается, что гвардейцы, идущие «на бой кровавый, святой и правый», ради мщения за гибель единоверцев взяли с собой до счета всех, кого только было можно. Даже тех, кто не верил в Аллаха. Но это лишний раз свидетельствует о том, что мстью просто прикрывались. Ведь значительные слои населения действительно испытывали откровенный страх перед дальнейшими действиями русов! В итоге все смешалось в одну кучу – и жажда наживы, и страх перед лютыми пришельцами, и, возможно, даже жалость к погибшим единоверцам. Вот из этой гремучей смеси и произошел тот взрыв, который смешал планы как дружинников, так и правящей верхушки Хазарии. Вулкан, переполненный злобой, ненавистью и завистью, взорвался.

Больше всего в данной ситуации удивило поведение Божественного кагана, который, осознавая свое бессилие перед взбунтовавшимися гвардейцами, решил предупредить русов: «Не могли им препятствовать, царь послал к русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними» (*Аль-Масуди*). По большому счету, это было единственное, что он мог сделать, поскольку других воинских контингентов, на которые он мог бы опереться в противостоянии с гвардейцами, у него не было под рукой. Хазарские беки до холодов просто разъезжались из Итиля со своими дружинами по кочевьям, и собрать их в такой короткий срок, а затем противопоставить ал-ларисии было просто нереально. И это прекрасно осознавали все – от Божественного правителя Хазарии до последнего мусульманина Итиля. Каган оказался заложником той системы, при которой лишь регулярные части гвардии располагались в окрестностях столицы.

Можно, конечно, рвануть рубаху на груди и срывающимся голосом поведать миру о том, что весь этот коварный план был изначально спланирован правящей верхушкой Хазарии, только вот беда, никаких доказательств этой теории в природе не существует. Наоборот, если посмотреть на вещи беспристрастно, то мы увидим, что подобный ход развития событий представлял для самой Хазарии громадную опасность. И дело, на наш взгляд, вот в чем. И сам каган, и его приближенные знали о том грандиозном походе, который Олег Вещий предпринял против Византийской империи. Знали они и о том, каким оглушительным успехом закончилось это военное предприятие киевского князя. А Хазария в данный момент – это далеко не Византия, у нее силы уже не те, дряхлеет она потихоньку, вон и за своих славянских данников даже не пожелала сражаться с дружинами Киевской Руси. И затевать сейчас подобную провокацию против русов ради второй половины их добычи было чистой воды самоубийством. И кагану, и его приближенным было понятно, что это

нападение князь Олег не оставит без последствий, а начинать полномасштабные боевые действия против своего могущественного соседа на Западе для каганата было смерти подобно. Натиск кочевников на восточные границы державы все усиливался, и хазары с огромным трудом отражали удары степняков.

Конфликт с Русью был Хазарии не нужен. Каган и так озолотился за ее счет, и при этом особо не напрягался, а теперь...

Потому и предупредил, надеясь, что русы просто уйдут и не будут вступать в бой с ал-ларисией и городским ополчением. Но плохо он знал этих самых русов!

Есть, правда, и еще один вариант. Престолонаследие Хазарии в этот период точных сроков не имеет. Возможно, что именно в этот момент сменилось руководство каганата на посту номер один. И место Вениамина, разрешившего русам проход на Каспий, занял Аарон II, который никаких договоренностей с русским предводителем не имел. А тому, кто только что взошел на престол, да еще и жениться собрался, нужно все золото мира.

Но это лишь одно из предположений.

О том, что произошло дальше, сообщает Аль-Масуди: «Мусульмане же собрались и вышли искать их при входе в Итиль по воде. Когда же увидели они друг друга, русы вышли из своих судов. Мусульман было около 15 000 с конями и вооружением, с ними были также многие из христиан, живших в Итиле. Три дня продолжалось между ними сражение; Бог помог мусульманам против русов, и меч истребил их, кто был убит, а кто утоплен». Как видим, информация довольно подробная, и потому многое становится понятным.

Во-первых, мы имеем четкую привязку к тому месту, где произошло сражение ал-ларисии с русами, поскольку ученый араб конкретно указывает, что мусульманские военачальники **«вышли искать их при входе в Итиль по воде»**. Что и понятно, поскольку появления врага в столице никто не желал, а отсюда и желание дать бой на ближних подступах.

Во-вторых, мы видим, что русы покинули ладьи и вступили с врагом в битву на суше. Это тоже вполне могло произойти, но тут возникает один закономерный вопрос: а зачем они это вообще сделали? Ведь, находясь в ладьях, русы запросто могли уйти вверх по реке и не вступить при этом в бой с вражеской ратью. И никто бы их на этом пути не остановил, поскольку у Аль-Масуди есть очень интересное наблюдение: «Царь же хазарский не имеет судов, и его люди не привычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны». Как говорится, путь домой был бы чист. Наши предки не были самоубийцами, они прекрасно понимали, когда лучше помахать мечом, а когда лучше оставить его в ножнах. Правда, впереди были земли буртасов и Волжской Болгарии, но вряд ли те и другие, даже вместе взятые, сумели бы остановить эту армаду – силы были не те. Ну а с вятичами, по чьим землям надо было проходить в дальнейшем, вполне могли бы и договориться. Как-никак, а тоже славяне.

Но этого не случилось. Русы идут в бой на суше, и произойти это могло лишь в одном случае – если что-то помешало им уйти по реке. Но что? Ведь, как мы помним, у кагана не было кораблей и обученных судоходному делу людей, которые могли бы противостоять на воде дружинникам противника. Так в чем же дело?

На наш взгляд, все было достаточно просто – мусульмане взяли и перегородили Волгу. Тут возникает закономерный вопрос: а можно ли было вообще это сделать? Ответ нам дает сама планировка хазарской столицы, такой, какой она просматривается из письменных источников.

Ученые до сих пор спорят о том, в каком месте находился легендарный Итиль, ведь определенно можно утверждать лишь то, что город находился в дельте Волги. Одни историки помещают его чуть севернее от Астрахани, другие утверждают, что он находился в окрестностях Сталинграда. Однако наиболее вероятным местом, где располагался Итиль, было Самосдельское городище на территории Астраханской области. Именно там, помимо большого количества разрушенных жилых помещений и огромного количества керамики, во время раскопок обнаружили остатки сложенной из кирпича цитадели. А поскольку поблизости больше таких городищ не нашлось, то и посчитали, что именно здесь находился Итиль.

Но для нас главным является другой момент – дело в том, что, по свидетельствам восточных авторов, столица Хазарии располагалась как на правом, так и на левом берегу Волги. Она состояла из трех частей: центральной части, которая находилась на острове, где были цитадель и дворец Божественного кагана, а также административной и торговой. Административная часть Итиля была выстроена на правом берегу Волги и окружена каменной стеной, за которой находились

дворцы хазарской знати, храмы и культовые сооружения, а также казармы гарнизона. Что же касается торговой части города, то она была построена значительно позже первых двух и по сравнению с ними выглядела довольно неказисто. Население там ютилось либо в землянках, либо в войлочных юртах и деревянных шатрах, а рядом располагались торговые склады, рынки и бани.

Как видим, построить наплавной мост от одного и другого берега до цитадели, а затем укрепить его не составило бы хазарам труда, благо в многолюдном городе нашлись бы умельцы, которым это дело было по плечу. Но тут возникала другая проблема – дело в том, что у самих хазар судов не было. Однако они имелись в избытке у тех торговцев, которые в огромном количестве прибывали в Итиль. Вряд ли кто-либо из купцов рискнул бы возразить разбушевавшимся бойцам ал-ларисии, когда те решили их конфисковать по законам военного времени. Своя жизнь дороже кораблей.

Итак, мы видим, что перегородить Волгу «при входе в Итиль по воде» было не сложно, поскольку город располагался как на левом, так и на правом берегу реки, а посередине на острове возвышалась цитадель. Расположив значительные силы в цитадели на острове, хазары запросто могли перебрасывать их по мосту с одного берега на другой, лишив при этом своих врагов возможности маневра. Бой происходил бы на узком пространстве, где русам не удалось бы развернуть весь флот и использовать в полной мере свой опыт в морских сражениях. И потому главным событиям предстояло развернуться на суше.

Занятно другое. До битвы не на жизнь, а на смерть оставалось всего чуть-чуть. Буквально через полчаса противники окажутся между жизнью и смертью, когда сойдутся в страшной рукопашной схватке, но и те и другие думали не о чем-то высоком и светлом, а о деньгах. Ведь если вспомнить сообщение Аль-Масуди о том, что «Русы и Славяне же, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу», то получается, что в этой дурной заварухе славяне были готовы скрестить свои клинки с такими же славянами. Биться друг с другом насмерть, да еще и на стороне мусульман и христиан, за право разделить чужую добычу. А то все поют некоторые: «стяжание славы и жертвенное Служение ратным Богам (у Святослава еще укрепление Древней Веры и объединение славян) были бесконечно важнее русам, чем набивание седельных мешков окровавленным барахлом». Где она, эта идейная направленность, о которой столь любит расплываться Прозоров? Ее нет и в помине, как с одной стороны, так и с другой. Какое уж тут «жертвенное Служение ратным Богам»...

...Ладьи причаливали к мелководью, многочисленные бойцы выгружались на берег, гремя оружием, цепляясь друг за друга копьями и щитами. Расплескивая в разные стороны водные брызги, русы выходили на песок и сбивались в отряды, становясь плечом к плечу и сдвигая внахлест большие круглые щиты. Когда построение закончилось, над рядами дружинников взревели боевые рога и «стена щитов», ошетилившись мечами и копьями, медленно двинулась вперед. Тотчас же земля содрогнулась от удара тысяч копыт, и закованная в доспехи лавина ал-ларисиев покатила навстречу русам. И с той, и с другой стороны полетели тучи стрел, и два воинства с лязгом, грохотом и треском, от которого содрогнулись сердца жителей Итиля, сошлись в смертельной схватке. К наплавному мосту против течения подошли ладьи, битком набитые северными воинами, и десятки бойцов с мечами и топорами в руках попрыгали на дощатый настил. Кровью окрасились воды Волги, яростная сеча закипела как на воде, так и на берегу.

Русы готовы были погибнуть, но не унизиться перед врагом. Это было не избиение, не засада, а настоящее встречное сражение. Дружинники понимали, что нужно прорываться, потому что если мусульмане их окружат и зажмут, то шансов на победу не будет. И тогда никому не уцелеть. А ал-ларисиям дай только время!

Три дня шли под Итилем яростные бои, три дня русы пытались опрокинуть ал-ларисию и уничтожить наплавной мост. По ночам гвардейцы и горожане отступали к стенам Итиля, русы уходили на суда, перевязывали раны, отдыхали от ратных трудов, а наутро вновь сходились в отчаянной рукопашной схватке. Однако на суше перевес все ощутимее стал склоняться в пользу мусульман, поскольку их преимущество в коннице было подавляющим. Как мы помним, у дружинников имелись всадники, но они были слишком немногочисленны, чтобы на равных противостоять тяжелой кавалерии ал-ларисии. Лишь 5000 русов сумели на ладьях прорваться по Волге и, миновав Итиль, двинуться против течения на север – остальные либо пали на поле боя, либо утонули в реке.

Даже когда небольшому числу кораблей русов все же удалось прорваться, гвардейцы на них

просто не обратили внимания, ведь основная добыча осталась у них. Ну спаслись, ну прорвались, ну ушли. Жалкие остатки некогда грозного воинства. Да шайтан с ними! Пусть уходят и пусть помнят. И то, если сумеют добраться до дома.

Судьба уцелевших после битвы русов была печальна. Измотанные трехдневным сражением, изнемогая от ран и усталости, они были вынуждены пристать к берегу на землях буртасов. И сразу же были атакованы воинами этого племени. В иное время дружинники вдребезги бы разнесли ополчение этих горе-воjak, поскольку буртасы никогда не отличались особой воинственностью, но в данный момент русы оказались бессильны. Тех же, кому удалось пробиться к ладьям и уйти по Волге на север, позже добились волжские болгары, что и было зафиксировано Аль-Масуди: «...но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Булгар, и те убили их». Как видим, поход «за зипунами» закончился полной катастрофой, и вероятнее всего, что домой из огромного числа воинов вернулись считанные единицы...

Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили –
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили, –

подвести итог этого набега можно четверостишьем из «Слова о полку Игореве» в поэтическом переложении Н. Заболоцкого.

Зато в Итиле царили совсем другие настроения... «Бог помог мусульманам против русов, и меч истребил их, кто был убит, а кто утоплен». Всего, по словам Аль-Масуди, победители насчитали 30 тысяч убитых русов. Но это либо победители приврали, либо сам ученый араб добавил для того, чтобы победа единоверцев выглядела убедительнее.

Но вот что интересно – после этого побоища походы киевских дружин в Каспийский регион прекратились надолго: «С того года русы не возобновили более того, что мы описали» (*Аль-Масуди*) . С другой стороны, никаких санкций со стороны Киева против Хазарии не последовало, поскольку те, кто вершил политику Руси в это время, были прекрасно осведомлены о том, что же случилось на самом деле под стенами Итиля. И кто в этом был виноват. Надо думать, что и ал-ларисия понесла в этой бойне страшные потери, а потому со временем по приказу Божественного кагана могли выловить всех зачинщиков мятежа и удавить по одному. И затем пополнить ряды гвардейцев совершенно новыми людьми, которые не были ни в чем замешаны.

А вот если бы все было так, как нам вещает Лев Рудольфович, то расплата за предательство последовала бы непременно, и пусть не сразу, но карающий меч русов обрушился бы на Хазарию. И полков свой князь Игорь водил бы не на Царьград, а на Итиль.

Но ничего этого не произошло, никто никому не мстил и счет не выставлял, в отношениях между двумя государствами все осталось без изменений. А ведь если бы у русов были к хазарам какие-либо претензии, то, надо думать, они бы их предъявили и заставили каганат сполна расплатиться за все. Недаром автор анонимного сочинения «Моджмал ат-таварих» отметил характерную черту поведения наших предков: «И остался такой обычай, что, если кто-либо русов ранит, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого». А под Итилем не просто кого-то ранили, там тысячи воинов легли в боях с ал-ларисией и городским ополчением. И тем не менее никаких вопросов к правительству Хазарии со стороны Киевской Руси не было, по крайней мере, наши источники об этом молчат.

Что и говорить, жалко погибших русских бойцов. Но давайте посмотрим на вещи честно. Они приехали на Каспий убивать и грабить. Убивать или быть убитыми, потому как это было связано с ведением боевых действий на вражеской территории, и другой альтернативы в данной ситуации для наших предков не предвиделось. На войне такое сплошь и рядом, а легкой прогулки русам никто не обещал. Они сами сознательно выбрали свою судьбу.

В Каспийском регионе русы вновь появляются лишь в 943 году, однако цель их визита останется неизменной – банальный грабеж. Однако об этом мы расскажем в следующей главе, а пока поговорим о грустном. О том, как два Льва – Николаевич да Рудольфович добросовестно занимаются искажением отечественной истории.

Итак, мы снова между двумя Львами. Для начала узнаем, а что же нам поведаст Лев, который Гумилев. А он нам сообщает о том, что этих самых русов, которые все с ног на голову перевернули

в Каспийском регионе, «просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами». Просто взял и просто пригласил. Словно на чашечку чая. Только вот беда: в данный момент русам не было совершенно никакого дела до разбойников с гор, у них и своих забот хватало. Да и все поведение наших предков на берегах Хазарского моря достаточно красноречиво, и мы видим, что ни о каком наказании по чьей-либо просьбе горцев даже речи нет. Наоборот, идет планомерный грабеж мусульманских городов побережья, и никакой идейной подоплеки в этом не видно.

Говоря о том, кто являлся инициатором данного похода, Лев Николаевич высказывает еще одну точку зрения: «М.И. Артамонов полагает, что этот поход был организован «на свой риск и страх варяжско-русской дружиной, нанятой для войны с Византией и отпущенной киевским князем после того, как надобность в ней миновала». Тоже достаточно забавно, поскольку такое грандиозное мероприятие просто не может быть организовано «на свой страх и риск». Как мы помним, походу предшествовала большая дипломатическая подготовка, а кто такие эти представители «варяго-русских дружин», чтобы сам Божественный каган вступал с ними в переговоры? Никто. Да, средства в рейд вкладывались значительные, дружине они были явно не по карману, а с другой стороны, количество участников похода на Каспий было настолько велико, что можно смело говорить о том, что правящая элита Киева приняла в нем самое непосредственное участие.

Идем далее. Говоря о тех причинах, которые вызвали выступление ал-ларисии против русов, Л.Н. Гумилев глубокомысленно замечает: «Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана». При чем тут «неуместная варяжская инициатива», не совсем понятно, поскольку все было ясно с самого начала – русам нужен проход через земли Хазарии, чтобы с целью грабежа проникнуть в Каспийский регион, а кагану нужны за это деньги. Все. Та же ал-ларисия в данный момент ничего не имела против такого соглашения.

Но тот погром, который учинили русы на берегах Хазарского моря, всколыхнул мусульманский мир. Слухи об этом широко распространились и в итоге не могли не дойти до Итиля, где располагались подразделения ал-ларисии. Возможно, что часть беглецов из охваченных вторжением регионов все же сумела добраться до Хазарии и там во всех красках рассказать о тех ужасах, которые им пришлось пережить. Религиозных фанатиков в те времена хватало везде, а потому ничего удивительного нет в том, что сердца хазарских мусульман воспламенились ненавистью к разбойникам. Идея, что на этом можно и нажиться, пришла чуть позже.

Еще раз отметим, что заранее никто к мятежу не готовился. Выступление гвардии, по сведениям источников, выглядит настолько спонтанным, что застало всех участников событий врасплох.

И в свете изложенного выше материала вывод, который делает Л.Н. Гумилев, как всегда, является оригинальным, но не подкрепленным никакими фактами: «В каспийском походе варяго-русское войско выглядит неполноправным союзником Хазарии. И предательство, допущенное царем Вениамином, осталось безнаказанным». Ни о каком «неполноправном союзничестве» даже речи нет, каждая сторона преследует свои определенные цели. Обстоятельства заставили хазар и русов заключить это временное соглашение, суть которого была строго оговорена. И не надо здесь ничего мудрить.

Теперь обратимся в сторону другого Льва – Рудольфовича. «Ведущий историк языческой Руси», как всегда, суров и категоричен, а грандиозный поход «за зипунами» 913-914 годов он называет ни много ни мало «походом мстителей». Во как! Как всегда, возникает к писателю закономерный вопрос: а откуда такая информация? Ответим: из его «исторической головы». Потому что этот рейд он напрямую связывает с мстостью за разгром отряда русов, который в 909 году промышлял в этом же регионе. О нем мы уже рассказывали, а потому повторяться не будем.

Удивляет другое – гибель обыкновенного отряда грабителей Прозоров делает едва ли не судьбоносным событием, которое спровоцировало столь масштабное вторжение. Рассуждая о том, как местные жители перебили терроризировавших и обиравших их разбойников, Лев Рудольфович вздевает над головой руки и патетически восклицает: «Это была большая ошибка – виновная или нет, русская кровь в те годы не оставалась неотомщенной». Мы не думаем, что правительство Киевской Руси вообще заинтересовала гибель нескольких сотен воинов, которые в целях наживы подались на Восток. И совсем не потому, что им было наплевать на соотечественников, а потому,

что они вряд ли считали их своими соплеменниками. Как вы видели, те же славяне, древляне и поляне никогда бы не стали мстить друг за друга. Им бы даже это и в голову не пришло. То же самое было и у русов. Русы, осевшие в Новгороде, ни в жисть не пошли бы на край света, чтобы отомстить за смерть и неудачу русов, обосновавшихся в Киеве или Чернигове. Сейчас у каждого из славянских племен была своя родина, свое государство.

Это у Прозорова все завязано на клятвах и пафосе, а в реальном мире все подчиняется государственным интересам, и хороший правитель прежде всего смотрит на то, что его державе выгодно, а что нет. Эмоции в последнюю очередь. А князь Олег был правителем достойным и умным, в отличие от «ведущего историка», он прекрасно понимал всю глупость и нелепость мести за русов-разбойников, которые погибли у черта на куличках. Мало того, русов, которые, возможно, были даже не из его клана. И поважнее дела в державе есть, а эти сами знали, на что шли. Как говорится, за что боролись...

Но Лев Рудольфович продолжает напевать старые песни о главном. Каждый раз ждешь, что его рассказ вот-вот рванет, как фугас, засыпав читателя бесконечными осколками праздных слов, искореженных фактов и пеплом славословий. Может больно ранить шальной цифирью или оглушить разорвавшейся над головой свежей легендой. К этому нужно быть готовым. Льву не привыкать гнуть факты. Он вроде бы несет откровенную чушь, но надо отдать должное, никогда не сбивается и делает это вдохновенно. И в этот раз ничего нового: «Мечь русов обрушилась на берега Каспия, словно гром небесный». Мы уже видели, что это была за «мечь» и в чем заключался ее смысл, набитые по самые борта барахлом ладьи об этом красноречиво свидетельствуют. Недаром у мусульманских гвардейцев крышу снесло, когда они узнали про количество добычи! Поэтому оставим в стороне рассуждения бескорыстного писателя, а посмотрим на то, как он трактует столкновение между русами и ал-ларисией. Наверняка он приготовил для нас что-то изысканное или экзотическое! Как всегда, наши надежды Лев Рудольфович оправдал с лихвой!

Да простят нам столь обильную цитату, но, чтобы прочувствовать стиль работы Прозорова и его умение работать с источниками, мы просто вынуждены ее привести. Оно того стоит.

«Вскоре отяжелевшие от добычи и пленников ладьи подошли к Итилю. Посланцы русского вождя отправились вручить каган-беку оговоренную долю добычи. Любопытно – они успели дойти до ладей? Или уже по пути к ним увидели заливающую берег стальную лавину – пятнадцать тысяч аль-арсиев, лучших воинов каганата, закованных в железную чешую от конских колен до ощеренных личин шлемов. И мусульман по вероисповеданию. Впереди них, вполне возможно, ехал с тяжелым палахом в руке тот самый Ахмад бен Куйя, которого пытаются выдать за сына основателя Киева. А за их спинами валило толпище в полосатых халатах – все взрослые мужчины-мусульмане многолюдного торгового города Итиля. С ними были и христиане – ради общей ли ненависти к язычникам-русам или просто в надежде ухватить что-то из богатой добычи».

Прервем разошедшегося не на шутку писателя, вырвемся ненадолго из толпы «в полосатых халатах» и снова обратимся к Аль-Масуди, сравнив его записи с рыком необузданного Льва. Вот что говорит ученый араб о посольстве русов к кагану: «Отправились они к устью Хазарской реки и истечению ее, послали к царю хазарскому и понесли ему деньги и добычу по их уговору». Картина ясная – русы остановились там, где Волга впадает в Каспий, и оттуда отправили в Итиль послов с той долей трофеев, которые причитались хазарам. Вывод напрашивается один – главные силы русов на побережье, ал-ларисия в Итиле. И лишь после того, как взаиморасчеты были окончены, воеводы повели свои ладьи по направлению к столице каганата.

Где они, «толпище в полосатых халатах» и «пятнадцать тысяч аль-арсиев, лучших воинов каганата, закованных в железную чешую от конских колен до ощеренных личин шлемов»? В данный момент их просто нет, поскольку будущих противников разделяет довольно значительное расстояние.

Смотрим дальше:

«А с красных кирпичных стен Кемлыка, дворца каганов, осененных пятиугольными щитами Соломона, наблюдал за резней на берегу, любовно оглаживая густую вьющуюся черную бороду и прядки-пейот над ушами, улыбаясь полными губами, каган-бек Аарон бар Беньямен, владыка Хазарии. Человек, которому его вера не то что позволяла – вменяла в обязанность обмануть доверившегося ему язычника-акума. Тем паче из ненавистного «народа Рос». И вместе с ним жмурил от злорадного удовольствия узкие щели окон весь огромный город, разжиревший на поту

славянских рабов и крови тех, кто не желал быть рабами.

И тихо плакали по темным углам, не смея потревожить злого ликования своих «богоизбранных» господ, славянские невольницы».

Так вот он каков, наш Лев свет Рудольфович, все-то он видит и слышит, и ничто не ускользнет от его бдительного ока и всеслышащего уха! Все разглядел «ведущий историк»: и непонятную резню на берегу реки, и «прядки-пейот над ушами» Аарона бар Беньямена, и даже плач славянских невольниц по углам услышал! Как будто он сам тихохонько бродил по улицам Итиля и, прикладывая ладошку к уху раковинной, прислушивался – а кто это там за забором слезы льет?

Одним словом, все как всегда – патетика и эмоции, а исторической достоверности – ноль. Потому что известия Аль-Масуди полностью опровергают бредни Прозорова.

Ни о каком внезапном нападении и подлой резне даже речи нет, поскольку арабский историк четко и недвусмысленно указывает: «Мусульмане же собрались и вышли искать их при входе в Итиль по воде. **Когда же увидели они друг друга, русы вышли из своих судов**». Противники друг друга заметили и стали готовиться к бою, иного толкования у этой фразы просто быть не может. А резня ничего не подозревающих и доверчивых русов «толпищами в полосатых халатах» существует лишь в воспаленном воображении писателя! С другой стороны, Аль-Масуди конкретно указывает на то, что боевые столкновения длились три дня: «Три дня продолжалось между ними **сражение**». Обратите внимание, не резня, а именно полномасштабное сражение, ведь если бы была та бойня, которую описывает Прозоров, то мусульмане управились бы значительно быстрее. К тому же наши предки могли спокойно покинуть место сражения, уйти в Каспийское море и попробовать вернуться на Русь другим путем. Но нет, сражаются отчаянно, потому что надеются на победу. Это же русы, их голыми руками не возьмешь! Пока руки держат оружие, они ведут бой. Поэтому и схватка затянулась.

Теперь наступает время подводить итоги, и Лев Рудольфович, захлебываясь от рыданий и судорожно шаря вокруг себя рукой в поисках валерьянки, сообщает нам потрясающие вещи: «Пять тысяч русов, по словам Масуди, вырвались из кровавой ловушки, в которую превратился для них Итиль. Тридцать тысяч трупов осталось лежать на речном берегу, и головы их свалили на городской площади. Вырвавшиеся, бросив суда, попытались прорваться из каганата сушей...

Но уже гудела степная земля под конскими копытами, уже мчались науськанные каган-беком орды кочевников-буртасов, вассалов кагана...

Мало кто из ушедших в Хвалынское море вернулся в родной дом».

Оставим на совести писателя откровение про «орды кочевников-буртасов», которые даже об этом не подозревали, спокойно проживая на западном берегу Волги и занимаясь в основном скотоводством, земледелием и бортничеством. Обратим внимание на то, что Прозоров в этот раз безоговорочно принимает на веру цифру в 30 000 убитых, которую сообщает Аль-Масуди, хотя сам же до этого и сомневался в их достоверности. «Думаю, не надо объяснять, что цифры эти, скажем так, приблизительны», – вот что заявляет Лев Рудольфович, когда рассуждает о численности русских дружин, которую сообщает арабский ученый. А здесь сразу же все принимает на веру!

Просто для пушного нагнетания атмосферы и желания пробудить у читателей ненависть к клятвопреступникам-хазарам и убийцам-мусульманам автор включает двойные стандарты. Что хорошо в одном месте, то плохо в другом, главное, чтобы соответствовало нестандартным теориям автора. И как можно больше пафосу, эмоций и душещипательных сентенций. Впрочем, у Льва Рудольфовича это стало своеобразной визитной карточкой всего творчества. Тенденция, однако!

В целом же можно смело констатировать, что вооруженный конфликт, произошедший между русами и хазарами во время набега на Каспий в 913-914 годах, никаким образом не повлиял на взаимоотношения между двумя государствами. Большой войны не произошло, каждый остался при своем. О причинах, почему это произошло, мы говорили выше.

И пришел Игорь...

После Олега власть в свои руки взял Игорь. Однако это оказалось совсем не так просто. В отличие от Вещего, нового князя признали далеко не сразу, и по всем границам Киевского государства началась смута великая. Недавно покоренные славянские племена, все, как один, разом подняли восстания, либо пытаясь отделиться от нового славянского рая, вернув свою

независимость, либо вновь уйти под крыло Хазарского каганата. Началась смута, да такая, что у Игоря земля загорелась под ногами. Допустить, чтобы его государство уменьшилось в разы, он не мог, поскольку такая роскошь никому из правителей не позволительна. А потому он на пару со своим любимым воеводой Свенельдом и носился по окраинам и рубежам своих земель, огнем и мечом убеждая упрямых братьев по крови и вере вернуться обратно, успокоиться и исправно платить налоги. На это потребовался не один год. Участвовал ли каким-нибудь боком в этих делах Божественный каган, мы не узнаем, но вполне возможно, что он поддерживал страстные желания славянских племен к свободе и независимости. Во-первых, ему это было выгодно. Он уже чувствовал, что киевские князья постепенно добираются и до его владений, а их взгляд, которым они оглядывают его земли, становится все пристальнее и пристальнее. Новый опасный враг ему сейчас был совсем не нужен. Пусть уж лучше русы занимаются своими домашними проблемами, и чем дольше они ими будут заняты, тем хазарам будет спокойнее.

Во-вторых, совсем недавно мусульманская гвардия кагана предательски напала и в капусту изрубила русов, которые возвращались домой после удачного набега на берега Каспийского моря. А ведь за подобный беспредел можно было и ответить. Вольно или невольно, но именно Божественный стал причиной гибели большого числа русов. Как ни поверни, но и на его руках была пролитая ал-ларисией кровь. А для киевского князя это могло послужить хорошим поводом к началу масштабных военных действий. Кровь его собратьев вопиет об отмщении.

В-третьих, большая часть славянских племен, поднявших бунт против нового вождя, совсем еще недавно была обычной составляющей многонационального интернационала, имя коему Хазарский каганат, и при этом спокойно и исправно платила налоги, пополняя казну этого государства. Так что при удачном исходе была возможность вернуть их обратно и возобновить поток в Итиль беличьих шкурок.

В-четвертых, опыт такого рода действий у хазар уже был выработан. Прямых доказательств финансирования подрывной работы в среде славянских племен не сохранилось, да и не могло сохраниться. Но то, что возможности, интерес и опыт в таком виде деятельности у хазарской верхушки присутствовали, отрицать нельзя.

Так что все, что происходило сейчас на Руси, касалось Хазарии напрямую. Поэтому неудивительно, что хазары вполне могли поучаствовать и финансово, и морально в борьбе славянских племен против Игоря и его династии.

Однако сил, терпения и настойчивости у нового князя и его воеводы хватило на то, чтобы стабилизировать ситуацию и вернуть хотя бы большую часть из почти что утерянного.

«И затворились от Игоря древляне по смерти Олега, не желая ни дань, ни войска давать.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой».

Самое интересное здесь, что после своей победы Игорь заставил древлян раскошелиться и помимо дани оплатить еще и моральный ущерб. Воспользовавшись ситуацией, князь взвалил на них дань еще более Олеговой, припомнив тем самым все свои обиды, и стали теперь древляне самым налогооблагаемым славянским племенем. Вот так киевская власть заботилась о славянской независимости и благоденствии. Но этот шаг Игорю еще аукнется. А пока древлянам приходилось терпеть, но даже терпенью машины приходит предел. Ведь Игорь, в отличие от тех же хазар, рассчитывал только на силу, а не на хитрость, и эту силу он использовал при возможности в дело и не в дело.

«Игорь, собрав довольное войско, послал с оным на угличей воеводу своего, именем Свинелд. Он же, пойдя, покорил их и дань возложил, но один град Пересечень не покорился, который держал в осаде три лета и едва взял, ибо угличи сидели вниз по Днепру. И взял Свинелд дань с них древлянскую по черной кунице с дыма и раздал войску, бывшему с ним» (*Татищев*).

И с угличами, несмотря на все их мужество и упорство, все же справиться удалось. Только вот налог на свободу и имущество для них увеличился сразу же в разы. Теперь и эта славянская земля могла на своей шкуре испытать всю тяжесть экономической зависимости, какую до этого на своих плечах несли только древляне. Игорь сразу же стал повышать ставки, благо и повод для этого был, ведь требовалось же проучить неразумных подданных за непокорство и своеволие.

Тут все славянские народы поняли, что вести себя с освободителями надо как-то поаккуратнее, и, судя по всему, ознакомились с преискурantom, по которому Игорь и Свенельд готовы были осуществлять работы, связанные с этим самым освобождением. Возможно, что,

сравнив киевский прејскурант и условия, в которых они жили под хазарами, многие славянские племена задумались о том, а что же все-таки лучше – хазарское иго или славянское братство. Особенно в том случае, если независимость вообще может лечь непосильной ношей на их плечи.

По большому счету, Игорь фигура вообще не шибко политически гибкая, он больше подвержен влиянию своей собственной дружины, которая частенько диктует правителю свою волю. Молодой князь неоднократно идет у нее на поводу, что в конечном счете его и погубит.

Попытки Л.Р. Прозорова сделать Игоря фигурой блестящей, яркой и эпохальной по большей части смешны и нелепы. Тасуя исторические факты, как карточную колоду, писатель вытаскивает на свет только те из них, которые подтверждают его открытия. А те, которые не укладываются в теории Льва Рудольфовича, так и остаются у него в рукаве. Зато когда «ведущему историку» фактов просто не хватает, он пускает в ход свое секретное оружие – обвиняет во всем недоброжелателей Игоря из числа чернецов-монахов, которые вымарывали его подвиги во имя славянского счастья из летописей.

А итог такого творчества и своеобразного подхода к отечественной истории довольно печален. Сын Сокола, как на манер североамериканских индейцев величает Игоря Прозоров, чаще всего в его исполнении выглядит инфантильным дебилом с налитой мускулатурой, напичканным кучей патриотических лозунгов. Вместо реального князя, человека со своими достоинствами и недостатками, который совершал ошибки и сам же их исправлял, мы получаем некий абстрактный образ рыцаря без страха и упрека. Но с этим нам еще предстоит столкнуться.

Пока Игорь разбирался дома по хозяйству, снова и снова собирая расплзающиеся от государства куски, в Хазарии тоже происходили изменения. Кагана Вениамина на его посту сменил Аарон II.

В 921 году правитель хазар решил вновь жениться, ибо захотелось ему немного личного счастья. Для этого он потребовал себе в жены вторую дочь болгарского правителя Алмаса. Старшая дочь Алмаса уже была замужем за каганом, но скончалась при родах. Видимо поэтому хазарский царь не стал искать замену на стороне, а пошел привычным проверенным путем. Укрепляя свою ветвь власти как только можно, то есть династически выгодными связями, он решил заодно женить и сына. По отцовскому настоянию тот женился на аланской принцессе, что послужило укреплением хазаро-аланского союза.

Это была необходимая, но своевременная мера. Ведь совсем недавно воинственный аланский царь, подстрекаемый византийским императором Романом I Лакапином (919-944), выступил против хазар. Аарону пришлось даже нанять дружественного хазарам «царя турок» (гузов или печенегов), которые победили алан. «И низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему царь большой почет, и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда обязался ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон в свою землю». Вот так на страницах нашей книги появляется последний самостоятельный и самодостаточный правитель Хазарии Иосиф.

Позже именно он унаследовал престол от своего отца Аарона, и именно ему предстоит испить до дна горькую чашу и узреть разрушение своего когда-то могучего государства славным воителем Святославом.

Сейчас же Аарон II прилагает невероятные усилия для того, чтобы вернуть Хазарии если не былые территории, то хотя бы былую мощь и единство. Но не все идет гладко, и не все удастся одинаково хорошо. Аарон II смело, но при этом довольно жестко завинчивает религиозные гайки, укрепляя позиции выбранной им веры и при этом ужесточая требования ко всем остальным религиям, имеющим место быть в его государстве.

Это не самый правильный шаг, ибо он только нагнетает обстановку в стране. В 922-923 годах разошедшиеся не на шутку мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж. За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов.

Это было его последнее деяние. Дальше место Аарона занимает Иосиф. Но вектор движению уже задан, и именно при этом кагане религиозные войны вновь набирают силу. Тем более что Иосиф смело и с таким же рвением продолжает дело своего отца.

932 г. Война хазар с аланами, победа хазар. Изгнание православных священников из Алании. Конфликт Византии с Хазарией, преследование евреев в Византии.

936 г. Казни христиан в Хазарии, война каганата с Византией.

«Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т. е.

убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были» (Л.Н. Гумилев).

События внутри Хазарии следуют одно за другим. Интересно, что под горячую руку Иосифа попадают и аланы, хотя на дочери аланского царя он сам женат и вроде как последнее время аланы принесли Хазарии много пользы, выступая военным союзником каганата.

В эти годы в истории хазаро-аланских отношений прослеживается небольшой сумбур. Они то дружат, то воюют, и даже арабские источники не всегда успевают точно отследить изменения, которые происходят во взаимоотношениях между двумя государствами. Тем более точно по времени их запротоколировать.

Сейчас ясно одно: Иосиф, взойдя на престол, охотно продолжил дело отца и развернул военную активность, как внутри своей страны, так и на ее рубежах. Активности Иосифа могли бы позавидовать многие политические деятели. За исключением сына Сокола, которому постоянно не сиделось на месте и чья кипучая энергия все время требовала выхода.

Так мы приблизились к 939 году, который и стал переломным в головах многих историков и теоретиков. Нет, мы не ошиблись, ибо те, кто жил в X веке, эту перемену не заметили и не почувствовали, в отличие от последователей Льва Николаевича Гумилева. Идя по стопам своего учителя, они стали рассказывать нам жуткие вещи о том, что же в те далекие времена произошло на Руси.

Возможно, это уведет нас немного в сторону от основной линии повествования, но оно стоит того. Ибо, если слепо довериться Льву Николаевичу и не проверить его постулаты, это может выйти боком и увести в совсем иные реалии.

Так что же нам может поведать известный историк?

«В 939 году произошло событие чрезвычайной важности». «Русский вождь – князь Игорь – захватил принадлежащий Хазарии город Самкерц (ныне Тамань), расположенный на берегу Керченского пролива. Хазарский правитель ответил на удар ударом: на русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, «достопочтенного Песаха». Песах освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и пошел маршем по южному берегу Крыма, истребляя христианское население. Спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсоне. Перейдя Перекоп, Песах дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам свои мечи».

Ведь что тогда получается. Если допустить, что Гумилев прав, то тогда выходит, что произошедшие события и подвиги «достопочтенного» полководца Песаха в корне меняют весь смысл русско-хазарских отношений. Если согласиться со Львом Николаевичем, то получается, что, вследствие отчаянного рейда отважного еврейского воина в Северное Причерноморье и на Русь, последняя стала уже не противником, не соседом, не соратником и даже не сподвижником каганата, а его данником, бесправным вассалом. Который платит налог уже не только беличьими шкурками, но и кровью своих воинов.

Беспомощность, обреченность и чувство обиды за предков – вот что остается после прочтения этих строк.

Страшно? Жутко?

Но не пугайтесь раньше времени. Большая часть из того, что нам поведал Л.Н. Гумилев, всего лишь страшные сказки, навеянные его странными дедуктивными способностями.

Однако мимо такого знакового утверждения пройти нельзя. Хазарское иго?! Надо же!

Будем разбираться, как говаривали в НКВД.

Фантазия Гумилева вообще не знает ни границ, ни пределов, однако не имеет под собой никакой исторической платформы.

Лев Николаевич большой мастак на смелые, рискованные выводы. Его полет воображения ничто не сможет ни сдержать, ни ограничить, ни уж тем более остановить. А это хорошо, но только тогда, когда есть еще и исторические факты, которые подкрепляют все эти теории. Но беда Гумилева в том, что его фантазии чаще всего не находят никакой логической поддержки, не говоря уже о какой-либо мало-мальской опоре на летописный материал, который историк использует довольно своеобразно. Он принимает лишь ту информацию, которая отвечает его идеям, но при этом игнорирует факты, казалось бы, лежащие на поверхности, и все только потому, что они не

соответствуют громким открытиям. Поэтому, кроме слов «ново, смело, неожиданно, оригинально, непатриотично», сказать о его теориях нечего. Начни с ними разбираться, и все они окажутся простой мистификацией, притом чаще всего мистификацией вредной и пасквильной. Ведь именно благодаря Льву Николаевичу на многих достойных уважения отечественных государственных деятелях лежит незаслуженное клеймо позора. И если называть вещи прямо, своими именами, то можно смело сказать, что его фантазии наносят непоправимый вред истории государства Российского. Так что доверять ему на слово боже упаси.

Историк беспрестанно призывает использовать в своих научных изысканиях логику, которой сам же пользоваться и не умеет. Именно с ней у Льва Николаевича огромные проблемы. Порой он сам себе противоречит, доказывая на однотипных примерах совершенно противоположные вещи.

Пример с хазарской данью подходит как нельзя лучше. Здесь научное светило засветило в массы такой теорией, что можно даже на время лишиться дара речи. На каком материале Гумилев делает столь сногшибательный вывод?

А все его выводы опираются на всего один лишь шаткий источник, так называемый «Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века», или по-другому «Кембриджский документ», дошедший до нас в урезанном варианте. В подлинности письма, может быть, и нет никаких сомнений, а вот в правдивости этого письма, или, точнее, здравомыслии писавшего его возникает немало вопросов. Но вот беда, предъявить их некому!

Письмо частное, на официоз не претендующее, и мало того, что автор неизвестен, так еще начало документа отсутствует полностью! Поэтому догадаться о том, о чем же хотел поведать один адресат другому и какая у него была цель, какая задумка, да и что творилось вообще в его голове, не представляется возможным. Мы даже не знаем, насколько этот человек был осведомлен. И пусть автор письма называет себя приближенным царя Иосифа, но при этом он не указывает степени этой приближенности. Может, он вообще был банщик. Это ведь тоже подразумевает близкий доступ к божественному телу.

Наверняка Татищев, Карамзин или какой другой официальный летописец, описывающий эту эпоху и работавший с не дошедшими до нас документами, был осведомлен о происходящем не хуже Гумилева, но мы к нему не прислушиваемся. А вот фантазеру, вопреки здравому смыслу, доверяем безоговорочно, ставя, как приоритет, во главу угла.

Итак, противоречия.

Когда Л.Н. Гумилев ведет речь о походе нашего недавнего героя, Вещего Олега, на Византию, то он иронично замечает, что, мол, поход, победа, откуп, все летописи в один голос кричат и гордятся, галдят, а вот византийцы как воды в рот набрали, молчат. Они даже и внимание на щит на своих воротах не обратили. Пропустили. Мало ли кто там чего на воротах прибывает.

И что это значит, ухмыляется автор? А значит это, по его мнению, только одно. Не было никакого похода, и нечего русским летописям доверять. Врут они все, а с ними вместе и Татищев, и Карамзин, да и другие столпы отечественной исторической мысли тоже. Вы-мы-сел все это, вымысел и сказки. Вот так, подводит итог Гумилев.

И ничего-то ему не докажешь, ибо не хочет ничего Лев слушать, уши заткнул и бубнит свое наперекор всему. Хотя, казалось бы...

Вдруг находится еврейский огрызок письма, без начала и без конца, от кого и кому неизвестно шедший, а в нем, в этом самом обрывке, всего одна строка: «Тогда стали русы подчинены власти казар», в которой и про Киев-то даже не указывается, а Лев Николаевич уже и выводы сделал.

Извините-простите, но с чего вы, уважаемый Лев Николаевич, взяли, что под русами подразумевается именно Киев, а под X-л-гу Игорь и его воины?

Ведь ни одна летопись не говорит ни прямо, ни косвенно не только о завоевании Киева хазарами, но и подчинении князя Игоря Божественному кагану.

А, так вас смутила фраза: «А Роман злодей послал также большие дары X-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его собственную беду. И пришел он ночью к городу С-м-к-раю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная». И вот вы, Лев Николаевич, решили, что царь Руси – это не кто иной, как Игорь, ибо он правил в Киеве в это время. Ну а дальше в ход идут блестящие логические способности и с годами приобретенная дедукция. Однако есть нюанс, ибо ни одна русская летопись, ни один известный историк этого

похода «достопочтенного» полководца Песаха и его ратных подвигов во славу Хазарии не заметили. Как и покорения Киева хазарами.

Какие выводы делает Л.Н. Гумилев?

«Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей».

«Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов».

«Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны» (Л.Н. Гумилев).

Красиво. Трогательно. Даже печально. Но позвольте! Давайте работать по одному стандарту – если византийцы «не заметили» похода Олега, значит, его не было, а если мы не заметили хазарское нашествие, то, значит, оно было, но летописцы его проглядели? Несуразица какая-то.

Хотелось бы спросить популярного историка: а как же так?

Но ответа уже не будет.

Но если следовать логике Льва Николаевича, то, двигаясь по этой траектории, летописцы должны были обойти стороной татаро-монгольское нашествие, да и о печенежских и половецких набегах тоже можно было бы умолчать. Про аварские безобразия лучше вообще не вспоминать. Грустно ведь писать о разгроме и позоре.

Как вы думаете, история нашей страны, особенно древняя, состоит только из подвигов и побед? Отнюдь. Ведь когда славяне платили дань, неважно кому: хазарам, печенегам, половцам, монголам, то обо всех этих вещах летописцы в своих трудах упоминали. Они даже прохождение венгров мимо Киева не упустили, как и то, что за этот мирный проход пришлось славянам платить. Уж кто-кто, а Гумилев об этом должен был быть осведомлен.

И не нужно наводить тень на плетень.

У Гумилева вообще странная позиция, он с какой-то странной восторженностью безоговорочно верит во все те события, которые несли Руси беду за бедой, верит незыблемо и свято, в несусветную глупость и бездарность руководства, верит в трусость и подлость князей. Верит в любую грязь, которой поливают русских, и в любую ложь, которую про них говорят. И верит он в это неукоснительно. Мало того, подобные вариации вызывают у него какое-то нездоровое умиление, и историк еще умудряется находить в них благо для нашего государства, то благо, которого нет и в помине. Он из кожи вон лезет, лишь бы доказать, что все эти беды нашему народу только на пользу, как, например, монгольское нашествие.

Вот странно, никому никогда такие вещи во благо не шли, а нам все к пользе да радости. И хазарская кабала, и монгольское ярмо.

Есть, правда, довольно большая группа людей – мы назовем их последователями популярного историка, – которые, безоглядно веря в светлый гений Льва Николаевича, уже приравнивали его труды к историческим источникам. Так и говорят – Гумилев сказал. А это не есть хорошо, поскольку большинство гипотез Гумилева как раз на источники не опираются, для них источником служит лишь вдохновение автора, который все эти теории и придумал. Это такой тяжелый случай.

Но, однако, вернемся к делу.

Еще раз отметим, что ни в одной русской летописи и ни в одном хазарском источнике, ни в одной из известных нам восточных хроник или западных анналах даже не упоминается о захвате хазарами Киева.

У Игоря было немало недостатков, но трусом он никогда не был. А поставить его на колени не смогли даже византийцы. Не говоря уже о хазарах. Чтобы победить киевского князя, нужно было двадцать «достопочтенных» Песахов, да и то, пожалуй, не справились бы. Не так был воспитан зять Олега.

Мы не случайно столь подробно остановились на событиях, которые происходили в самой Хазарии, хотя напрямую Русь они и не задевали.

А там все шло своим чередом: после долгих и упорных боев Игорь вернул под власть Киева почти все те земли, которые оставил ему Олег. И теперь дальнейшие намерения нового князя стали очевидны – покончив с врагами внутри страны, он решил обратить свой взор на врагов внешних. Добыть не только славы, но и злата. Дружины Игоря крепки, его полки многочисленны, земли обширны. И главное, в них сейчас покой и порядок, пусть даже временный.

А что в Хазарии? Да то же, что и было. Внутренняя смута, религиозная война, гузы, печенеги,

аланы, которые волнами прокатываются по землям каганата и не дают хазарам покоя. Куда им сейчас воевать со всей Русью?! Им бы свое удержать. Ведь Русь – это не печенеги, и даже не храбрые гузы. На покорение Киевской державы даже надежды нет никакой в данный момент, и любой правитель Хазарии это понимает. Дома надо разбираться, и дома порядок наводить, а потом срочно укреплять границы, ибо лезет в пределы каганата уже кто ни попадя, пользуясь этой уязвимостью и разбродом.

Русь на тот момент была молодым развивающимся государством, которое только и смотрело, у кого бы еще из соседей оттяпать кусок земель побольше да побогаче, кого бы еще освободить. Высматривала, кто еще нуждается в защите. Глядела зорко, ничего из поля зрения не выпуская. Хазария уже выступала как добыча, правда пока еще эта добыча могла оказать сопротивление. Но силы ее постепенно таяли, а попытки русов проникнуть на Восток и закрепить за собой новые территории становились все настойчивее. Поход на Самкерц был одной из них.

А что же было у Песаха, что он мог противопоставить киевским полкам и дружинам? А в распоряжении «достопочтенного» Песаха имелась мусульманская гвардия Божественного, численность которой определяют с большим разбросом. «Власть бека опиралась на наемные войска из Гургана (область на юго-востоке Каспийского моря). Число воинов колебалось от 7000 до 12 000 человек, специально обученных и прекрасно вооруженных» (Л. Гумилев).

От 7000 до 12 000 человек. Это была та основная сила, которой «достопочтенный» мог располагать. И что? Пусть это были даже самые отчаянные головорезы и смельчаки, собранные со всей Азии, но, как мы помним, совсем недавно эта самая гвардия числом аж в 15 000 воинов не рискнула в одиночку напасть на возвращавшихся домой с Каспия русов. Мало того, для такого случая они собрали себе в помощь всех, кого могли. И то целых три дня бились против северных находников. А ведь это был всего лишь отряд, идущий домой после долгого грабительского рейда! А тут получается, что благодаря отваге и военному гению Песаха гвардейцы уже на свой страх и риск, вопреки велению кагана, не только свои города освободили, не только Византию потрепали, но еще и на Русь пошли. Развязали с ней войну, потому что Песаха было уже не остановить. Его, видите ли, воинский азарт разобрал. И увидев под своими стенами озверевшего и очумелого от боев и походов «достопочтенного» Песаха, в грязи, копоти и мыле, Игорь решил, что для его страны будет лучше покориться?

Забавно.

А как же мужество славянских и русских воинов, куда оно делось? Ведь от тайги до Британских морей русские витязи всех сильнее?!

Вот вам описание русов, которое дает приблизительно в это же самое время арабский историк Ибн Мискавейх: «Народ этот могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегает ни один из них, пока не убьет или не будет убит. В обычае у них, чтобы всякий носил оружие».

Чепуха какая-то.

Видимо, у Ибн Мискавейха и у Льва Николаевича совершенно разный взгляд на проблему. Хочется отметить, что этот самый араб был совершенно не на нашей стороне. Хотя «хазарского письма» он, видимо, не читал, поскольку не ему оно было адресовано, а то, может, и сменил бы свое мнение. Написал бы, например, оду полководцу Песаху или героическую пьесу в трех действиях, с прологом и эпилогом.

«Песах и Ольга» – разве не звучит?

Вообще же это пресловутое письмо больше похоже на неразумную, но очень убедительную агитку. Пусть в ней концы с концами и не сходятся, так ведь это можно понять, потому что человек писал личное письмо и даже не рассчитывал на то, что его будут позже принимать за исторический документ, проливающий свет на дела дней давно минувших. Создатель сего манускрипта и подозревать себе не мог, как его творение отзовется в веках!

Но это все, опять же, лишь эмоции, может сказать иной читатель, точно такие же, как и у Гумилева, а факты? Факты есть?

Если все, что написано до этого, вас не убедило, то прибегнем к последнему аргументу. Почему Гумилев его проигнорировал, просто непонятно, но в его работах частенько такое бывает. То, что неудобно, лучше выпустить.

Итак, на основе чего делает свой вывод Гумилев о хазарской зависимости и подчинении Игоря каганату? На письме «неизвестного еврея», или, как его еще называют более удачно,

«Кембриджского анонима». Давайте ему в противовес поставим письмо «известного еврея» и посмотрим, кому же из них больше веры.

Возможно, вы удивитесь, но этим известным евреем будет сам каган Иосиф, во время правления которого и произошли все эти события. Кто лучше владеет ситуацией в собственном царстве-государстве, Божественный каган или кто-то из его неведомых приближенных?

Так вот в своем письме, написанном еще до 960 года и обращенном к Хасдаю ибн Шафруту, высокопоставленному еврею при дворе Кордовского халифа Абд ар-Рахмана III, царь Иосиф сообщает такую информацию: «Я (сам) живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним (мусульманам. – Л.Г.). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада».

В другом переводе это сообщение звучит несколько иначе, но все в том же, жизнеутверждающем ключе. Царь Иосиф сообщает, что народ Рус стал мощным народом, и он с трудом удерживает его на своих границах, а если бы он не делал этого, **то этот народ завоевал бы весь мир.**

Выбирайте ту версию, которая вам больше нравится. Смысл останется неизменен. Для всех, кроме Льва Николаевича.

Однако вся прелесть данного сообщения заключается в другом: оказывается, высокопоставленный еврей Хасдай был очень удивлен фактом существования независимого иудейского государства, а потому и попросил Иосифа рассказать о Хазарии.

То есть о государстве русов и их народе высокопоставленный еврей из Кордовского халифата был наслышан, а о том, кто держит этот народ в узде, нет?

Как вам такой аргумент? А ведь Иосиф совсем не случайно делает упор именно на том, что он, ведя непрерывную и титаническую борьбу, сдерживает русов. Довольно странное определение своих вассалов и данников. Не повелевает, а только сдерживает. Ведь было бы иначе, он бы на весь мир об этом заявил. Громко, четко и категорично: «А еще я владею росами, которых вы все просто боитесь. Вот насколько я могуч. Трепещите и радуйтесь, что пока я занят не вами!»

А если Игорь его данник, то о чем тут вообще говорить. Приказал и все, а если нужно, так натравил киевского князя на любого своего врага, и тот отправился в поход, хоть на Византию, хоть на мусульман, раз «большой начальник» велел. Однако нет. В этом своем письме Иосиф много чего сообщает, много чего приукрашивает, а порой и привирает для красного словца, но он даже не обмолвился о том, что русы вместе с Киевом и Игорем ему подчинены. Божественному такое даже в голову не пришло.

Ему нет, а Гумилеву – да. Он лучше самого кагана сориентировался в ситуации.

Аль-Масуди называет – при Игоре! – Дон «Русской рекой», а Черное море «Русским, потому что по нему, кроме русов, никто не смеет плавать».

И это все о данниках хазар?

После этого все остальные теории и объяснения Л.Н. Гумилева по данному вопросу и разбирать не к чему. Это только время зря переводить.

Так что давайте оставим бредни о хазарском подчинении Руси и Игоря и перейдем к следующим не менее фантастическим теориям.

Итак.

До своего похода на Византию Игорь решил проверить на прочность хазарские рубежи. Сам он в этот рейд не пошел, а кого-то из своих приближенных воевод или родственников отправил. И вот тут появляется еще одна легенда.

Возвращаясь к тем сведениям, которые сообщает «Кембриджский аноним», ибо подобной информации больше нет ни в одном источнике, мы узнаем, что предводителя отряда, напавшего на Самкерц, зовут H-l-g-w. Так изображено это имя в данном письме. Вот этого самого H-l-g-w и пытаются некоторые теоретики напрямую связать с личностью Олега Вещего. Никакого иного толкования этим деятелям от истории и в голову не приходит. Поэтому они даже пытаются сделать легендарного князя долгожителем и продлить жизнь Вещего Олега до середины 40-х годов X века. И все это лишь на этом хлипком и притяннутом за уши основании.

Имя H-l-g-w восстанавливают как Хлгу, Хелгъ, Хелго. То, что оно в этом варианте отличается от более-менее привычного имени Хельг и совсем на него не похоже, уже не имеет значения. Однако исследовательница из Нижнего Новгорода Нина Серова конкретно указывает, что «...в

русских летописях Олег ни разу не назван Хельгом, зато многократно фигурирует как «Ольг» или «Вольг».

А потому мы видим, что H-l-g-w от имени Ольг находится на расстоянии марафонской дистанции. Но некоторых и это не останавливает.

Главное, что предводитель именуется в документе «правителем Руси», а это делает очень заманчивым его отождествление с Олегом Вещим. Только вот беда: сей поход случился в начале 40-х годов X века, когда победителя Византии и в живых-то уже давно не было! Не дотянул до этих славных дней, змея укусила. И как же тогда быть теоретикам? А очень просто, надо всего лишь объявить на весь мир, что князь жил долго и счастливо, а на склоне лет решил потряхнуть стариной и неизвестно зачем поперся на Каспий. А вот начало правления Вещего необходимо сделать более поздним, чем это указано в письменных источниках, и тогда все будет ладненько.

Мы, конечно, тоже не являемся сторонниками того, что Олег погиб в 913 году, и считаем, что более точной датой служит та, которую сообщает Новгородская I летопись младшего извода, – 922 год. Но столь щедро продлевать княжескую жизнь, как это делают теоретики, на наш взгляд, просто глупо. Ведь делается все это на основе одного, да еще и толком не переведенного, письма. Нашли сокровенный клочок бумаги, исписанный еврейскими буквицами, и давай на этом основании переписывать историю. Даешь Открытие!

А такой простой вариант, что в сочинениях восточных авторов, описывающих походы русов в Закавказье, возможно, упоминается совсем иная группа воинов, вообще не связанная с Киевом, ну никак не проходит. Он даже и не рассматривается теоретиками.

Например, кривичи. Что мешало князю Полоцкой земли кликнуть охочих людей и пойти на юг добывать себе чести и славы? А заодно и материальное состояние поправить. Ведь могли они пойти проторенным и проверенным путем, тем самым путем, где точно есть чем поживиться. Да и наместники, сидящие в Смоленске, Любече и Вышгороде, могли проявить инициативу, правда, только с разрешения Игоря. Ведь каждый из власть имущих жаждал воинской славы, добычи, да и мечом поиграть был не против.

«Хазарский каганат – а точнее, колония рахдонитов – в IX в. обладал огромными богатствами, получаемыми от торговли китайскими шелками, закамскими мехами и славянскими рабами». Так определяет сущность Хазарского каганата Л.Н. Гумилев. Это соблазнительная цель для любого вождя русов, обладающего пусть и небольшой, но крепкой, сплоченной и отважной дружиной.

Итак, 943 год. Войны с Византией отгремели, и Игорь, хорошо заработав на последнем походе, пользуется мирной передышкой и спокойно царствует в своих землях. Но в этом достопамятном походе против Империи с ним были не все воеводы. Свенельд, судя по всему, оставался дома, на хозяйстве, и присматривал за страной, как бы чего не вышло. Теперь же, когда Игорь вернулся с триумфом, пришел черед воеводы поправить свое материальное положение.

Может быть, он тоже к этому времени увел свою дружину в поход, а потому и отсутствовал во время заключения мира между Киевом и Константинополем.

Но куда повел своих людей Свенельд? На Византию идти не было ни сил, ни смысла, поскольку там сначала околачивался Игорь, а потом русы и вовсе заключили мир с Империей. Оставался один путь – на Каспий. Но без согласия киевского князя воевода, даже самый любимый, не посмел бы своевольничать и идти в поход к черту на рога. Однако Игорь дает «добро», и цель Свенельдом выбрана – это богатый город Бердаа. Можно действовать.

Так что же привлекло русского воеводу в этом далеком азербайджанском городе?

Лев Николаевич Гумилев считает, что русских туда направили хазары, которым наши предки должны были отдавать свой налог кровью. По мнению маститого теоретика, русы, даже не пикнув, ринулись рысью на Восток, чтобы побыстрее выполнить полученный приказ. Хорошо хоть оружие с собой взять успели. А то могли бы от усердия и с голыми руками ломануться.

Другой Лев, только Рудольфович, он же в миру «ведущий историк языческой Руси», на полном серьезе считает, что Игорь отправил туда верного Свенельда в поисках рецепта «греческого огня», тайного оружия, которое против своих врагов использовала Византия.

О том, что эта идея, родившаяся в голове писателя, просто бредовая, мы уже говорили и детально ее разобрали в предыдущей книге «10 мифов Древней Руси». Поэтому возвращаться, занимать место и тратить на нее время мы не будем. Но в силу того, что благодаря популярному и при этом нестандартно мыслящему «ведущему историку» сей опус приобрел вдруг большую известность, в том числе как показатель или даже эталон благородного отношения русов к

покоренным народам, то и мы решили остановиться на нем поподробнее.

Тем более что нас в Бердаа хазары отправили.

Мы не собираемся умялять ни воинского достоинства русов, ни их храбрости и благородства, мы просто хотим показать на наглядном примере, что собой представлял набег русской дружины с целью наживы. А заодно сравнить письменные источники с тем, что пытается преподнести читателям человек, имеющий историческое образование и, как он сам говорит, «историческую голову».

Хотя этому рассказу можно даже было бы дать и собственное название: «История одного города».

Итак, как и договорились, ту цель похода, о которой вещает неугомонный Прозоров, мы обойдем стороной. Его Патер Браун все время с толку сбивает. А мы спорить с ними не будем. Тем более что все было намного проще и банальнее.

«Что понадобилось русам в такой дали от обычных их военных и торговых путей? – вопрошает сам себя писатель. И тут же сам себе отвечает: – Нефть! Ибо нигде ближе раздобыть ее было нельзя». Это серьезный довод. Только вот пока въедливый Лев учил историю, он совершенно запустил географию, и с ней у него просто беда. Прежде чем делать такие заявления, неплохо бы было вновь взять в руки учебник и карту.

В противовес «ведущему историку языческой Руси» приведем мнение известного азербайджанского поэта Низаметдина Низами о Бердаа, а также добавим немного географии, которая в рассказе Прозорова отсутствует напрочь. Уроженец этих мест, Низами посвятил им восторженные строки в поэме «Искандер-наме». В них он сравнивает Бердаа с раем, ни больше ни меньше.

По словам Истахри, нет между Ираком и Хорасаном после Рея и Исфагана города большего, чем Бердаа, города более красивого и мест более плодородных.

А по словам Макдиси, Бердаа – это Багдад Кавказа.

Армянский писатель конца X века Моисей Каганкатваци в своей истории Агван так описывает земли, известные прежде под именем Албании: «Благорастворена и прекрасна страна Агван по всевозможным выгодам... Великая река Кур стремительным течением приносит с собой множество огромных и малых рыб. Она, разгуливая, протекает и впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, шелком и хлопчатой бумагой; несметное число оливковых деревьев; в горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Есть и хищные звери: львы, тигры, барсы, дикие ослы и множество птиц: орлы, соколы и подобные им. Главный город Агвании – великий Партав (Бердаа)».

Перечисляя прекрасные и разнообразные плоды садов Бердаа, отмечая особые сорта рыб, которые водятся в Куре, Истахри (писал около 951 г.) говорит о том, что в городе и его окрестностях в большом количестве растет никому не принадлежащее дерево «тут», на котором выращиваются шелковичные черви и коконы.

Из этого города привозят шелк, прекрасные сорта материй, марена (растение, из которого добывается красная краска), каштаны и кардамон. Немалое место в производственной жизни области занимали добыча и выделка металлических изделий из золота, серебра и меди.

И это все описание одного и того же прекрасного города, даже не города, а мечты и сказки...

Не подлежит сомнению, что русы были прекрасно осведомлены о богатстве как народов Кавказа, так и жителей Каспийского побережья. Читая труды Ибн-Хордадбеха и Ибн-ал-Факиха, мы имеем возможность убедиться в том, что купцы с берегов Днепра уже со второй половины IX века плавали водным путем к берегам Каспийского моря. Вместе с хазарскими торговцами они разносили сведения о богатствах и плодородии этого края.

Сказанного вполне достаточно, чтобы показать, почему русов так потянуло именно сюда. Давненько они не появлялись в этом регионе, и местные жители разве что из страшных преданий знали о том, как приходили с севера лютые воины и какую резню учинили на берегах Хазарского моря. Успокоились народы Востока, обросли жирком и добром, а потому и решил воевода Свенельд крепко их тряхнуть. Именно поэтому и шел он со своей дружиной на Бердаа. Сказочные богатства Востока манили их. Притягивали как магнит.

Это и есть ответ на все вопросы.

Возможно, кому-то хотелось бы узнать более подробно о том, каким маршрутом русы шли на Бердаа? Вполне вероятно, что могли, как и в 913 году, пройти через земли Хазарии по Волге и

Дону, а затем выйти в Каспийское море. И не пикнул бы здесь ни каган, ни его гвардия, поскольку вели дружину официальные представители Киевской державы, князь которой только что заключил почетный договор с Византийской империей, а теперь внимательно поглядывал по сторонам – куда бы еще направить свои победоносные полки? Попадаться ему на глаза хазарам очень не хотелось, а потому и промолчал бы Божественный в тряпочку, и судьбой единоверцев в Закавказье ал-ларисия бы не озаботилась. Не до жиру, быть бы живу!

Пройти на ладьях вдоль Каспийского побережья для русов проблем не представляло, а учитывая тот факт, что судоходность реки Куры в нижнем течении была приличной, будет логичным предположить, что именно этим маршрутом и повел Свенельд свое воинство. А там – даешь Бердаа!

Но есть и еще один предполагаемый маршрут движения – от Боспора Киммерийского вдоль Кавказского хребта. Недаром византийцы называли Киммерийский Боспор владением Игоря, а располагая там своей базой, русы именно отсюда и могли выступить на Бердаа. Косвенно это подкрепляется и сообщением Абуаль-Фараджа, который оставил краткое описание этого похода: «В тот год, когда он, т. е. халиф Мустафи, в 333 (944 г.) начал царствовать, вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербейджана, взяли город Бердаа и, убив в нем 20 000 человек, ушли назад». Тут уже получается интереснее – ведь если допустить, что русы шли именно этим маршрутом, то получается, что, продвигаясь к обреченному городу, Свенельд вербовал по пути наемников из воинственных местных племен. Широко размахнулся воевода, основательно готовился к встрече с врагом!

Но опять же оговоримся – это всего лишь версии, и не более того.

Вполне возможно, что Свенельд отправился туда не один, а с кем-то из архонтов Игоря, возможен даже вариант, что в этот поход он отправил одного из своих родственников. Ведь, как выясняется из летописей, таковых было не так уж и мало. В «Повести временных лет», когда идет перечисление тех, кто ходил в посольство и подписал договор с Византийской империей в 945 году, два таких племянника и упоминаются. «Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; **Слуды от Игоря, племянник Игорев;** Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; **Прастен Акун, племянник Игорев** «.

Раз у киевского князя были племянники, то соответственно у него были братья или сестры. Здесь возможны вариации. Но, скорее всего, у него действительно был брат, и этому есть довольно серьезное доказательство.

Как известно, византийский император Константин Багрянородный, когда рассказывал на страницах своего труда о Руси, написал такие слова: «Да будет известно, что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы (ладьи) являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора...» Мы не будем рыть землю и искать, где находится этот самый «Немоград», нас интересует совершенно другой момент – кто же правит в этом городе. Казалось бы, все ясно – Святослав, сын Игоря, но, во-первых, ему в это время нет и четырех лет и вряд ли его отец посадил на самостоятельное княжение, а во-вторых, есть и другая информация.

В переводе Г. Ласкина, который был издан в 1899 году («О фемах» и «О народах»), этот абзац звучит совершенно по-другому: «Однодеревки Внешней Руси, приходящие в Константинополь, идут из Немограда, в котором сидел Святослав, **брат Игоря, князя Руси** «.

На этот факт обратил внимание В.В. Мавродин, и, цитируя Багрянородного автора, историк счел необходимым отметить, что русские однодеревки «идут из Невогарды, в которой сидел Святослав, сын (**в подлиннике брат**) Игоря».

Во как!

Кстати, как тут не вспомнить Рюрика, с его стремлением перед смертью уладить семейные дела. Видимо, его сил хватило не на одного наследника, а может, и не на одну жену. Тем более нет ничего удивительного, что от такого непосильного труда он надорвался.

Это, кстати, как нельзя лучше подтверждает нашу теорию о том, что Игорь был местным, киевским. Тогда все удивление проходит само собой. Тогда и братья и племянники у него вполне могли быть, и в любом количестве. А вот к Рюрику их было никак не привязать, не прибить и не приклеить. Это понимал любой. Тут вопросов не оберешься.

И если рассуждать дальше, то сам собой напрашивается вывод о том, что когда готовился

новый перевод труда императора Константина, то «брат» сознательно заменили на «сын». Недаром профессор В. В. Мавродин был вынужден процитировать новый перевод, но сразу же сделал оговорку, что в подлиннике все звучит иначе. В этом случае можно даже говорить и о том, что сына Игорь назвал в честь брата. Но напомним, это лишь предположения, пусть и подтверждающие нашу теорию.

Тот же царственный историк косвенно подтверждает наличие родственников и у Ольги. В своей книге «О церемониях» он сообщает, что родственники княгини (племянник ее) и торговые люди получили 30 милиарисиев.

Здесь можно пуститься в пространные рассуждения на тему, кто же такой этот племянник, но дело это совершенно неблагоприятное, а потому легче всего предположить, что у Вещего князя была еще одна дочь. Которую он так же, как и Ольгу, выдал за представителя местной, киевской элиты, хоть за того же Святослава-старшего. Но и это только предположение, и не более того.

Для нас важнее другое – в этом походе на Восток было кому представлять Киевский княжеский дом, и если Свенельд осуществлял военное руководство экспедицией, то родственник правителя Руси занимался делами политическими. Как в Гражданскую войну – военспец и комиссар. Хотя на роль последнего больше подошел бы волхв.

По словам арабского географа Ибн ал-Факиха (писавшего в начале X в.), город Бердаа выстроен по приказу персидского царя из династии Сасанидов Кобада (488-531), следовательно, на грани между V и VI веками.

Кстати, воинственные хазары тоже неплохо знали дорогу к этому городу и, прорываясь через «Железные ворота» Дербента, подвергали земли Бердаа самым жестоким опустошениям.

М. Каганкатваци описывает их так: «Глаз их (хазар) не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин или женщин; не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей; тогда только волны двинулись на нас».

Бердаа не раз в своей истории испытывает набеги и опустошения, а поход русов в 943-944 годах будет наиболее ярким и показательным из них.

А вот у Льва Рудольфовича Прозорова иной взгляд на этот момент. Говоря о жителях Бердаа и его окрестностей, он делает потрясающее заявление: «И более того, многие современные жители тех краев, думается, предпочли бы иметь дело с теми древними язычниками, чем с бандформированиями своих земляков и единоверцев» (*Л.Р. Прозоров*).

Бандформирования – штука не приятная ни для кого. Ни для земляков, ни для единоверцев, потому как нет у бандитов, по большому счету, ни тех, ни других. Однако сей постулат писателя является достаточно спорным, поскольку, когда мы узнаем о том, чем же закончилась деятельность наших предков в регионе, мы поймем всю нелепость подобного утверждения.

Честно говоря, здесь бы намного лучше подошла другая популярная русская пословица: «Хрен редьки не слаше». Поскольку она очень точно отражает смысл произошедших событий.

Но это мы забегаем наперед.

Основным источником, который повествует о походе русов на Бердаа, будет повествование Ибн Мискавейха, записавшего свой рассказ со слов современников. Кроме него, мы имеем еще ряд известий восточных источников, преимущественно арабского происхождения, но рассказ Ибн Мискавейха наиболее подробный. Оговоримся сразу, что цитаты и вставки из сочинений восточных авторов мы немного разбавим рассказом об этом же событии в изложении Льва Рудольфовича Прозорова. Так сказать, для широты картины, чтобы можно было оценить все богатство восприятия, а заодно и разницу в сделанных выводах, которые получаются на основе одних и тех же документов. У нас произойдет что-то вроде диалога под эгидой «Источники говорят». В данный момент мы польстим ученому Льву и причислим его труды к письменным источникам, а то когда еще ему удастся поговорить на равных с мудрыми арабами!

Кроме того, мы постараемся изложить ход событий наиболее достоверно и, переставив местами некоторые эпизоды в повествовании Ибн Мискавейха, сделать его рассказ более правдоподобным. Ибо иногда, увлекаясь общей картинкой, он теряет в ней логическую цепь.

Получится или нет, судить вам. Сначала слово будет предоставлено арабскому историку.

Итак. Устройтесь поудобнее. Возьмите в руку кружку ароматного крепкого чая. Глубоко

вдохните его терпкий аромат, возможно приправленный тонкой ноткой чернослива или каких-то иных, диковинных трав. Сделайте глоток. Закройте на минуту глаза, затаите дыхание и прислушайтесь. Предания веков накопили свои воспоминания и теперь спешат ими поделиться. Сначала вы услышите, как разворачивается с глухим треском древний, пожелтевший от времени свиток. И увидите, что коричневые, выцветшие под давлением столетий, казалось бы, безжизненные буквы оживают, что в них трепещет и бьется душа, и перед вашим мысленным взором разворачивается целая картина. Начинают мерцать магические образы, и все это озаряется светом чарующих восточных сказаний. Оживают бесчисленные свидетельства битв, нападений, трагедий и разгромов. Появляется картина, в которой есть загадочные далекие страны, путешествия и походы, поражения и победы. Картина чести и отваги, боли и ненависти, предательства и жестокости. Вдохните эту смесь полной грудью, дайте волю фантазии и попытайтесь сами представить то, что произошло давным-давно на берегах Куры.

«В этом году отправилось войско народа, известного под именем Русов, к Азербейджану. Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его.

Они (Русы) проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры, несущей воды свои из гор Азербейджана и Армении и втекающей в море. Река эта есть река города Бердаа, и ее сравнивают с Тигром».

Наши предки не просто приехали к городу, а приехали, обладая точной, проверенной информацией, что в это время основных воинских сил, а с ними и самого правителя в Бердаа не будет. Это был наиболее удобный момент для захвата города и подчинения его себе.

Это не просто удачное стечение обстоятельств, не случайность, не надежда на авось, а твердая уверенность и трезвый расчет, к которым добавилось и хорошее планирование операции.

Когда отряд русов достиг города, мусульмане просто не восприняли их всерьез. Имя Свенельда им ни о чем не говорило. Мало ли кто там пришел! Видя, что пришельцев не так уж и много, командир гарнизона, нимало не напугавшись, решил самолично отвадить непрошенных гостей от города. Возможно, что он хотел прикрыться грозным именем повелителя Бердаа Марзубана и, припугнув им чужеземцев, отправить их восвояси.

Возможно, на кого-то такие вещи и действовали.

Поэтому командир гарнизона, не особо раздумывая, смело вышел навстречу русам, а заодно и собственной смерти.

«Было с ним триста человек из дейлемитов и приблизительно такое же число бродяг и курдов». А еще дополнительный резерв из «5000 человек на борьбу за веру. Были они (добровольцы) беспечны, не знали силы их (Русов) и считали их на одном уровне с армянами и ромейцами». Скорее всего, это было ополчение, состоящее из местных горожан, вооруженных чем попало, возможно, просто палками и камнями. Число их сильно завышено, к тому же многие из них могли быть просто любопытствующей толпой.

Занятно замечание автора о том, что они посчитали русских воинов на уровне «с армянами и ромейцами», то есть обозначив тех, кого они не боялись и считали воинами намного слабее себя. Теми, кого можно и палкой отогнать. Однако свою ошибку и профессиональные бойцы, и просто любопытные поняли очень скоро. Русы шутить не собирались, а слова восточного вельможи они просто пропустили мимо ушей. Мало ли что он болтает.

Они недаром проделали такой нелегкий путь. Теперь, когда воины Свенельда были так близко к желанной цели, разговорами и пустыми угрозами их было уже не остановить. Для них все это были игрушки, не принимаемые всерьез.

Драться так драться, они же не целовать мусульман пришли. И русы, несмотря на численное превосходство противника, атаковали его сами. В своей атаке они были прекрасны. Это была мощь, помноженная на силу. Поэтому быстрое нападение оказалось весьма удачным.

Дрогнуло под их всесокрушающим натиском восточное войско, не встречавшееся доселе с русами на поле боя. Дрогнуло и побежало без оглядки, спасая свои жизни.

Бежали все, кто мог бегать, только грязные пятки мелькали. У кого из беглецов было вьючное животное, тот с радостью им воспользовался, а остальные неслись сломя голову, соревнуясь с парнокопытными в выносливости и скорости. Бежали как военные, так и гражданские, и не было в этот момент меж ними различия. Были бы у этих бравых вояк погоны, так срывали бы их на ходу!

Бежали все, кроме гвардейцев – дейлемитов, ибо только они одни остались теперь на поле противостоять вражеской угрозе. Но не долго. Скоро и они все до единого пали под острыми

мечами русов, которые добивали дейлемитов с победным азартом. Враг есть враг, и война есть война. Оставлять их в живых нападавшим не имело смысла. По тем же самым законам войны.

Одержав окончательную победу, русы вошли в дрожащий от страха город и легко овладели им, поскольку бегущие со всех ног паникеры даже не удосужились затворить за собой городские ворота. Зато они старались теперь запереть на все имеющиеся засовы двери своих домов, надеясь найти в них спасение и убежище.

Войдя в город, русы, в отличие от предыдущих набегов, не принялись грабить, убивать и насильничать, а успокоили жителей, сделав довольно оригинальное заявление: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам».

Ситуация складывается забавная – шли русы потрясти Бердаа и пощипать местное население, а на месте увидели, что можно не только разжиться барахлишком, но и весь город прикарманить. Для захватчиков все сложилось изначально настолько удачно, что их мысли приняли иное направление и потекли в другую сторону. Не банальный грабеж, а власть в регионе – вот что теперь занимало умы Свенельда и иже с ним.

Однако здесь необходимо сделать небольшую вставку и еще раз кое о чем напомнить. Пользуясь довольно подробным рассказом Ибн Мискавейха, мы изменим в нем ту последовательность происходящих событий, в которой строит свой рассказ арабский историк. Постараемся расположить их в более логичном порядке, и тогда действия главных героев будут объяснимы с точки зрения здравого смысла. Ведь вполне возможно, что ученый географ, будучи увлечен драматизмом этой истории, построил события так, как показалось удобным рассказать ему. Мы попробуем сделать то же самое, но только в обратном порядке, и восстановить более точную картину произошедшего.

Теперь продолжим.

Понятно, что отдавать просто так свои территории никто не собирался. Узнав о том, что случилось, правитель Бердаа Марзубан хоть и с опозданием, но спешит обратно, и не один, а по дороге домой собирает целую армию.

«Марзубан начал жизнь в горном полудиком племени, стал наемником, командиром наемников и, наконец, правителем Бердаа», – сообщает нам об этом человеке Прозоров. Что ж, здесь с «ведущим историком» не поспоришь!

Но одно сказать можно смело: Марзубан был воинственен, агрессивен, стремился к безграничной власти и в достижении ее не останавливался ни перед чем. А тут такая неприятность.

Он просто не мог долго оставаться в стороне от тех дел, которые закручивались в регионе, и позволить русам хозяйничать в Бердаа. Это был удар по его личному престижу.

«Собрал Марзубан ибн Мухаммед войско свое, воззвал к населению с призывом, и пришли к нему со всех окрестных земель добровольцы. Пошел он (Марзубан) во главе 30 000 человек, но не мог сопротивляться русам, несмотря на большое число собранных им сил, не мог произвести на них даже сильного впечатления. Утром и вечером он начинал сражение и возвращался разбитым. Продолжалась война таким способом много дней, и всегда мусульмане были побеждены».

Или другими словами того же рассказчика: «Подступили со всех окрестных земель к ним (Русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И бывало не раз так: вслед за ними (Русами) выходили и жители Бердаа, и, когда мусульмане нападали на Русов, они кричали «Аллах велик» и бросали в них камни. Тогда Русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались бы в отношения между властью и ими (Русами). И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их, и препятствовали Русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти» (*Ибн Мискавейх*).

Чернь помогала своему правителю как могла, да все без толку.

Вот здесь к нам вновь подключается Лев Рудольфович с заявлением о том, что русы «к выходкам черни относились с редкостным стоицизмом и долготерпением, ограничиваясь тем, что разгоняли оборванных фанатиков». «Любопытно, – задается вопросом историк, – в ответ на какое нападение современный командир приказал бы расстрелять толпу и взял заложников среди гражданского населения? Правильно, читатель, на первое!»

Русы не хотят нагнетать ситуацию в городе, пока они еще надеются остаться там надолго и

закрепиться, а поэтому проявляют редкостную терпимость и выдержку.

Сколько времени это продолжалось, нам неизвестно. Однако терпение Свенельда и его гридней скоро иссякло. Да и кто сможет этот беспредел долго выдерживать? Получить булыжником по голове неприятно, и мы думаем, что мало кому хочется. А выдержка русов уже была на грани. Но пока еще виды захватчиков в отношении Бердаа оставались прежними и руки они не распускали. Они все еще надеялись удержать город за собой.

К репрессиям перешли русы лишь тогда, когда обнаглевшие горожане начали нападать на некоторых из них, отслеживать и убивать поодиночке. То есть посягнули на жизни завоевателей. Но даже перед тем, как обрушить карающий меч на головы смутьянов, русы сперва предложили горожанам покинуть Бердаа и отправиться под руку столь горячо любимого ими правителя. Но мусульмане были настойчивы и неутомимы и с упорством, достойным лучшего применения, продолжали резать незваных гостей, поскольку привыкшая к безнаказанности чернь даже не обратила внимания на это их предложение. Да и остальные жители города не восприняли его всерьез. А зря, ведь это помогло бы избежать многих неприятностей.

Когда русы поняли, что в этом городе им закрепиться не удастся, тогда они полностью изменили свою тактику. Жалеть, сочувствовать и проявлять терпимость к своим новоявленным подданным уже не имело смысла, и вот тут, избалованные терпением воинов Свенельда, мусульмане увидели перед собой совсем иное лицо заморских пришельцев.

Перемену в целях и настроениях завоевателей заметить несложно.

Однако мы забежали немного вперед. Давайте обо всем по порядку.

Чем же занимался все это время храбрый Марзубан? А пока только тем, что бессмысленно и бестолково растрчивал свои силы. В открытом и честном бою русов было ему не взять, а постоянные поражения подрывали авторитет правителя как вождя и веру его бойцов в свои силы. Но на войне всегда есть место случайности, которая запросто может изменить весь ход событий.

И вот когда уже мусульмане утомились от бесполезных боев и бесчисленных потерь, когда они уже начали опускать руки, в стане русов произошло то, что на первый взгляд выглядело банальностью, но последствия этого события оказались воистину судьбоносными.

Все было просто до безобразия. В Бердаа царило изобилие, в том числе и различных диковинных плодов, которых русы раньше и не видавали, тем более в таком количестве. Для Востока это дело обычное, а вот гридням Свенельда подобное разнообразие было впервой. О том, что сии фрукты собой представляют, суровые воины и понятия не имели, а попробовать такую красоту на вкус соблазн был велик. Какие дозрели, а какие нет, какие из них съедобны, а какие опасны, русы могли и не знать. А потому, дорвавшись до экзотики, они наелись не того, чего было нужно, многие заболели и ослабли, а некоторые даже умерли. Эпидемия распространилась стремительно, болезнь косила завоевателей направо и налево. Возможно, что это была дизентерия.

Бойцы, переносившие на ногах самую крутую боль и с легкостью преодолевавшие тяжелые невзгоды, не смогли справиться со своим расстроенным желудком. Некоторые дружинники уже едва двигались. Другие, пожадничавшие и обожравшиеся диковинными фруктами, валялись на земле и были совершенно небоеспособны. Какая война, только успевай в кусты бегать да портки скидывать. А для воина нет ничего позорней такой доли. Уж лучше почетная смерть в бою, от вражьего клинка.

Но есть и иная версия. Женщины города, прибегнув к коварству, стали травить русов различными ядами. За что и были, как только такое дело раскрылось, наказаны лютой смертью.

Хотя одно другому совершенно не мешает. Восток – дело тонкое.

Марзубан быстро получил известия об этих событиях от горожан. Был он воин опытный и хитрец прожженный, поднаторевший в разных восточных коварствах. А поэтому он изменил тактику, или, как говорит ученый араб, «обратился он к уловкам и военной хитрости». Марзубан размышлял недолго, поскольку самая простая из всех военных хитростей довольно быстро пришла ему на ум.

Засада! И как это он раньше не догадался? Да, наверное, потому, что просто безгранично верил в себя и надеялся на силу и наглость. Теперь времена изменились. Теперь в ход пошли хитрости и тонкости. А что может быть лучше хорошей засады, да еще темной ночью? На взгляд Марзубана – ничего.

Теперь осталось дело за малым, поскольку требовалось заманить русов в подготовленную западню.

Начало операции было традиционным:

«Он сговорился с войском своим, что они первые сделают нападение». Все новое – это хорошо забытое старое, поэтому русы и не удивятся такому началу. «Когда же русы пойдут в контратаку, то он (Марзубан) обратится в бегство, а вместе с ним побегут и они (мусульмане) и этим возбуждают надежду у русов на победу над регулярными войсками и мусульманами». В этом тоже не было ничего нового и революционного, подобная тактика стара как мир. И не факт, что русы на нее клюнут. Но надежда умирает последней, и Марзубан решил рискнуть.

Дальнейшее описание боя в исполнении Ибн Мискавейха вызывает лишь улыбку!

«После того как они приступили к выполнению этой хитрости, Марзубан и его войска выступили вперед. Вышли и русы, начальник их сидел на осле; вышли и воины его и построились для битвы. **Вначале все шло как обычно. Побежал Марзубан, побежали и мусульмане, и русы стали преследовать их**». Все шло как обычно!

Вот такой был последнее время привычный для обоих противников порядок боя!

Правда, в этот раз бегство было запланировано заранее, и график его прохождения утвержден лично вождем. Но не все оказалось так просто, как оно выглядело на бумаге. Преследуя врага, русы уже миновали место устроенной им мусульманами западни, а «воины Марзубана все продолжали бежать». Темп бегства постепенно возрастал, и остановки, даже временной, чтобы воины ислама могли дух перевести, не предвиделось. Марзубан кричал и «всячески убеждал их вернуться к битве. Но не сделали они этого, ибо страх овладел их сердцами».

Было понятно, что если воинство не остановится, то вся затея правителя погибнет, а вместе с ней и те, кто сидел в засаде, ибо надежды на то, что они одни справятся с русами, не было никакой.

Ситуация становилась критической. У Марзубана оставалось последнее средство – броситься в гущу беглецов и остановить свое воинство, а затем личным примером увлечь за собой в атаку. Так он и поступил.

«Тогда устыдилась большая часть дейлемитов, и они возвратились, мы снова напали на русов и закричали (условленный знак) засаде. Вышли тогда те, кто был сзади русов, мы устояли в битве с ними и убили из них 700 человек. Среди убитых был и начальник их». Количество убитых русов оставим на совести автора. Он хоть араб и ученый, но либо сильно доверчивый, либо у него проблемы с точными науками. По крайней мере со счетом, ибо сразу видно, что предпочтение свое он отдал наукам гуманитарным.

Если кто из начальников и погиб, так это точно не Свенельд. А вот если это был родственник Игоря, то тогда вполне объяснимым становится злорадство Ибн Мискавейха. Однако имя погибшего не указано, а потому определить, кто же это был такой, уже нет никакой возможности. «Оставшиеся (в живых) ушли в крепость, где они поселились и куда свезли в большом количестве пищу и много запасов и где поместили они своих пленников и свое имущество».

Потери русов от болезней и сражений становились все более ощутимыми, а теперь к этому добавилась еще и потеря вождя. Скорее всего, именно после этого столкновения между дружиной и войсками Марзубана изменилась и сама цель похода. Теперь, после таких потерь, не могло быть и речи о том, чтобы удержать город за собой. Нужно было готовиться к отходу. А для этого необходимо было набить ладьи добычей, иначе терялся смысл всего похода. Зачем, спрашивается, ходили?

С этого момента гридни с воеводой затворились в городе и, укрывшись за толстыми стенами от неприятеля, уже не покидали его.

«В то время как Марзубан находился с русами в состоянии войны и не мог взять их военной хитростью, а только осадой, пришло к нему известие о выступлении Абу-Абдуллаха Хусейн ибн-Саида ибн-Хамдана в Азербейджан, о прибытии его в Сальмас и о соединении его с Джафаром ибн-Шакуией Курдом, который был во главе хадаянитских отрядов».

Ситуация для правителя Бердаа, мягко говоря, осложнилась.

Ведь кроме засады, ничего более хитрого стратег Марзубан в борьбе с русами придумать не сподобился. А о том, чтобы брать город штурмом, он и мечтать не мог, поскольку высоту и толщину его крепостных стен знал лучше других. Русов он и в чистом поле одолеть не смог, а уж если дойдет до боя на стенах...

А тут еще новая напасть. Почуввав его слабость, объединились против Марзубана и другие отчаянные головорезы, жаждающие добычи и власти. Всем захотелось оторвать по куску от его пирога.

«Марзубан вынужден был оставить против русов одного из своих военачальников во главе 500 дейлемитов, 1500 курдских всадников и 2000 добровольцев, а сам отправился в Авран, где и встретил Абу-Абдуллаха».

Может быть, для него это был наилучший выход. Правитель отправился воевать с тем, кто был ему по силам, оставив своих военачальников самих разбираться с ситуацией под Бердаа. Хотя о том, чтобы овладеть городом штурмом, даже речи не было, так, в блокаде подержать.

А в городе по-прежнему было неспокойно. Несмотря на неоднократные предупреждения новой власти, чернь все не унималась, играя на нервах захватчиков, и тогда «возвестил глашатай русов: «Не должен оставаться в городе ни один из жителей его». Дали мусульманам отсрочку на три дня от дня этого объявления. И вышли все, у кого только было вьючное животное, которое могло увезти его, жену и детей его. Таких ушедших было немного. Пришел четвертый день, и большая часть жителей осталась».

Видимо, они не поверили в серьезность угроз и за это жестоко поплатились. Русы предоставили им шанс спасти свои жизни, благородный жест был отвергнут, и тогда пришельцы вновь показали им свое истинное лицо. Лицо воина-победителя, который находится в чужой и далекой ему стране. «Тогда русы пустили в ход мечи свои и убили много людей, не сосчитать числа их». Грядни Свенельда закипали от ненависти. Ненависть уже давно требовала выхода, жгла грудь и, наконец, прорвалась наружу. Устав держать нервы в кулаке и изъясняться словами, дружина преподала местному населению наглядный и кровавый урок. На улицах города появились «охотники за головами». Огромные, как башни, силачи, с угрожающе перекачивающимися буграми мышц, не ведавшие ни сочувствия, ни жалости, устроили жестокое избиение черни, карая смертью всякую попытку сопротивления. Зрелище было страшное. Беспощадная, яростная экзекуция отзывалась лишь пронзительными и бессильными криками в затхлой нищете скученных восточных закоулков.

Теперь, когда на улицах Бердаа ручьями лилась кровь их единоверцев, а не знающий усталости меч руса карал направо и налево, не разбирая вины и пола, мусульмане уже не спешили попасться русам на глаза. Наоборот, каждый из них предпочитал укрыться понадежнее, забиться в уголок и переждать нежданную грозу.

Это было первое карательное действие, направленное на жителей города, однако далеко не последнее, суровое, но действенное. После этого ничего и никому уже объяснять было не нужно.

«Когда убийство было закончено, захватили они в плен больше 10 000 мужчин и юношей вместе с женами, женщинами и дочерьми.

Заключили русы женщин и детей в крепость внутри города, которая была шахристаном этих людей (русов), где они поместились, разбили лагерь свои войска и укрепились. Потом собрали мужчин в мечети соборной, поставили к дверям стражу и сказали им: «Выкупайте себя».

Началась тактика выжженной земли. План русов закрепиться в регионе потерпел крах, теперь им нужно было спешно пополнять свои кошельки, чтобы вернуться домой не с пустыми руками.

Сначала дружина прикинула, во сколько оценить голову потенциально здорового правоверного мужчины. А как только расценки были установлены, то сразу начались торги.

«Был в городе христианский писец, человек большой мудрости, по имени Ибн-Сам'ун; поспешил он с посредничеством между ними. Сошелся он с русами на том, что каждый мужчина из них (жителей Бердаа) выкупит себя за двадцать дирхемов. Согласно этому условию выкупили себя наиболее разумные из мусульман, остальные отказались и сказали: «Единственно, чего желает Ибн-Сам'ун, это уравнивать мусульман с христианами в уплате джизьи».

Исходя из слов Ибн Мискавейха, можно сделать вывод, что большинство мусульман повели себя неразумно. Они во всем видели лишь покусение на свою религию, на свои права и упорно не желали называть вещи своими именами. Их тупое упрямство уже не давало положительного результата, скорее даже наоборот. Своим поведением они только провоцировали русов. И этой цели они добились с лихвой. Видимо, не слышали горожане старинной русской поговорки: «Не буди лихо, пока оно тихо». А потому и не заметили, что лихо уже просыпалось, уже продирало глаза и сладко потягивалось. Совсем скоро оно встанет во весь рост, и вот тогда жителям Бердаа мало не покажется.

А пока жадность противостояла беспечности.

«Уклонился Ибн-Самун (от переговоров), отсрочили русы убийство этих людей (жителей

Бердаа), только по причине жадности к тем немногим ценностям, которые они рассчитывали получить с мусульман». Однако жадность была не только со стороны русов. Их можно понять – они собирались домой, а местные жители до последнего надеялись обойтись малой кровью, и многие из тех, у кого возможность откупиться была, жалели свое добро, надеясь обмануть «доверчивых» пришельцев.

И вот теперь лихо проснулось, а хлебать его пришлось всему городу.

«После того как не выпало на долю русов ничего, подвергли они мечу и убили всех до последнего человека, кроме небольшого числа, кто убежал по узкому каналу, по которому проходила вода к соборной мечети, и кроме тех, кто выкупил себя с помощью богатств, принадлежащих ему. И часто случалось, что кто-нибудь из мусульман заключал сделку с русом относительно той суммы, которою он выкупал себя. Тогда рус шел вместе с ним в его дом или его лавку. Когда хозяин извлекал свое сокровище и его было больше, чем на условленную сумму, то не мог он оставаться владельцем его, хотя бы сокровище было в несколько раз больше того, на чем они сговорились. Он (рус) склонялся к взысканию денег, пока не разорял совершенно. А когда он (рус) убеждался, что у мусульманина не осталось ни золотых, ни серебряных монет, ни драгоценностей, ни ковров, ни одежды, он оставлял его и давал ему кусок глины с печатью, которая была ему гарантией от других» (*Ибн Мискавейх*).

Вот так, и никаких вопросов о нефти. Сокровища и богатство, а больше ничего. Правда, взамен материальных благ жителям выдавали глиняную печать, но она была не столько символом безопасности, сколько символом того, что брать с этого человека уже нечего. И тратить на него впустую время и силы абсолютно незачем.

Тут что-то хлопнуло, полыхнуло, громыхнуло, а затем раздался недовольный оклик, немного напоминающий рык. Извиняемся, мы просто запамятовали, что в диалоге источников всегда присутствует несколько сторон, а Льва Рудольфовича и его мнение мы, увлекшись событиями, обошли. Исправим ошибку. Как говорится, аудитория у ваших ног, Лев Рудольфович, насладитесь.

Тут он и начал: «Для руса-воина тех времен завоевание было не разбойным налетом и возможностью личного обогащения. Оно не только давало права, но и накладывало обязанности по отношению к завоеванным. Русы присваивали лишь – «что с бою взято, то свято» – имущество разбитой и как бы замененной ими воинской знати. Мирное же население облагалось данью, часто – не очень тяжелой».

У «ведущего историка», как всегда, своеобразный взгляд на проблему, и при этом он считает его единственно верным, а потому, преисполнившись уверенности в своей правоте, Прозоров продолжает монолог:

«Русы, по словам Ибн Мискавейха, свое слово сдержали и «вели себя выдержанно». Из описания событий можно заключить, что это еще мягко сказано».

В противовес возмущенному Льву послушаем мнение не менее возмущенного араба:

«Таким образом, скопилось у русов в городе Бердаа большое богатство, стоимость и достоинство которого были велики. Овладели они женщинами и юношами, прелюбодействовали с теми и другими и поработили их».

Насчет юношей Ибн Мискавейх явно погорячился. Поработить, продать в рабство – да, это святое, а вот до подобного разврата на Руси в те времена еще не докатились. Для гридней Свенельда такое поведение было бы несусветной дикостью. Не знали тогда русы ничего о демократических ценностях, а потому к мальчикам не присматривались. Грубы и темны, видимо, были наши предки, тонкой душевной организацией не отличались. Оставим весь пассаж про юношей на совести того, кто его сочинил. Однозначно, что сделал это географ для нагнетания жути, хотя, может быть, те, кто приходил в Бердаа раньше, так и поступали с местным населением. Вот и решил Ибн Мискавейх, что русы не отличаются в своих пороках от завоевателей прошлых лет. И ошибся.

Русским витязям хватало и женских прелестей, а юношей они оставили на продажу, ценителям и эстетам.

Теперь на повестке дня встал другой не менее важный вопрос: а как все это имущество, добытое непосильным трудом, вывезти к себе домой? Задерживаться дольше в городе уже не имело смысла.

«Когда уменьшилось число русов, вышли они однажды ночью из крепости, в которой они пребывали, положили на свои спины все что могли из своего имущества, драгоценностей и

прекрасного платья, остальное сожгли. Угнали женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели, и направились к Куре. Там стояли наготове суда, на которых они приехали из своей страны; на судах матросы и 300 человек русов, с которыми поделились они частью своей добычи и уехали. **Бог спас мусульман от дела их**» (*Ибн Мискавейх*).

Вот так, ни много ни мало, заканчивает свое повествование Ибн Мискавейх. В различных интерпретациях эта же фраза будет упоминаться и другими арабскими историками и географами.

Якут (ум. в 626 г. = 1229 г.), автор географического словаря, в главе о русах посвящает их походу на Бердаа следующие несколько строк: «И они (русы) – те самые, которые в течение года владели Бердаа и опустошили его, пока Аллах не освободил его и не погубил их». Он же дает информацию о том, что русы сумели удерживать город в течение целого года.

Моисей Каганкатвази, живший в конце X века, был родом из Каганкайтука, селения, которое было близко расположено от города Бердаа, мог вполне быть современником и даже свидетелем интересующих нас событий, поэтому его рассказ наиболее ценен для нас. Сообщая о сроке пребывания русов в Бердаа, он определяет его в шесть месяцев. Надо думать, что эта цифра является более точной, чем сообщение Якута о целом годе пребывания Бердаа под властью захватчиков.

Рассказ Моисея не долог, а поэтому мы можем поместить его целиком: «В то же время с севера грянул народ дикий и чуждый – Рузики; не более как в три раза они подобно вихрю распространились по всему Каспийскому морю до столицы Агванской, Партава. Не было возможности сопротивляться им. Они предали город лезвию меча и завладели всем имуществом жителей. Тот же Салар осадил их, но не мог нанести им никакого вреда, ибо они были непобедимы силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять русов; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин и детей их и, пробыв в городе 6 месяцев, совершенно опустошили его. Остальные, подобно трусам, отправились в страну свою с несметной добычей».

Про трусов опустим. Это кричат вслед любому победителю после драки проигравшие, утирающие кровь на разбитом вздыбленном лице в тайной надежде на то, что он уже не вернется. И еще кулаком вслед грозят, пока тот не видит. Моисей просто дал выход своим личным эмоциям. А русы просто поступили как люди, выполнившие свою работу, пусть и кровавую, и по окончании ее с чувством выполненного долга отправились восвояси.

Но тут опять встречается Лев, который Рудольфович. Писатель вновь радуется нас высоким слогом и отвечает разом всем восточным мудрецам и историкам, вместе взятым. И опять как-то невпопад отвечает, будто и не их тексты он читал, не их труды осмысливал. Зато, как всегда, уверенно и бодро: «Мы поверим фактам, сообщаемым Ибн Мискавейхом, летописью, тем же Диаконом. А факты говорят, что расширение границ Руси, стяжание славы и жертвенное Служение ратным Богам были бесконечно важнее русам, чем набивание седельных мешков окровавленным барахлом».

Кому тут верить – нестяжателю Льву или целой плеяде восточных историков и географов – выбирайте сами. Каждый волен верить в то, что сам захочет. А мы же вновь приведем цитату одного очень уважаемого человека, чье имя, в отличие от имени Прозорова, вписано золотыми буквами в мировую историю культуры. «Проклятый народ этот разорил все государство Бердаа и расхитил сей город, исполненный сокровищ» – так охарактеризовал этот рейд персидский поэт XII века Низами. Есть ли после этого какие-либо вопросы? А если и есть, то только к «ведущему историку».

И заметьте, что о том, что наши предки в Бердаа добывали нефть, не упомянул ни один из восточных авторов. Все их деяния расписали в подробностях, даже то, что они не делали, им приписали, а вот про добычу полезных ископаемых – ни слова! Да и на Руси в тот год нефть так и не появилась. А что было в этом сложного? Загрузили три лишних сосуда черного золота, да и привезли Игорю в подарок – на, княже, экспериментировать на здоровье. А так получается, что за полгода оккупации они распоряжение своего повелителя даже и не попытались выполнить. Но у Прозорова логику читателям искать не надо, точно так же, как русам сокровище у людей с глиняными печатями.

Для Бердаа это был конец. Своим набегом, хоть и не очень удачным, русы нанесли ему смертельный удар и положили начало упадку города. От этого погрома «Багдад Кавказа» так никогда и не оправился. Ущерб, нанесенный ему русами в 943-944 годах, оказался очень тяжелым, почти непоправимым.

Арабские географы, рассказывая о Бердаа, так и говорят, что его описание относится к временам, предшествующим набегу русов, а теперь город в состоянии упадка и даже разрушения. В этом отношении очень показателен рассказ Ибн-Хаукаля. Он писал в 70-х годах X века, приблизительно через тридцать лет после похода дружины Свенельда на Бердаа. Ему-то и принадлежат слова: «Был он (Бердаа) в предшествующее (нам) время более славным и прекрасным, чем теперь».

В настоящее время город уже не существует. Остались лишь развалины, лежащие недалеко от впадения Тертера в Куру. Имя Бердаа сохранилось в селении, которое располагается рядом с развалинами когда-то большого и богатого города. О Бердаа сохранились рассказы как в армянской, так и в арабской историко-географической литературе.

Ибн Мискавейх, ища причину подобной катастрофы, говорит о том, что огромное население города частью бежало, частью было захвачено в плен и обращено в рабство, а частью просто перебито. И в итоге жить в городе стало некому. После такого набега те, кто смог убежать, возвращаться просто не хотели, поскольку боялись повторения подобного нашествия.

А Абу аль-Фарадж, говоря о походе русов в Бердаа, даже обозначает их потери и называет цифру в 20 000 убитых. Правда, откуда он изыскал такие удивительные данные, история умалчивает.

На этом мы и закончим рассказ о походе Игоревы войска на Восток и оставим некогда цветущий город в полном упадке, с разрушенными строениями, малочисленным и бедным населением в округе.

Однако есть еще один взгляд, без которого нам никак не обойтись. Это не ученый араб, не русский теоретик язычества, а продвинутый советский историк Л.Н. Гумилев. Его идеи мы оставили на десерт. Ничего нового к рассказу он добавить все одно не мог, зато его резюме выглядит весьма впечатляюще. Ибо именно его, пусть и нелепая, теория вновь отправляет нас к хазарам.

«В 943-944 гг. уцелевших русских воинов хазарские иудеи бросили в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Бердаа на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию.

Итак, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов. Но даже если бы они победили, то победа ничего бы им не дала, потому что закрепиться в Малой Азии или в Закавказье было невозможно, да и не нужно. Обе войны были проведены исключительно в интересах купеческой общины Итиля. Казалось, что славяно-руссы должны разделить горькую участь тюрко-хазар».

От этих строк плакать хочется.

А после хочется спросить: ну почему? Почему такому маститому деятелю от науки все видится только в черном цвете?

В противовес приведем мнение менее известного, но не менее кропотливого исследователя М.И. Артамонова, который недвусмысленно указал: «Конечно, ни о каком подчинении Руси хазарами в X веке не может быть и речи. Здесь мы имеем совершенно явное извращение действительности, вполне понятное в устах хазарского еврея, стремящегося возвеличить Хазарию».

Так что к этому моменту Русь была сильна, никому не подчинена и при этом наводила все больший ужас на соседей, включая и пресловутый каганат. Хазары просто не могли не оценить потенциального могущества этого быстро растущего государства.

Игорь, как и Осколд, как и Олег, стремился к неуклонному росту своих земель. Только вот возникает закономерный вопрос: а за счет кого? С Византией получалось договориться, а покорить ее не было никаких шансов. К тому же походы на нее частенько давали большой и стабильный доход, хотя и не обходилось без накладок.

С печенегов взять нечего, а между Русью и Волжской Болгарией лежат земли вятичей, да и не мешают пока русам «серебряные болгары».

А потому взгляд киевских князей все чаще останавливался на Хазарии. Войскам и топтать

поближе, а проблем у каганата хватало, как внешних, так и внутренних. Что, собственно, и не давало ему возможности вновь прочно встать на ноги и при этом самому поставить на колени соседей. К тому же под властью Хазарии находились те же земли вятичей, присоединить которые к своим владениям было бы для Игоря наиболее правильным шагом. Одно племя, один язык, одна вера – с таким народом проще договориться и легче удержать в подчинении. Пусть и не сразу, но это не так сложно, как иметь дело с мусульманами и пытаться оторвать клочки земли по Каспию, из которых могут в лучшем случае получиться только военные базы.

Опять же, налоги. Ведь налоги платили не только туземцы, завоеванные хазарами.

Было два основных источника доходов в казну Хазарского государства: таможенные сборы и налоги, поскольку иностранные купцы платили десятипроцентную пошлину по стоимости.

А безопасность торговли была главной целью хазарской политики.

Русь же стремилась к контролю над важнейшими торговыми путями. Это только в книжках Прозорова русские бескорыстны, что подразумевает – недалеки. Им бы все драться ради драки, клятвы различные давать и принимать да удаль свою молодецкую показывать, а торговля – это все так, баловство, не для них. Это для слабаков и прочих меркантильных людишек, которые пекутся о своем благополучии и процветании державы. А ведь уровень жизни был важен и тогда, и каждый человек был не прочь его улучшить, так же как и любой правитель повысить благосостояние своего государства. В том числе и за счет торговли. И это были не только хазары. Все и всегда хотят жить хорошо. Хотя Лев Рудольфович к этой категории не относится.

Вряд ли хазарский царь Иосиф был доволен тем, как идут дела в Киеве, как укрепляется его «данник», готовый вот-вот выбраться из-под его дружественной опеки и дать ему самому увесистую затрещину. Но отдать команду легкому на подъем «достопочтенному» Песаху, чтобы он повторил свой же рейд на Киев, каган не спешит. А что же ему в этом случае мешает?

А то, что даже если «отважный» Песах уйдет воевать на Запад, добросовестно подчиняясь команде, то уже никогда обратно на берега Волги не вернется. Так и останется навечно под стенами Киева, и то, если до них дойти сумеет. И все, кроме Гумилева, это прекрасно понимают.

За истекшие пять лет внешнее положение еврейской общины Итиля осложнилось. К этому моменту прекратилась не только торговля с Багдадом вследствие победы Бундов, но и китайская торговля сильно пострадала от этих неурядиц. Главный приток капиталов был нарушен и практически иссяк. А деньги были именно тем инструментом, с которым лучше всего умела управляться руководящая верхушка Хазарии. Другому эти люди обучены не были.

Для самого кагана деньги тоже значили много. На них он мог купить энтузиазм гвардейцев, симпатии соседей-кочевников и даже любовь жены, если потребуется.

Исходя из этих обстоятельств, каган Иосиф даже если бы очень сильно горел желанием, то и тогда не смог бы организовать поход на Русь, а ведь в этом случае отсрочка не шла ему на пользу, и он должен был это понимать.

Хазария трещала по швам – какие там русские данники, очнитесь, господа историки!

С другой стороны, если бы Иосиф обладал хотя бы половиной талантов Святослава, тогда Хазария бы выстояла, а самого Святослава никогда бы не появилось.

Ведь посадить на цепь огромного, молодого, здорового и растущего хищника еще можно, а вот приручить – увы, нет. Для этого нужно быть гораздо сильнее, чтобы все время контролировать ситуацию, а также иметь время и терпение. Ни того, ни другого, ни третьего в распоряжении хазарского кагана не имелось. Да и сам он не был фигурой столь выдающейся, чтобы все это проделать.

Византия. Вторая сила, с которой Руси приходилось все время считаться. Но и дела шли пока не шибко хорошо. Империя смогла победить Игоря первый раз, но отвадить его надолго от своих границ у ромеев не получилось. Не было и у них таких сил, поэтому и предпочел император откупиться. Сейчас наступал тот период в истории Византии, когда ей самой нужны были все ее резервы.

Силы греков были скованы наступлением на Киликию и Сирию, где в 965-966 годах базилевс – воин Никифор Фока взял Мопсуестию, Тарс, завоевал Кипр и дошел до стен «великого града Божьего» – Антиохии. Эти победы стоили дорого. В Константинополе, начиная с 965 года, в течение трех лет царил голод, а цена хлеба поднялась в 8 раз. Популярность правительства падала.

Так что сила молодого государства Русь возрастала все больше, а укоротить ее было некому, поскольку даже печенег были увлечены иными целями. Киевские правители умело пользовались

ситуацией.

Для тех, кто еще до сих пор продолжает сомневаться в самостоятельности Игоря как правителя, хотим привести несколько выдержек из договора Игоря с Византией, которые изложены в труде Татищева. Все эти документы подразумевают лишь одно: государство Русь – мощная независимая держава, а Игорь практически равный базилевсам правитель. И если бы князь был подвластен любому из хазарских каганов, то он не просто не мог, а не имел ни прав, ни сил на подписание таких договоренностей, ибо это зависело уже не от него. Ведь не только каган Иосиф, но и византийские императоры скрупулезно отслеживали все изменения во внешней политике и с кем попало никаких договоров подписывать бы не стали. Охота честь свою марать. После этого не отмоешься, а Византия в этих делах была ой как щепетильна.

Послы русские так о себе и заявляют: мы «посланные от великого князя русского Игоря, и от всех светлых князей русских, и от всех людей Русской земли. И от тех повелено нам обновить ветхий мир, а ненавидящего добра и враждолюбца диавола разорить, и утвердить многие годы бывшую между греками и Русью любовь». И при чем тут хазары? Их нет и в помине, а как может вассал заключать столь важный договор без высокого соизволения сеньора?

Следующий пункт: «И надлежит запретить князю словом своим приходящим сюда руси, да не сотворят в селах и в стране нашей коего вреда, но, приходя, пребывают у святого Мамы».

Игорь своим словом, в которое византийский император безоговорочно верит, должен запретить Руси приходить и разорять земли Империи. Это значит, что авторитет Игоря достаточно высок. Если же он всего лишь пешка в игре Иосифа, то зачем тогда слова? Какая на них надежда? Одно пустословие. А базилевс знал, о чем просил.

«Когда же придут черные или болгары воевать на страну Корсунскую, то великому князю русскому их не допускать, чтобы не учинили вреда оному пределу». Ага, князь Игорь без соизволения Божественного может оказывать вооруженную помощь соседнему государству, у которого напряженные отношения с каганатом. И это верноподданный Хазарии?

«Ежели наше царство пожелает от вас войска на неприятелей наших, тогда потребуем от великого князя вашего письмом и пошлет к нам, сколько хотим, да уведают чрез то иные страны, какую любовь имеют греки с Русью». По этой статье договора Игорь вообще может задействовать свои войска в чужих землях. Тоже не похоже на покорного вассала. Какой смысл в этом пункте договора, если киевскому князю перед этим придется консультироваться с царем Иосифом? А пока идут консультации на самом высоком уровне, может и надобность в вспомогательном корпусе отпасть. Или же каган вовсе не разрешит Игорю оказать помощь соседу. Что тогда базилевсу с этой бумажкой делать? Для каких нужд ее использовать?

«Царь Роман послал к Игорю знатных бояр с просьбою, чтоб не ходил, а договоренное с Олегом взял за все годы. А также и к печенегам послал злата много и парчи». Это разговор правителя с равным себе государем, а не с чьим-то данником. Игорь забирает свой налог, да еще с процентом для печенегов, на которых Роман хотел сэкономить.

Вы можете прочитать этот документ хоть слева направо, хоть справа налево, выучить назубок сей договор Игоря с Византией, невзирая на то что он достаточно объемный и подробный, но ни одного упоминания о хазарах в нем не найдете. В нем нет вообще ничего, что могло пойти бы каганату на пользу.

«Остается непонятным, когда и при каких условиях он сумел подчинить себе русских князей до такой степени, что они превратились в его подручников и слуг, отдававших жизнь за чуждые им интересы» (Л. Гумилев).

Как говорится, вы сначала разберитесь, господин теоретик, а потом выводы делайте. А то все наоборот. Сначала выводы, а только потом: «остается непонятным». Меньше нужно «Кембриджским анонимам» доверять, а русские летописи читать внимательнее.

А нам бы все только свое, русское, ругать.

Обращаясь к классике, подведем итог: «Хватит делать дураков из расейских мужиков!»

Забавно, но эту главу можно было бы смело назвать так – «Между двух Львов». Ибо для одного из них, Прозорова, Игорь «Сын Сокола» – это «ясное солнце государственного и полководческого гения», и никак не меньше. А для другого Льва, в смысле Гумилева, он всего лишь жалкая марионетка в жадных руках хазарского кагана Иосифа. Хотя для государственных деятелей Древней Руси в этом нет ничего необычного. В историографии всегда существовали полярные оценки их роли в отечественной истории. Князь Святослав и его сын Владимир, Олег

Вещий и Александр Невский – каждого из них эта проблема коснулась в полной мере.

Казалось бы, разобрались мы со всеми загадками. Ан нет.

На одном из сайтов попалась нам такая занятная версия. Это уже не Гумилев, это вообще клиника, поэтому приведем ее целиком:

«944 г. Игорем и Свенельдом организован поход на Константинополь. Это не война, а ее полномасштабная имитация. Поход возглавляет не Игорь, которому после авантюры 941 г. не доверяют, а воевода Ольги – Свенельд. Цель похода – восстановление торговых отношений с греками, а вдохновители похода – торговая партия, ведь полюдь не прекращается, дани собираются, а сбыта нет уже четвертый год. Армия идет посуху, а **сопровожающий ее флот – только притворяется боевым**. На самом деле сотни и сотни судов везут четырехлетние торговые запасы, и задача руководителей похода обеспечить доступ этих товаров на рынки Константинополя. Именно поэтому варяги-русь с такой легкостью идут на переговоры. Армию по летописи возглавляет Игорь, однако Игоревы дружинники ничего не получили от византийского откупа, тогда как Свенельдовы ходят изодеты оружием и одеждой».

Такие перлы, что просто нельзя пропустить. Флот русов притворяется боевым!!!

Льва Рудольфовича от таких откровений мог бы удар хватить. Аккуратней надо быть с такими заявлениями. Попадется Прозорову на глаза, Лев рыкнет так, что мало не покажется!!!

Рассказали бы такое мусульманам, что жили в IX-X веках на Каспии, вот бы они удивились. Может, они до этого просто чего-то не поняли, думали, что флоты русов их грабить приплывали, а на самом деле те к ним по торговым делам заявлялись? Шкурки сбывать?

И ничего, что в тексте договора с Византией на Свенельда даже намек нет.

Есть ли смысл тогда остальной бред комментировать?

Наши едут в Константинополь залежалый товар сбывать, а для удачной торговли мы не только свои дружины, вооруженные до зубов, подняли, но и печенегов подключили. Наверное, для того, чтобы ромеи нам на торжище места лучшие выделили, к качеству товара меньше придирались да срок годности не проверяли. А может, чтобы таможня поскорей дала «добро».

Это называется «выездная торговля».

Кстати, надо отметить, что в том году она удалась на славу!

Подвести итог этого опуса хочется словами Татищева: **«доказательствами опровергается, и неведение истории русской обличается».**

Хотя вот это маленькое четверостишие подойдет сюда ничуть не хуже:

Догонит ли в воздухе – или шалишь! –
Летучая кошка летучую мышь,
Собака летучая кошку летучую?
Зачем я себя этой глупостью мучаю!

(В. Высоцкий)

Следующим крупным событием, случившимся на Руси, стало убийство князя Игоря. В прошлой книге мы его тоже подробно разбирали, казалось бы, все версии проверили, но упустили один аспект. В деле появился хазарский след. Поэтому разберем сразу еще одну версию, предлагаемую нам Гумилевым.

Начнем, как всегда, с того, что всем известно.

«Начал Игорь пребывать в Киеве, имея мир со всеми странами. И с приближением осени начал мыслить идти на древлян, желая возложить большую дань» (*Татищев*).

Вот, казалось бы, с этой простой и достаточно понятной новости у нас начинаются новые сказки ученого Льва. Того, который Николаевич.

Снова: хазары, интриги, заговоры, измена, слезы и кровь. Как сказал бы Татищев, «здесь же разные обстоятельства несведущим наносят сомнительства».

«В 945 г. Игорь был вынужден собрать с древлян двойную дань, без участия большей части своей дружины. За это он заплатил жизнью, но нельзя считать его поступок легкомысленным: дружину надо было оплачивать, и при таких расходах было невозможно собрать дань для победивших хазар, что грозило возобновлением войны тогда, когда поляне уже остались без мечей. Игорь рискнул и погиб» (*Л. Гумилев*).

Это вкратце. Дальше он просто потрясающе развивает свою мысль. Притом доходит до

вещей, которые нормальному человеку и в голову-то не придут.

Начнем с вопроса: для кого Игорь был вынужден собирать двойную дань?

Гумилев по-прежнему блестящ – для хазар. Это они, кровопийцы, во всем виноваты. А ведь князю и самому жить надо, значит, выход один, приходится душить своих данников, выжимая из них последние соки себе на прокорм и хазарам на лапу. Потому что если не выжмешь, то сам по миру пойдешь с протянутой рукой.

«Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупался от хазарского царя, участвуя в его походах». «Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на «технике безопасности» и погубил не только себя, но и своих сторонников. Но жалеть его не стоит. Благодаря оплошности Игоря Русь вернула себе свободу и славу» (Л. Гумилев).

Страшен был русам хазарский полководец со странным именем Песах, немудрено, что он напугал Игоря киевского до коллик, и просыпался по ночам князь в холодном поту и звал мамку, чтобы обогрела, успокоила, а то и кваску холодненького занесла. Вот каким зверем казался Песах Игорю.

Единственная странность заключается в том, что ни на кого другого «достопочтенному» такого ужаса нагнать не удалось. Только на Гумилева. Только на русских. Тех самых, которых как раз и боялись все остальные соседи. Где логика?

Но у Гумилева все не слава богу. Да и Игорь у него странный какой-то. Князь то боится Песаха пуще огня, то надеется на него, как на мать родную. Итогом кипучей умственной деятельности историка стал такой вот вывод:

«После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества».

Хотя и здесь не без странности. Таксу хазарского кагана мы знаем. Уже наверняка в зубах навязла. А Игорь, идя на древлян, обремененный мыслями о наживе, думал вовсе не о векше, или веверице. Тут уж как хотите. Если бы вопрос был только в этой сумме, то древляне стиснули бы покрепче зубы, затянули потуже пояса, но стерпели выходку обнаглевшего князя. Не из-за беличьей же шкурки, пусть и дополнительной, кровь проливать. Как говорится, Бог терпел и нам велел. Но Игорь перешел ту грань, которую не должен был переходить, а потому не нужно переваливать его ошибку на хазар. Каган любил деньги, но жадность всегда была недостатком Игоря. Опять же, алчность и самонадеянность, а не трусость. Не водилось за ним такого.

Но Гумилеву видится заговор.

С чего он начинается? Мы начнем распутывать этот клубок с конца.

«Неясен и, вероятно, неразрешим только один вопрос: был ли Святослав сыном Игоря Старого? Летопись в этом не сомневается, у нас нет уверенности в этом».

Вот таким вопросом внезапно задается историк.

«То, что псковитянка Ольга приходилась ему родной матерью, несомненно, но был ли он действительно «Игоревич», – крайне сомнительно. Если же отчество его правильно, то этот Игорь был тезкой Игоря Рюриковича, соратника Олега, если тот действительно существовал», – начинает лукаво витийствовать Лев Николаевич.

Вообще, это смелая мысль.

Но вот кто позволил ему трезвонить о тайном адюльтере киевской княгини, позоря ее без предъявления каких-либо веских доказательств? Какое он вообще имеет право на подобные «версии»? Своими пошлыми намеками он покушается на честь русской правительницы на том лишь основании, что ему что-то померещилось. Привиделось. Это как минимум непорядочно и гнусно. А ведь Лев Николаевич не предъявляет доказательств вообще.

Никаких. Это лишь его предположение! А где же совесть, контролер наш лучший? Где вас манерам учили? Вы же вроде как интеллигентный человек.

Просто взять и оклеветать порядочную женщину. Ведь собирать сплетни – это одно, а делать на их основе выводы – это уже нечто иное. Особенно если даже эти сплетни роятся только в собственной голове.

«Интересно, что Ольга с сыном жила не в Киеве, а в Вышгороде, где «кормильцем»

Святослава, т. е. учителем, был некто Асмуд, а воеводой его отца – Свенельд».

Вопрос, который напрямую вытекает из этих откровений, только один: а с кем жила Ольга?

И это совсем не праздный вопрос, особенно в контексте выводов, которые популярный историк делает дальше.

Для начала переведем на русский язык ту завуалированную мысль, которую тактично пытается довести до нас пытливый исследователь древностей.

Ольга проживает вдалеке от мужа, и вокруг нее постепенно собирается тесная компания, понемногу перерастающая в кружок заговорщиков, где каждый преследует свои определенные цели. Княгиня, например, мечтает освободиться от тирании и деспотизма мужа-варяга, вконец опостылевшего и надоевшего. Поскольку Игорь погряз в постоянных неудачах, поражениях и обидах, растратил полностью казну, а государство привел к зависимости от Хазарии и упадку. В конце-то концов он просто мешает ее личному счастью! Вот такой вывод следует из намеков «интеллигентного» Льва.

А распалившийся в своих денежных амбициях Игорь совсем перестал обращать внимание на то, как на него стало коситься ближайшее окружение.

Князь не видит даже того, что своим поведением он жену только раздражает. Что она его еле терпит, поэтому и живет в Вышгороде, да еще и со Свенельдом, а возможно, что и с неведомым княжеским тезкой. Подготавливая почву для переворота, растя в одиночку детей и давая им в знак протеста перед мужем славянские имена.

Бредятина редкостная.

Но, как говорит Гумилев, «это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции. Свенельдичем и его дружиной овладела обида: они восприняли лишение их доли дани, без которой вполне можно было обойтись, как оскорбительное пренебрежение, на которое ответили убийством князя. Но так как Игорь и окружавшие его варяги после двух тяжелых поражений были на Руси непопулярны, то заговорщиков поддержали широкие массы древлян, благодаря чему переворот удался, ибо княжеская дружина оказалась в изоляции».

Заметьте, это не просто заговор, а заговор славян, неважно, древляне они или поляне, потому что общая угроза всех их объединила именно против варягов. Патриотический заговор!

Но мы опять забежали немного вперед. Итак, по словам охотника за артефактами, на Руси готовится переворот. Он даже подводит под него базу.

Как говорится, и с чего же все началось?

Для начала приведем мнение авторитетного и знаменитого историка XIX века С.М. Соловьева: «Рассмотрев записанные в летопись предания об Игоре, мы видим, что преемник Олега представлен в них князем недеятельным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде покоренным племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка, подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игорева характера в предании прибавлена еще другая – корыстолюбие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с нею, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтоб взятою еще данью не делиться с дружиною» (Соловьев, 1988 г.).

Гумилев развивает эту мысль, доводя ее до абсурда:

«Царствование Игоря Рюриковича Старого» – это определенный период господства норманнской династии конунгов, которая потерпела полное поражение в войнах и с иудейской Хазарией, и с христианской Византией, и с мусульманской державой Марзубана бен Мухаммада (Мусафариды) в Арране. Все эти неудачи не могли не разочаровать славян в способностях их западных соседей, и поэтому после 945 г. мы видим на золотом столе киевского князя со славянским именем – Святослав».

Нагородив такой огород, состоящий из фантазий, домыслов и откровенных бредней, историк на полном серьезе заявляет о том, что правление Игоря неудачно, славяне им недовольны и их терпение на нуле. В отчаянии они, доверяясь Ольге и ее «соратнику» Свенельду, готовят убийство князя и захват власти. И все это на благо Руси.

Вывод потрясает своей глубиной.

На трон восседает князь со славянским именем, а дальше историк продолжает что-то бормотать про другого брата Святослава, также имеющего славянское имя. Это ли не доказательство?

Притом и до этого вывода он доходит не сам, а берет его, бережно вплетая в свою строку, у В.Н. Татищева. Вот как это выглядит: «Только лишь блаженная Ольга, сама будучи происхождения славянского, славянам преимуществва и имена славянские сыну и внучатам дала, а варяжские и сарматские уничтожила».

Аргумент весомый, спору нет. Гвозди бы забивать таким аргументом. Однако возражение на него лежит на поверхности. Этот аргумент присутствует практически в любой семье, в любом доме, и не надо для его получения забираться в толстые пыльные книги, не надо разрывать могильники по всей Руси. Подойди и спроси любую многодетную мать. Не нравятся многодетные матери, спроси обычную.

Кто дает имя ее ребенку?

И почти любая ответит, даже не запнувшись, что мы посоветовались с отцом, и именно он принял решение, как назвать ребенка. Или вместе придумали. А Ольга не мать-одиночка. Она княжна. И называть детей так, как ей самой вздумается, у нее никаких прав нет. Особенно в те давние времена. Так что выходит, что имена славянские детям дал сам Игорь, или пусть даже Ольга, но с его согласия. А почему? Мы уже об этом говорили. И кем был Игорь – тоже.

Но Гумилева уже несет. А когда теоретика несет, то его бульдозером не остановишь. Он уже краев не видит, фантазия бурная, наследственная, только лучше бы он ее, как папа, на другом поприще применял.

Так что же происходит, по его версии, дальше?

«В 944 г. Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю (чтобы собрать себе дань, причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав – происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами – подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда».

Версия А.А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране?! Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Люту за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Люту совершилась лишь в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита? (*Л. Гумилев*) .

Забавно, что Лев Николаевич даже сам ответить на свои вопросы не может. Поэтому он уводит разговор в иное русло, предоставив недоуменным читателям разбираться в продолжении, а заодно и отвечать на поставленные историком вопросы. Найдете вы ответ или нет, его это уже не шибко заботит.

Гумилев даже не задумался над тем фактом, что мстителем за смерть Игоря он назначил древлянского князя Олега Святославича, который, по его же логике, и был одним из участников этого заговора. Имя-то князя Лев приводит, а вот кто он такой и где княжил, утаивает.

Думайте! Развивайтесь! А я побежал дальше, не сбавляя ходу. Полетел, как поезд мимо нищего.

«Но в плане этнологическом это не так уж важно. Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины в Хазарии. Славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским, сохранив от последнего только само название: «поляне, яже ныне рекомая русь». Смена веры в 988 г. позволила покончить с северными заморскими традициями, и Русь вступила в инерционный период этногенеза, при котором условия для накопления культурных ценностей оптимальны.

Русь, избавившись от варяжского руководства, восстанавливалась быстро, хотя и не без некоторых трудностей» (*Л. Гумилев*) .

Потрясающе!!!

Так, по мысли Гумилева, славяне избавились разом от двух бед: варягов и хазар.

Теперь понятно, откуда черпал вдохновение писатель Б. Васильев, работая над своими романами о Древней Руси. Понятно и почему у него Святослав – сын Свенельда. Видимо, только так, через художественный вымысел и большой талант, можно пришпандорить одно к другому в

этой гремучей смеси дремучести и невежества. Любой «желтый журнал» дорого заплатит за такого сотрудника, способного ловко все вывернуть наизнанку, как это удастся Льву Николаевичу. Такого нагородить, такого напести, да еще некую базу под все это подвести и научностью сверху прикрыть. Это далеко не каждому по силам.

А ведь все не так уж и сложно. И нет в громком политическом убийстве Игоря никаких тайн и никакого хазарского следа. Все просто, без затей и загадок.

А потому давайте обратимся к более вдумчивому исследователю:

«В то же время войско Игоревое Свинелдовой власти просили Игоря, чтоб велел им дать оружие и одежды или бы пошел с ними на древлян, где князь и они могут довольно получить. И, послушав их, Игорь пошел на древлян ради собрания дани. И возложил на них дань более прежней, но при том как сам, так и его воинство **древлянам учинили оскорбление великое** *(Татищев)*. Вот в чем суть вопроса – в «оскорблении великом». А если к этому добавить и финансовую составляющую, то мы и получим ту гремучую смесь, от которой Игоря в буквальном смысле слова разорвало на куски.

Свенельд, судя по всему, совсем недавно вернулся со своей дружиной из рейда на Бердаа, и, как вы помните, поход был удачен. Именно этот факт, а не жадный до беличьих шкурок каган Иосиф стал побудительной причиной похода на древлян. Жадность, банальная жадность. А не заговор жены и ее воеводы-любовника против мужа с целью освобождения от ига целой нации. Смотрите на вещи проще и реальнее.

Гридни Свенельда, увешавшись, как новогодние елки, трофейными побрякушками, продав невольников и невольниц, щеголяли в новых одеждах, спускали золото и серебро и ни в чем себе не отказывали. Для них жизнь удалась. А Свенельд был вообще на особом счету у Игоря и пользовался его милостями и доверием, как никто другой. Но Свенельд друг и соратник только для князя, дружина же киевская его не жаловала, ибо видела во всех действиях удачливого и добычливого воеводы урон себе. Люди Свенельда в парче, а мы в парше? И нам подай золото-серебро! Мы тоже хотим.

А древляне – это хороший компромисс. Во-первых, это народ наиболее богатый из всех примученных и освобожденных Киевом славян. У них и города есть, и шкурки беличьи, будь они неладны, и еще много чего ценного, на что можно лапу наложить. Во-вторых, Свенельд сейчас богат, он свое взял, а дружина его изрядно потрепана в боях с народами Востока. Воевода может смирить свой крутой нрав и проглотить обиду, когда княжеские гридни будут обирать его древлянских подданных. Сейчас это возможно, а потому киевская дружина и толкает Игоря на опасный путь. На путь раскола и противостояния. А вдруг знаменитый воевода не стерпит, закипит, и что тогда?

Но жадность не знает пределов. Игорь и его дружина забывают, что гуляют они не в чужой стране, а уже в своей собственной, где номинальным хозяином является Свенельд. Вот Татищев и делает упор на то, что Игорь и «его воинство древлянам учинили оскорбление великое».

Как умела «гулять» русская дружина, вы уже читали. Поэтому Татищев и укоряет киевлян.

А ведь это братья-славяне. И характер у них такой, что утираться да зубы стирать в бессильной злобе они не будут. А здесь вообще древляне!!!! Они до Вещего Олега никому и никогда не подчинялись, им эту славянскую свободу только недавно навязали.

Они этим воздухом свободы и надышаться-то еще не успели, только пояса потуже затянули, и снова здрасьте. Но сначала древляне княжескую неправду стерпели, не стали на открытый конфликт напирать, только брови сурово насупили. Слишком уж хороша дружина у Игоря. Вот тут бы древлянам успокоиться, а князю удовлетвориться тем, что набрал, и затем мирно разойтись, но не тут-то было! Гридни остались довольны, а сам Игорь – нет. Он подумал-подумал и решил, что дружине угодил, а сам остался в убытке. Нехорошо это. Досадно и неправильно.

«Взявши же дань возвращался к Киеву, но, в пути размыслив, сказал воинству, чтоб шли с данью домой, а сам с малою частию возвратился к древлянам, желая еще больше приобрести» *(Татищев)*.

Древлянам, которые, по версии Гумилева, готовили заговор-западню, и в голову прийти не могло, что киевский князь снова вернется. Ведь только что ушел, только ведь добро народное возами вывозил. И след еще не остыл. А здесь такая оказия! Кто же знал, что он в дороге удумает. Но Игорь был скареден, домовит и прижимист. Это было давно всем известно и не ново, поскольку именно жадность привела его в 941 году к поражению в походе на Византию. В этот раз князь

также незаметно перешел ту грань, когда желание обогатиться притупляет чувство опасности. Древлянам же, как заезженной с годами лошади, пришла пора взбрыкнуть и сбросить со своей натруженной спины постоянно измывающегося седока.

Призадумались древлянские воины, охотники и старейшины «с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк овец похищать, то уничтожит все стадо, пока его не убьют. Так и сей, ежели не убьем его, всех нас разорит и погубит» (*Татищев*).

Но даже сейчас древляне сомневаются и не хотят идти на убийство. Возможно, что мнения их расходятся и они не единодушны даже между собой в окончательном решении. Горячие головы есть всегда, но есть и осторожные. Как без них! Они спокойнее, деловитее, у них кровь так не кипит. Одним словом, эти люди более расчетливы, а возможно, даже и красноречивее. Недаром сначала народ к ним прислушался. Ведь, уступая тем, кто пытался избежать большой крови, древляне понимают, что ничего пока не теряют. Удастся договориться с Игорем – хорошо, нет – так мечи уже наточены и припрятаны до времени.

«Однако послали к нему от себя послов просить, говоря: поскольку ты собрал дань всю, то нет причины к нам идти, и чтоб оставил нас в покое и возвратился в Киев. Но Игорь не послушал их просьбы».

Никакие уговоры не помогли. Игорь посчитал древлян не обиженными и униженными, и даже не озлобленными, а просто слабыми да трусливыми, почему и просьбы их воспринял неправильно.

Киевский князь решил не мелочиться. Он так и сказал:

– Заберу все!

Видимо, чтобы уж больше точно не возвращаться. Это и взорвало ситуацию.

«Они же (древляне), выйдя из города Коростеня против него, нападши ночью неожиданно, убили Игоря и всех бывших при нем, поскольку с ним было людей весьма мало. И погребен был там, где до сих пор могила его близ Искоростеня града в Древлянах» (*Татищев*).

Данные Льва Диакона существенно дополняют «сказание» летописи: Игорь не был убит в стычке, а был взят в плен и казнен. А вот его сопровождение полегло на месте. Хотя точного соответствия описанному у Льва Диакона ритуалу казни в русских источниках нет – Игоря разорвали на части, привязав к деревьям, – сомневаться в достоверности сообщаемых им сведений не приходится. С чего врать византийскому историку, ведь он об этом упоминает лишь вскользь, мимоходом, рассказывая о совершенно другом событии.

А.П. Ковалевский обратил внимание на то, что казнь Игоря была проведена по обычаям тюркских народов – огузов и болгар. Он считал, что «древляне применили к Игорю указанный способ казни согласно действовавшему в то время местному праву, считая киевского князя вором и грабителем, или, как говорили древлянские послы Ольге: «мужа твоего убихом, бяше муж твой аки волк восхищая и грабя» (*Ковалевский, 1956*).

А у славян преступник, в том числе и вор, традиционно именовался волком – так, как именуют Игоря древляне.

Хотя древляне могли назвать его волком и учитывая скандинавское происхождение дружинников князя Игоря, поскольку в скандинавских традициях боевая дружина часто вообще ассоциировалась с волчьей стаей.

Вот и все, и никакого заговора славян против варягов, и никакого хазарского следа.

Как точно подметил все тот же Татищев, «сребролюбие погибели причина».

Но корыстолюбие – это не трусость. Одно не подменяет другое. Единственное, что можно поставить Игорю в вину – это то, что он слишком часто идет на поводу у своей дружины. И как только он проявляет такую слабость, так мероприятие заканчивается плачевно. И в первую очередь для него самого.

Что же касается кагана Иосифа, то он мог только довольно потирать руки. Древляне сняли с плеч Божественного груз больших проблем, потому что в результате гибели Игоря русам еще долго будет не до его царства-государства. И главное, что в этот раз ему даже усилий никаких прикладывать не пришлось!

Понятно, что верить в то, что у всех лежит на виду, не всегда хочется. Хочется увидеть и раскрыть некий тайный смысл, постичь скрытые причины событий, приоткрыть завесу неведомого. Очень хочется. Но это не значит, что такие причины на самом деле есть. Ведь приведенные до этого выводы тоже делали люди не глупые. Знали, о чем пишут, и были уверены в

той информации, которую сообщали. Могли ошибаться? Могли. Ошибиться может каждый, не ошибается тот, кто ничего не делает. Но мы уже во второй книге возвращаемся к трагической смерти Игоря, разбираем различные версии и приходим к тому же, с чего и начинали, отвергая прочие теории.

Чтобы все у вас сошлось, доверяйте больше Татищеву и Карамзину, у них в трудах достаточно разумных вещей, от которых в крайнем случае можно просто оттолкнуться. И никаких вопросов не останется. Или же русским летописям, которые достаточно просто сопоставить между собой, а также сравнить с зарубежными источниками, чтобы представить полную картину событий. А по поводу остальных нестандартных теорий и открытий мы скажем словами Льва Рудольфовича, поскольку лучше не скажешь: «Но это – домыслы, не более того. Литература». Правда, писатель не думал, что эту фразу можно будет применить к нему самому.

Кстати, ни одна летопись не дает даже повода усомниться в том, что произошло в Древлянской земле, и, в отличие от современных теоретиков, не предлагает никакой иной версии взамен.

Итак, Игорь погиб. Его правление не было ни великим, ни бесславленным. Он многое сделал, многое успел. Что же касается нашего противостояния, то именно Игорь обозначил своему сыну то направление, куда Святослав нанесет свой первый удар.

Проживи Игорь дальше, так он бы непременно попробовал и сам подоить хазарского кагана. Но не довелось. У Святослава был иной подход к делу, однако направление главного удара оставалось прежним – Хазарский каганат. Расстановку сил на восточных границах Руси могла изменить только внезапная смерть Святослава или быстрое укрепление Хазарии. Но ни того ни другого не произошло. Государство хазар готово уже была упасть в руки того, кто нанесет по нему сокрушительный и неотразимый удар. И такой воин уже стремительно подрастал. С того момента, как Святослав сел в седло, каганату оставалось только глядеть на часы и отсчитывать время до встречи с молодым киевским князем на поле боя.

Русь и Хазария поменялись местами. Теперь уже русский каган готов был брать дань со своих хазарских соседей за защиту и спокойствие или наказывать их в случае отказа.

Как князь Святослав разгромил каганат

Итак, киевский князь умер – да здравствует киевский князь! Смерть Игоря радикально изменила обстановку в регионе, поскольку его сын и наследник Святослав был еще мал и все тяжести правления легли на вдову безвременно почившего правителя Ольгу. Ситуация для государств, граничивших с Русью, изменилась радикально, поскольку одно дело иметь под боком воинственного Князя-Волка, всегда готового напасть, чтобы отхватить у соседей кусок посочнее, а если удастся, то и шею перегрызть, и совсем иное, когда в Киеве правят слабая женщина и маленький ребенок. К тому же тот пожар, что запылал в Древлянской земле, запросто мог распространиться на другие славянские земли, которые привели под власть Киева Олег и Игорь, и вот тогда уже встал бы вопрос о самом существовании Древнерусского государства. При таком раскладе и поживиться было не грех за счет Киевской Руси!

Сейчас во главе Киева стоит не грозный воин, способный железной рукой обуздать как внутренних, так и внешних врагов, и не искушенный политик, поднаторевший в мастерстве подковерных игр, способный хитрыми уловками окрутить любого противника. Нет, в первый, но не последний раз в истории Рюриковичей у руля государства стоит женщина. Вот тут бы и заявить хазарам о своих претензиях к русам да постараться вернуть своих славянских данников себе под крыло, но ничего подобного не происходит. В Киеве прекрасно осознают весь размер нависшей опасности, а потому действуют быстро, решительно и жестоко. Столица Древлянской земли Искоростень была сожжена дотла, а пепел развеян по ветру. Само же восстание потоплено в крови.

Вряд ли окружавшие Русь хищники ожидали такой прыти от пятилетнего мальчишки и молодой вдовы, но факт остается фактом – никаких территориальных потерь в эти годы молодое Киевское государство не понесло. Мало того, после усмирения древлян мы не имеем сведений ни о каких вооруженных конфликтах между русами и их соседями, хотя экспансия наших предков на Восток и приостановилась. Вместе с походами в Степь и набегами на Византию.

Казалось довольно странным то, что гибель Игоря не имела каких-либо глобальных

последствий для державы, ведь он сам после смерти Олега Вещего лишь большой кровью сумел утвердиться на Киевском столе. А здесь...

Так в чем же дело? Чего ждут враги, али всех их уже Олег с Игорем изничтожили?

А дело здесь, на наш взгляд, в человеке, имя которому Свенельд. За знаменитым воеводой стояла грозная сила – сплоченная и закаленная в многочисленных боях дружина, которая в данный момент являлась самой значительной силой в государстве. Лучше всего про них можно сказать словами автора «Слова о полку Игореве»:

Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе!

Именно дружина Свенельда сейчас стояла на страже интересов Киева. Ведь бойцы Игоря были деморализованы смертью предводителя, и не Ольге было обращаться к княжеским гридням со словами ободрения и утешения. Святослав же был слишком мал для подобного мероприятия.

Свенельд – дело совершенно другое, за ним тянется длинный шлейф из удачных походов и больших побед. Он удачлив, богат и добычлив, ведь мы помним, как княжеская дружина завидовала его бойцам. Он умеет терпеть и ждать, но в обиду себя не даст – большинство славянских племен могли убедиться в этом на собственной шкуре. При поддержке мечей варяжской дружины Свенельда Ольга сумела удержать Киев за сыном, и этот взаимовыгодный союз пошел им обоим на пользу – как княгине, так и воеводе. Ведь Свенельд тоже не просто так оказал решающую поддержку правящей династии, не тот это был человек, чтобы за красивые глаза княгини поставить на кон свою жизнь. Все было гораздо проще и банальнее.

Дело в том, что среди людей Игоря воевода не пользовался особой любовью, недаром приближенные убитого князя открыто его провоцировали на конфликт со Свенельдом. Не исключаем возможности и того, что даже среди киевлян популярность княжеского фаворита была невелика. А потому и не было другого выхода у воеводы, как поддержать представителей княжеского дома, поскольку в противном случае он мог потерять все. Ведь если бы на трон уселся кто-то другой, то все богатства воеводы, а также и его земельные пожалованья пошли прахом, поскольку человеческая зависть не знает ни границ, ни пределов. Дружина Свенельда, какой бы грозной силой она ни была, не устояла бы против всей Руси, и финал этого столкновения предсказать было бы нетрудно. Был у него шанс попробовать взять власть себе, но, как мы говорили чуть выше, шаг это был опасный, ведущий к гражданской войне или в лучшем случае к усилению внутренних конфликтов и противоречий, в результате чего проиграли бы все. Не важно, по какой причине, но Свенельд мыслил государственными категориями и личные интересы общественному мнению противопоставлять не стал. Тем более что даже со смертью Игоря для Свенельда все обстояло совсем не плохо.

Ведь в том случае, если бы он помог удержаться на плаву правящей династии, воевода не только сохранял за собой прежнее положение, но фактически становился во главе всех вооруженных сил Древнерусского государства, поскольку не женщине и не молокососу водить в бой полки и дружины. Свенельд свой выбор сделал, и этот выбор определил дальнейшую судьбу Руси.

Но тогда об этом никто не задумывался, и все пошло своим чередом. Ольга крепко занялась внутренними делами страны, объезжала подвластные ей земли, устанавливая новые законы и порядки. Вместо варяжских и русских дружин, блестящих под солнцем щитами и позолоченными шеломами, под стенами Константинополя появилось мирное посольство во главе с самой правительницей Киевской Руси, и ее визит в столицу Империи знаменовал новый этап развития отношений между двумя государствами. А пока все это происходило, в Киеве подрастал тот, кому суждено было в веках прославить свое имя, сокрушить Хазарский каганат и потрясти основы Византийской империи. Речь идет о сыне Игоря Святославе.

Молодой киевский князь был личностью харизматической и яркой, он явно затмевал всех своих предшественников на Киевском столе, за исключением, пожалуй, Осколда. Святослав не был подвержен, подобно своему отцу, приступам алчности, а главное, что, в отличие от Игоря, не позволял дружине садиться себе на шею, видимо, с юности усвоив этот поучительный урок. Не

только враги, но и собственные люди испытывали трепет перед грозным воителем, недаром в Иоакимовской летописи отмечено, что «боялись же весьма его, так как **БЫЛ МУЖ СВИРЕПЫЙ**». Чуть не по нему – и башка с плеч! А такой подход к делу позволяет не только держать воинов в узде, но и повсеместно поддерживать дисциплину на должном уровне. Это был истинный вождь, которого любили и боялись. И за которым воины готовы были пойти в самое пекло.

В Святославе не было той хитрости и расчетливости, граничащей с подлостью, которые были присущи Олегу, и, в отличие от вешего скопидама, который собирал денежку к денежке, а белку к белке, сын Игоря был совершенно равнодушен к богатству. Ну а что касается Рюрика, так тот вообще реял бледной тенью на фоне величественной фигуры князя-воина. Да и как политик Святослав не уступал ни Рюрику, ни Олегу, ни Игорю, а по талантам полководца превосходил всех их, вместе взятых.

Был, правда, у князя один недостаток, на первый взгляд незаметный, но для государственного деятеля очень опасный. Дело в том, что Святослав был непоследователен. Нет, не в достижении цели, к ней-то он всегда шел целеустремленно и четко, а в том, что мог бросить успешно начатое дело на полдороге и переключить свое внимание на другое мероприятие, по его мнению, более перспективное. А это есть не очень хорошо, поскольку, если судить по итогам его правления, ни одно свое начинание Святослав так и не сумел довести до логического конца.

Тем не менее личность легендарного полководца Древней Руси была одной из самых ярких в нашей отечественной истории, а потому и неудивительно, что именно он стал объектом различных спекуляций и образ его был подвергнут сознательному и бесцеремонному искажению. Особенно в наши дни. Больше всего досталось князю от небезызвестного нам Льва Рудольфовича Прозорова, попытавшегося чуть ли не обожествить Святослава. Однако сделал это писатель настолько неумело и бестолково, что сослужил русскому герою дурную службу. Тот образ князя-воина, который нарисовал «ведущий историк языческой Руси», настолько лжив и нелеп, что просто удивляешься, почему многие восприняли откровения Льва Рудольфовича за чистую монету. Жаль только, что сам Святослав сей опус не читал. А то, взявши крепко за шиворот, приподнял бы могучей рукой своего ярого поклонника невысоко над землей и, легонько встряхивая, сурово спросил: «Ты пошто, Черный Ворон, на меня кривду наводишь?»

Вот тогда, ежась под недобрым взглядом отважного воителя и беспомощно подпрыгивая в воздухе ногами, писатель, возможно, изменил бы свой подход к любимому герою. Ведь все стройные теории «ведущего историка» вмиг рассыпаются в прах, стоит к ним только повнимательнее присмотреться. Может, наконец, дошло бы до автора, что хватит киевского князя клоуном и недоумком выставлять. Не одной силой да храбростью славен Святослав. И раз уж мы заговорили о храбрости, то разберем буквально несколько постулатов Прозорова.

Начать можно хотя бы с имени. Князь Святослав, сын Игоря, никогда при жизни не носил прозвище Храбрый, которым его по доброте душевной наградил Лев Рудольфович. Во всех основных и региональных летописных сводах их составители, рассказывающие о подвигах князя-воина, писали просто – Святослав, и все читатели понимали, о ком идет речь. Но Лев Рудольфович не летописец, ему подавай образы яркие и красочные, чтобы душу выворачивало, когда читаешь про них, и неважно, соответствует этот образ исторической действительности или порожден необузданным воображением писателя. Что и произошло со Святославом под пером бескомпромиссного Льва.

Но тогда возникает закономерный вопрос: а откуда данное прозвище вообще взялось, и неужели Прозоров опять все выдумал? Вовсе нет, на сей раз Лев Рудольфович фантазию особенно не напрягал, поскольку упоминание имени Святослава с таким прозвищем один раз в летописи встречается. В Галицко-Волынской летописи мы читаем – «Святославъ Хоробры». И можно бы было махнуть рукой и пойти на поводу у Льва Рудольфовича, согласившись с тем, что имелось у киевского князя при жизни такое прозвище, если бы не одно НО. Дело в том, что писатель истолковал это прозвище так, чтобы оно полностью вписалось в его концепцию, и в этом искаженном виде преподнес читателям.

Так вот сам текст Галицко-Волынской летописи датируется XIII веком и охватывает события 1201-1291 годов, которые происходили в землях юго-западной Руси. Большая его часть посвящена княжению Даниила Романовича Галицкого, а на походы Святослава там даже нет намека. Князь-воин лишь упоминается в том смысле, что не ходил войной против чехов, и не более того. Вот как звучит эта знаменательная фраза целиком: «не бе бо в земле Русцей первее, иже бе воевал

землю Чышьску; ни Святославъ Хоробры, ни Володимерь Святый». Смысл этой фразы прост – повезло чехам, поскольку ни Святослав, ни Владимир на них войной не ходили, обошла их эта беда стороной.

К тому же рядом с бравым воителем упоминается его сын Владимир, и если Прозоров на основании этой фразы делает вывод о том, что Святослав носил прозвище Храбрый при жизни, то тогда он должен сделать следующий шаг и признать за Владимиром прозвище Святой. Причем в дальнейшем летописец снова вспоминает сына Святослава и уже под другим прозванием, как «Володимера Великаго, иже бе землю крестиль». Правда, князя Владимира Великим и Святым Лев Рудольфович признавать отказывается, запрещая это делать даже летописцу. Но обижаться за это на писателя не имеет никакого смысла.

Потому что князь Владимир при жизни себя ни Великим, ни Святым не называл, ему это даже и в голову не приходило. Так же, как и Святославу величать себя Храбрым. Великий Воитель Земли Русской считал проявление воинской доблести на поле боя делом не просто обыкновенным и будничным, а обязательным, не видя в этом чего-то выдающегося и уникального. Это только Лев Рудольфович все квохчет: Храбрый, Храбрый, так и прозывался! Упустили зловерные летописцы-чернецы сие прозвище, а то и вовсе сами вымарали его из текста в угоду таинственному незнакомцу, переписывающему историю Киевской Руси.

Даже завидуешь невольно уверенности «ведущего историка»!

Значит, надо разобраться, в чем же здесь дело. А дело в том, что подобные прозвища летописцы обычно давали задним числом, уже после смерти исторического персонажа. Как отметила в своей работе Т.Л. Вилкул, «для древнерусской эпохи нехарактерны княжеские прозвища. В летописях XI–XII вв. встречаются не прозвища, а так называемые «некрологические характеристики». Если князь умер, так и не совершив ничего в жизни выдающегося, то уж летописец обязательно награждал его каким-то прозванием, которое характеризовало отошедшего в мир иной с самой лучшей стороны. Ярким примером здесь служит Мстислав Храбрый, отец небезызвестного Мстислава Удатного. Вот уж у кого не было никакого повода явить свою храбрость, поскольку все крупные военные конфликты эпохи благополучно миновали этого князя стороной. Но тем не менее – Храбрый. И в свете этого довольно парадоксальным выглядит тот факт, что Лев Рудольфович пошел на поводу у столь ненавистных его языческому сердцу «иноков-летописцев последующих веков» и наградил своего любимого героя тем прозвищем, которое эти самые летописцы придумали. Как всегда, логики в рассуждениях писателя нет никакой.

А мы вновь обратимся к работе Т.Л. Вилкул: «Прозвищами наделяют преимущественно бояр, которых было гораздо больше, чем князей, и которых необходимо было как-то различать. Из князей док. XII в. известны только Владимир Мономах и Изяслав Ярославич Меньший. Кроме того, редко встречается само слово «храбрый». Таким образом, если летописец и отмечал, что князь был храбрым, то он просто подчеркивал эту черту его характера, и не более того, прозвищем здесь и не пахло. Однако наиболее показательным является случай с Ярославом Мудрым, который такого прозвания не имел до тех пор, пока его им не наградил Н.М. Карамзин: «Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого». С тех пор и пошло.

Но Лев Рудольфович не Николай Михайлович. Ведь было бы гораздо лучше, если бы «ведущий историк языческой Руси» работу Т.Л. Вилкул почитал вдумчиво и внимательно, а не занимался тем, что прозвищами, слух его ласкающими, князей да бояр награждал, а потом сие дело летописцам русским приписывал. Ведь в работе той черным по белому написано: «Слово «храбрь», да и княжеские прозвища вообще не характерны для древнерусского периода».

Но, может быть, Прозоров черпал информацию в другом источнике? Может быть, он нашел сведения о Святославе Храбром в народном творчестве? Может, в сказках, былинах и легендах кто-то именовал таким образом киевского князя? И вновь мимо. Опять придется огорчить поклонников творчества неистового Льва, поскольку на этот счет есть компетентное мнение академика Б.А. Рыбакова: «Летописная запись о Святославе хорошо сохранила эпический строй дружинной поэзии, близкой к былинам, но не тождественной им; **как уже говорилось, в народном эпосе имени Святослава нет**». И в итоге картина получается такая: чернец-летописец в XIII веке придумал Святославу прозвище Храбрый, а Лев Рудольфович эту идею подхватил и творчески развил. И теперь на каждой обложке книги о Великом Воителе Земли Русской обязательно красуется надпись – Святослав Храбрый. Озар Ворон Прозоров старательно проводит свои идейки в жизнь.

Но чтобы языческая душа Льва Рудольфовича не мучилась, можем ему сообщить информацию, которая строго засекречена и доступна далеко не каждому. Лежит она за семью замками, укрыта семью дверями, кои и запечатаны на семь страшных глиняных печатей. И нет туда ни пути, ни дороги. Мало кто из историков отважится заглянуть в столь опасное место. Но кто решится на подвиг сей, тот и получит информацию заветную, которая и перевернет его взгляд на мир, а может, и на Российскую историю в целом.

Лишь один человек в отечественной истории стал при жизни носителем прозвища Храбрый, причем не от «иноков-летописцев последующих веков», а действительно от современников и по заслугам. Это герой Куликовской битвы серпуховский князь Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия Донского. Однако что примечательно, князь умудрился получить даже два прозвища, а не одно, поскольку, как и его знаменитый родственник, был также прозван Донским. Оба этих прозвища выбиты на гробнице князя Владимира Андреевича в Архангельском соборе Московского Кремля, и если есть у Прозорова желание, то он может приехать и сам все увидеть. Своими собственными глазами. Здесь даже выдумывать ничего не надо.

Но вернемся к Святославу. Князь не был тем наивным дурачком, который воевал за идею, не подозревал о пользе торговых путей и думал, что княжеская казна наполняется сама по себе. А именно такой образ Великого Воителя и навязывает в массовом сознании Лев Рудольфович. Отметим еще раз – с реальным Святославом этот образ, кроме имени, не имеет ничего общего. Настоящий киевский князь был прежде всего и воином, и политиком. Он нес личную ответственность за судьбу громадного государства, и ему некогда было забивать себе голову идеологическими бреднями в стиле Прозорова, которого он, к сожалению, не смог прочитать. А уж рассуждать о смысле бытия, как Гамлету, ему было просто некогда. В вопросе быть или не быть Святослав всегда быстро приходил к ответу – быть, на этом, собственно, и построен весь принцип его княжения. Хазарский каганат, можно сказать, одним из первых ощутил такую постановку вопроса на своей шкуре. И именно в войне с ним Святослав продемонстрировал все свои лучшие качества. Он показал себя и дальновидным политиком, и блестящим стратегом, и великолепным тактиком. Стремительным, безжалостным, не ведающим сомнений полководцем. В этом мы сейчас убедимся.

Готовясь к большой войне на Востоке, Святослав идеально выбрал момент для атаки на Хазарскую державу – каганат был сильно ослаблен как внутренними распрями, так и постоянной борьбой с внешними врагами. Орды кочевников волнами накатывались на его границы, и лишь благодаря напряжению всех сил хазарам удавалось до поры до времени отбиваться от степняков. И именно в этот момент Святослав повел свои дружины на Хазарию, твердо решив «искусить неведомого края».

Правда, прежде чем отправиться в поход со Святославом, мы должны немного отвлечься, для того чтобы выслушать точку зрения на этот вопрос Вещего Льва. Пусть он обозначит причину, по которой Святослав двинулся именно на каганат, а не куда-то в иную сторону. Его версия традиционно подразумевает отсутствие всякого здравого смысла, зато в ней эмоции бьют ключом, а пафос переходит все допустимые грани. Итак: «Но и здесь герой нашего повествования вступает в противоречие со «здравым смыслом» древних и нынешних робичичей. Он воин – и выбирает наиболее опасного врага, опасного настолько, что войну с ним можно уподобить поединку с драконом, исполином-людоедом или другим чудищем из древних легенд. Он князь – и направляет оружие против смертельного, старого недруга Руси. Он жрец – и поднимает меч на воплощенную Скверну, земное подобие бесовни Кромешного мира, ожившее оскорбление Северных Богов». Насчет здравого смысла писатель подметил очень точно, как говорится, не в бровь, а в глаз, а вот в том, что касается остального...

Хотя если с вами рядом живет исполин-людоед, то его надо однозначно либо убить, либо удирать куда подальше. Только, как вы уже видели, ни на чудище, ни на людоедище каган Иосиф уже не тянул. Огонь, конечно, еще пускал иногда, но уж очень экономно и редко.

Давайте же рассмотрим, без патетики и эмоций, те причины, которые могли побудить Святослава начать большую войну против Хазарии. Ведь, по большому счету, на данный момент на границах Руси царил относительное затишье, поскольку летописи ни о каких вооруженных конфликтах русов с соседями нам не сообщают. А если уж Святославу хочется просто мечом помахать, то можно и на печенегов сходить или же потряхнуть Византию по примеру отца. Так почему же вся мощь молодого Русского государства обрушивается именно на Хазарию?

На наш взгляд, причин здесь несколько. Во-первых, начиная поход на Восток, молодой князь в какой-то мере продолжает политику Вещего Олега, который планомерно вытеснял хазар из славянских земель. Узурпатор привел под свою руку земли радимичей и северян, но вот до вятичей так и не добрался. Да и хазары, потеряв большую часть славянских данников, приложили максимум усилий, чтобы удержать вятичей в повиновении. Это было достаточно несложно, поскольку у последних так и не сложился прочный племенной союз, как у тех же полян. Не имелось у них ни столицы наподобие Киева, ни князя, который бы держал в своих руках всю власть. В VIII-XI веках земля вятичей была целостной восточнославянской территорией, а сами вятичи жили самостоятельно и совершенно обособленно от остальных славянских земель.

Однако это прекрасно осознавал и Святослав, а потому, продолжая политику своих предшественников по собиранию славянских земель под власть Киева, он неминуемо должен был принять меры для покорения вятичей. Отступился бы от них каганат или нет – неизвестно. Может быть, в этот раз Иосиф решил бы вступить в борьбу с Киевом и отстоять поток беличьих шкурок, идущих в его казну. Тем более что и так много земель было утрачено.

Второй причиной было то, что, как отмечалось выше, Хазария стала огромной пробкой на торговых путях между Западом и Востоком. Занимая выгоднейшее географическое положение, это государственное образование просто-напросто затрудняло торговые сношения между различными народами. Правящая верхушка и иудейские купцы-рахдониты безжалостно обирали приезжих торговцев, душа их высоченными таможенными пошлинами. Надо думать, что не раз и не два являлись купцы в Киеве на княжеский двор, жалуясь на свои беды молодому правителю. Реальный Святослав, в отличие от изображенного Прозоровым борца за идею, очень хорошо понимал все те выгоды, которые приносит торговля и значение торговых путей. Он отдавал себе отчет в том, что князь Олег не зря прилагал усилия по расширению территорий именно на Восток, поближе к Волжскому торговому пути. Олег глупых решений не принимал, да и выгоду свою видел всегда наперед. Может, за это его и прозвали Вещим? А потому и Святослав не колебался в принятии решения. В отличие от своей матери, молодой князь на решения скор. Встающие перед ним проблемы предпочитает решать с помощью меча, а если уж и пошлет к недругам послов, то только для того, чтобы объявить: «Иду на Вы!» Бегите или сдавайтесь! Причем, начиная свою первую войну именно с Хазарией, Святослав получал мощную поддержку от тех, кто так или иначе был связан с торговлей или зависел от нее, а это были достаточно широкие слои населения. Можно сказать, что его Восточный поход ознаменовался общенародным подъемом.

Ну и, наконец, третья причина, и отнюдь не самая важная. Однако именно ее Лев Рудольфович ставит во главу угла и, подобно римскому народному трибуну времен Республики, яростно и самозабвенно доказывает, что других поводов для войны с Хазарией просто быть не могло. Ведь каганат был давним недругом славян, и эта взаимная вражда тянулась веками, а потому разгром этого извечного врага, по авторитетному мнению Прозорова, являлся первостепенной задачей молодого Киевского государства. Позиция в корне неправильная, поскольку, как мы видим, поход на Восток был вызван целым рядом как политических, так и экономических причин.

И вот, исходя из того, что война с хазарами неизбежна, Святослав решает нанести удар первым, упредив противника. Причем удар по Хазарии должен быть такой силы, чтобы каганат был сокрушен раз и навсегда, а вопрос о торговых путях и славянских землях на Востоке больше не поднимался. Нужно разmozжить голову супостату! Одним ударом! Навсегда! Поэтому киевский князь планирует войну на уничтожение и готовится к ней должным образом. А в свете изложенного мы видим, что ситуация для Хазарии складывалась таким образом, что встал вопрос о самом существовании государства. Правящая верхушка каганата это прекрасно видела, а потому лихорадочно занималась поиском союзников. Но, увы, на помощь никто не пришел, соседи предпочли остаться в стороне и понаблюдать за развитием событий. Почти все. За одним исключением.

Когда «ведущий историк языческой Руси» рассказывает о походе князя-воина на Балканы, то при описании событий, происходивших в Болгарии, эмоции писателя буквально хлещут через край. Автор едва не захлебывается от собственного пафоса и восторга. А цель у всего этого многословия одна – показать, как болгары вместе с «братушками господаря Светослава» единым фронтом выступили против Византии. Писатель разве что не плачет слезами умиления, когда рассказывает о великой и трогательной дружбе двух «братских» народов, при этом забывая упомянуть, то ли по незнанию, а то ли по злему умыслу, один примечательный факт, который

упрямо не хочет вписываться в его концепцию всеобщего славянского единения. В.Н. Татищев, пользовавшийся Иоакимовской летописью, конкретно указывает, что «болгары помогали казарам».

Татищев для Прозорова – авторитет непререкаемый, а потому опровергать Василия Никитича Льву Рудольфовичу смысла не было. И вот тогда Ледокол Язычества решил промолчать. Благо не всякий полезет проверять его постулаты. Большинство ведь верят на слово, как джентльмену. Но мы не поленились, проверили, и вся яркая мозаика, сложенная неумным воображением писателя, рассыпалась на кусочки. Потому что и в помине нет братской дружбы болгар с русами, а есть помощь болгар Хазарскому каганату, при одном упоминании о котором у непреклонного язычника Озара глаза наливаются кровью и дыхание сбивается с нужного ритма. Наверное, поэтому и не заметил Прозоров подлых действий «братушек», поскольку ни словом о них не обмолвился.

Хотя вряд ли эта помощь могла оказаться существенной, поскольку расстояние между двумя государствами было достаточно велико. Единственное, что могли сделать болгары для облегчения участи своих союзников, так это начать делать набеги на земли тиверцев и уличей, оттягивая на себя часть войск Святослава. По-другому они просто никак не могли напасть на русам.

В итоге дряхлеющий и ослабленный каганат оказался практически один на один против всей мощи молодой Киевской державы, поскольку момент для нападения на Хазарию Святославом, как уже отмечалось, был выбран идеально. И никакой языческой идеологии, а только трезвый политический и стратегический расчет.

Талант Святослава как правителя государства проявился еще и в том, что походу на Восток он сумел придать характер общегосударственного мероприятия, поскольку сокрушить каганат, который хоть и миновал пору своего могущества, с одной дружиной было нереально. Мало того, в целях повышения боеспособности своей армии Святослав должен был наберечь значительное число наемников, ибо цель, которую он выбрал, была велика, а сокрушить врага планировалось одним ударом.

Утверждение Прозорова о том, что «Святослав презирал наемщину», не стоит выеденного яйца, поскольку фактов, которые бы на это указывали, нет. Наоборот, вся деятельность первых киевских князей говорит о том, что наемников они использовали часто и охотно, причем как яростных бойцов с севера, так и неуловимых наездников с юга. А чтобы не быть голословным, приведем пару примеров.

Новгородский князь Владимир, сын Святослава, во время войны с киевским князем Ярополком призовет себе на помощь отряды варягов и викингов. После его смерти вновь возникнет противостояние Киева и Новгорода, причем Ярослав Новгородский вновь приведет свирепых воинов с берегов Балтики, а его противник Святополк наймет печенегов. Примечательным является тот факт, что те же варяги и викинги в значительном количестве оседали в Киеве и служили его князьям, среди которых Святослав вряд ли был исключением. Недаром Титмар Мерзебургский отметил, что часть населения Киева состоит «из быстрых данов; до сих пор они, успешно сопротивляясь сильно им досаждавшим печенегам, побеждали других». Епископ Титмар однозначно подразумевал под данами воинов из Балтийского региона, которые жили в столице Древнерусского государства. Святославу ничего не мешало призвать этих бесстрашных бойцов под свои стяги, а как мы помним, ни викинги, ни варяги за спасибо свои мечи никому не отдавали. Хотя в преддверии грандиозной схватки с Хазарией киевский князь вообще мог послать вербовщиков и на север, благо там всегда находились те, кому была охота напоить свои мечи кровью, а кошелек наполнить золотом.

К тому же, исходя из политических и стратегических соображений, Святослав должен был заручиться и поддержкой печенегов – непревзойденных наездников, которые из года в год сотрясали обветшавшее здание каганата. Лучше, чтобы эти степные стервятники были с ним в поисках добычи на вражеской земле, чем ударили в незащищенную спину, когда практически все княжеские полки покинут Русь.

И вот на этом месте руки сами невольно тянутся к фолианту в яркой обложке, чтобы узнать, а что же думает по этому вопросу Лев Рудольфович и каким открытием он нас на этот раз ошарашит. Писатель не разочаровал и с лихвой оправдал ожидания: «Помощь в войне против каганата оказали и старые вассалы отца Святослава, печенеги. Именно Ибн Хаукаль, как мы помним, называл их «острием в руках русов». Откуда Прозоров взял информацию о том, что печенеги «старые вассалы отца Святослава», про то одни древние боги ведают, в источниках об этом информации нет никакой. Наоборот, в Ермолинской летописи содержится конкретное указание на то, что князь

Игорь именно НАНИМАЛ печенегов: «Русь идет на тя и **Печенег наняли суть**». Как видим, ни о каких вассалах даже речи нет. Да и «наемщину» отец Святослава явно не презирал, хотя был таким же ярым язычником, как и его сын, а потому и у Святослава не было никаких оснований относиться к наемникам иначе.

Располагая отличной пешей ратью и боеспособной тяжелой дружинной конницей, молодой князь должен был что-то противопоставить стремительным и мобильным хазарским конным лучникам. В противном случае он рисковал повторить судьбу персидского царя Дария I, который не нашел адекватного ответа на действия легкой конницы скифов. В данном вопросе Святославу не надо было ничего изобретать, а просто достаточно было обратиться к опыту отца. Что, судя по всему, молодой князь и сделал, наняв печенежскую орду и выставив степных наездников против хазарских легких всадников.

Теперь рассмотрим те причины, которыми мог руководствоваться Святослав, когда вместе с воеводами составлял план предстоящих боевых действий.

По большому счету, у князя было всего два пути на столицу каганата Итиль, весь вопрос был в том, какой из них приведет к цели с наименьшими потерями. Более короткий вариант предусматривал движение через степи к Дону, а оттуда к Волге. Но здесь было два очень нехороших момента. Во-первых, движение через степи подразумевало маневренную войну с хазарской конницей, и хоть Святослав противопоставил ей печенегов, но различные ловушки в виде отравленных колодцев и подожженной травы его явно не прельщали. С другой стороны, достигнув Дона, русская рать упиралась в линию хазарских крепостей, и если через нее не удавалось с ходу прорваться, то у Святослава возникали серьезные проблемы. Киевскому князю предстояло сделать выбор – либо брать эти крепости в осаду и терять драгоценное время, либо оставить их в тылу и продолжить движение вперед. Однако оба варианта были самоубийственны.

В первом случае, если русы увязнут под Саркелом и другими донскими крепостями, на выручку осажденным могла явиться главная армия кагана и ударить по воинству Святослава. Киевская рать в этом случае окажется зажатой с двух сторон и будет вынуждена вести борьбу на два фронта. При таком раскладе шансы сына Игоря на победу в этой войне резко сокращались.

Если же Святослав оставлял эти крепости в тылу и продолжал движение на Итиль, то и это не было выходом из положения. Хазарские гарнизоны запросто могли перерезать растянутые коммуникации русов, а затем своими активными действиями оказать существенную помощь главной армии Хазарии. Вновь киевская рать оказывалась между двух огней, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В итоге от движения через степи Святослав и его воеводы отказались, остановившись на другом варианте удара по каганату.

Этот путь был значительно длиннее, но зато исключал разные неожиданности, поскольку лишал конное хазарское войско главного преимущества – маневренности. Дело в том, что Святослав планировал двигаться по рекам – Оке и Волге, через земли вятичей, волжских болгар и буртасов, имея намерение атаковать каганат с севера. Этот маршрут имел ряд преимуществ.

Во-первых, двигаясь этим маршрутом, князь выводил вятичей из-под власти кагана, лишая его казну дани, а армию – подкреплений. Во-вторых, создавалась непосредственная угроза зависимым от хазар волжским болгарам и буртасам, перед которыми вставал непростой выбор. Либо идти на помощь армии каганата и оставить свои земли без защиты, либо оставить войска на месте, но при этом бросить союзника на произвол судьбы. Причем и в том и в другом случае в выигрыше оказывался Святослав, поскольку он или беспрепятственно проходил по недружественным территориям, или же громил своих врагов по одному.

Но самое главное заключалось в том, что при таком маршруте киевской рати и хазарам не было никакого смысла идти на север и вместе с волжскими болгарам и буртасами встречать врага на подступах к своим землям. Ведь в этом случае они просто отрывались от своих городов с огромными запасами оружия и продовольствия, а также лишались поддержки городских ополчений. К тому же существовала реальная опасность того, что, как только хазарская армия уйдет на север, в междуречье Волги и Дона вторгнутся союзные Святославу печенеги, и вот тогда правителям Хазарии просто некуда будет возвращаться! Ведь печенегам только дай разгуляться! Особенно когда нет силы, способной им противостоять, и когда некому удерживать их на коротком поводке. Причем последнее под силу лишь избранным.

В результате получалось, что бы каган-бек в данной ситуации ни сделал, все было плохо, и потому, выбрав из двух зол меньшее, он решил никуда армию не вести, а стал стягивать войска

между Доном и Волгой. И даже когда прозвучало грозное «Иду на Вы!», хазарский полководец не сдвинул свою армию с места. Решил – буду ждать.

Ждать так ждать, и это ожидание в какой-то степени было хазарам на руку, поскольку в главный лагерь постепенно подтягивались войска из Закавказья, а также подходили дружины тарханов и беков из дальних кочевий. Давайте посмотрим, что кроме ал-ларисии мог на поле боя каган-бек противопоставить Святославу. А противопоставить он мог легкую конницу «черных хазар», тяжелую кавалерию знати и отряды городских ополчений. В легкой кавалерии служили представители небогатых слоев общества, а их вооружение было традиционным для степных народов: лук, стрелы, нож и боевой топорик. Доспехов эти воины не носили, а в качестве защиты от стрел использовали небольшие, обтянутые кожей плетеные щиты. Соответствующей вооружению была и тактика – ведение боя на дальней дистанции, неожиданные атаки, когда вражеские войска растянутся на марше, дальняя разведка.

Защитное снаряжение тяжелой кавалерии, или, как их еще называли, «белых хазар», также было традиционным – кольчуги и клепанные из пластин шлемы с бармицей, которая защищала шею, плечи и подбородок. Помимо кольчуги, тело всадника защищали наплечники, наручи и поножи, а также он использовал круглый деревянный щит диаметром от 70 до 80 см. Длительные войны с арабами не прошли даром для хазар, и со временем у них появляются и пластинчатые доспехи, и литые арабские шлемы – но в очень небольшом количестве. Вооружены были беки и их дружинники длинными копьями и кривыми однолезвийными мечами и саблями, а также ударным оружием.

Если же говорить о городских ополчениях, то по своим боевым качествам они значительно уступали хазарской кавалерии, но вполне могли сгодиться как основа боевого порядка. А если к перечисленным выше войскам прибавить ал-ларисию, то мы увидим, что у Хазарии было что противопоставить киевским дружинам. Проблема заключалась в том, как всеми этими силами распорядится каган-бек.

О самом походе Святослава на Восток известно совсем немного, но мы можем предположить, что основная масса воинства отправилась на ладьях, а конница шла берегом. Маршрут пролегал сначала по Днепру, а затем по Десне и Сейму до Курска и уж оттуда волоком до Оки. Первое летописное упоминание Курска содержится под 1032 годом, но это не значит, что никаких поселений ко времени хазарского похода в этом регионе не существовало. Князь вполне мог дать войскам отдых именно здесь, а пока ратники отдыхали, согнать на работы по переноске ладей местное население. Чего зря своих бойцов утруждать, ведь вся их основная работа еще впереди!

Что же касается численности княжеской рати, то вряд ли она было меньше, чем та, которую повел на Византию его отец, князь Игорь, в 941 году, – 1000 ладей по 40 воинов в каждой. А ведь были еще и печенеги, но скорее всего, на первом этапе похода Святослав планировал обойтись без них. Встреча с ними должна была состояться позже, когда княжеская рать минует землю вятичей, пройдет по владениям бургасов и Волжской Болгарии и изготавится для решающего броска на каганат. А пока на передний план выступали взаимоотношения с вятичами. Печенеги были в этом деле не лучшие помощники, поскольку в лесах от степной конницы толку никакого. Да и к вятичам кочевники до этого не совались ни разу, не их это была стихия.

О пребывании Святослава в землях вятичей «Повесть временных лет» под 964 годом сообщает очень кратко: «И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам – по щелягу с сохи даем» («Повесть временных лет»). И все! Даже о том, что сказал Святослав вятичам на их ответ на его вопрос, нет ни слова!

Но переговоры наверняка были. И явно, что это был не монолог. Вятичи не мальчишки из «Пионерской зорьки», их за леденец не купишь. Они ясно представляли, куда направляет свои стопы киевское войско, и твердо знали, как их решение может повлиять на исход всего похода в целом. Но с другой стороны, они также явственно осознавали, чем для них может закончиться борьба за чужое счастье. Зато у Святослава был лишний козырь в рукаве. Князь усмирил свой крутой нрав, не угрожал и не пугал своих собратьев по крови. Скорее всего, сын Игоря пошел на заведомую хитрость. Велика вероятность того, что его послы намекнули старейшинам на то, что вятичи могут сохранить независимость от Киева, и поэтому сейчас нет необходимости лить как свою, так и чужую кровь. Это не их война.

Понятно, что подобное заявление, если таковое и прозвучало, вятичи встретили восторженно, а потому, когда князь обратился к ним с призывом пополнить ряды его рати в преддверии похода на

богатую Хазарию, отбоя от желающих не было. Но добровольцы и понятия не имели, что уже к этому моменту Святослав рассматривал их как своих подданных, просто еще не пришло время наложить на них свою тяжелую руку. Этим можно было заняться и позже. Каждому фрукту свой черед.

Терять своих воинов в этих дремучих лесах для князя не имело смысла, ему гораздо выгодней было в данный момент иметь вятичей союзниками, чем врагами. Поэтому в сообщении летописца полностью отсутствуют эпитеты типа «дань наложил» и «покорил», которыми изобилуют летописные известия о походах в славянские земли Вещего Олега. Летописцы довольно четко фиксировали те случаи, когда та или иная земля подпадала под власть Киева.

Так что в 964 году **боевые** действия против вятичей не велись. О них упоминается уже под 966 годом: «В год 6474. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил» («*Повесть временных лет*»). Через пару лет после своей блестящей победы киевский князь вернулся в эти земли вновь и закончил не доведенное до конца дело. Так в государство Русь влилось еще одно сильное славянское племя.

Получив возможность, киевское войско без лишних тягот и нервов перезимовало в дружественных землях и к тому же пополнило свою рать добровольцами. Причем вывести свои полки на исходные рубежи для атаки на каганат Святослав мог спокойно и беспрепятственно. А атака эта должна была быть стремительной и разящей, поскольку молодой князь хотел сокрушить Хазарию одним мощным ударом, задумав самый настоящий блицкриг. И что бы теперь противник ни предпринял, стратегическая инициатива была уже в руках у молодого полководца. Ради такого дела и с покорением вятичей можно было повременить.

Был и еще один момент, о котором, на наш взгляд, необходимо упомянуть. Расположив свою рать на зимовку во владениях вятичей, Святослав мог свободно заниматься сбором информации об этой обширной земле. Княжеские люди могли не спеша, вдумчиво и неторопливо разведать все важные секреты этой последней непокоренной славянской земли. Все важнейшие дороги и самые тайные тропы, местоположение городов и количество жителей, их населяющих, а также нахождение главных капищ и святилищ. И что очень важно, выведать мысли самых авторитетных людей земли – жрецов и старейшин, узнать их думы о будущем, выявить потенциально опасных личностей, а также тех, кто со временем может стать киевскому князю если и не другом, то хотя бы верным помощником. Святослав тщательно готовился к будущей войне со своими нынешними союзниками, но умело это от них скрывал.

И лишь только наступила весна, он повел свою рать на каганат.

Рассказ «Повести временных лет» об этом судьбоносном событии так же краток, как и рассказ о пребывании Святослава в землях вятичей, но тем не менее он дает достаточно полную картину этого грандиозного похода: «В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов».

Из данного текста мы видим, что, по большому счету, исход войны с каганатом был решен одним сражением, на которое сделали ставку как хазары, так и Святослав. Причем каган-бек не стал отсиживаться за стенами городов, а гордо вышел навстречу русам. Мало того, желая поднять боевой дух своих войск, он потащил на поле боя и Божественного кагана, прервав его вынужденное затворничество. А это, по понятиям тех же хазар, было вообще из ряда вон. Такое действие можно приравнять к святотатству. И не случайно этот факт был зафиксирован русскими летописцами, которые дружно отметили, что хазары выступили именно с «князем Каганом», который олицетворял страну. Каган-бек полностью отдавал себе отчет в том, к каким последствиям может привести поражение в решающей битве, а потому ради победы задействовал все возможные ресурсы.

Ну а что же Святослав? Задолго до встречи с самим каганом князь решил пощекотать нервы его потенциальным союзникам и надолго отбить у них охоту связываться с Русью. Ранней весной 965 года он начинает стягивать переждавшие зиму в землях вятичей полки в один кулак и готовить их к наступлению на Хазарию. И как только Ока и Волга стали судоходными, киевская рать выступила в поход. Святослав был прекрасно осведомлен о том, что ни буртасы, ни волжские болгары не послали свои отряды на помощь каган-беку, а потому ему выпал шанс разгромить всех своих врагов по одному. Но сделать это надо было с наименьшими потерями, поскольку в канун решающего столкновения с хазарами князь не хотел терять своих воинов.

Первый удар русы решили нанести по Волжской Болгарии, причем исход этой борьбы Святослав и его воеводы надеялись решить одним сражением. Понимая, что просто так вряд ли болгары вступят в бой с грозной ратью князя удалого, было решено взять в осаду один из их крупных городов, а все земли вокруг подвергнуть планомерному разорению и опустошению. Надеясь при этом, что такой ход событий подвигнет волжских болгар на битву с захватчиками. План сработал. Причем одним из главных залогов успеха стало то, что Святослав владел инициативой. Обладая многочисленной ладейной флотилией, князь значительно увеличивал мобильность своих войск, поскольку мог запросто перебрасывать полки по мере необходимости с одного берега Волги на другой.

В русских летописях нет сведений о том, как развернулись боевые действия на территории Волжской Болгарии, но зато в нашем распоряжении есть сообщение арабского историка и географа Ибн Хаукаля. Вот что в нем говорится: «Булгар – город небольшой, нет в нем многочисленных округов, и был известен тем, что был портом для упомянутых выше государств. **И опустошили его русы, и напали на Хазаран, Самандар и Итиль**». У ученого араба четко прописано, что Булгар был взят киевским воинством накануне вторжения в земли каганата. Вполне возможно, что именно после того, как наши предки в нем побывали, Булгар и стал небольшим городом.

Правда, уроженец города Балх географ аль-Балхи (850-934) утверждал, что в Булгаре после нападения русов проживало 10 000 жителей, а это не так уж и мало. Но тут уже можно вспомнить фразу из известного фильма: «У каждой губернии свой масштаб».

Как бы там ни было, а город был сожжен, и вполне вероятно, что около него потерпела поражение болгарская рать, поскольку никаких сведений о том, что войска Волжской Болгарии в дальнейшем принимали участие в боевых действиях против русов, мы не имеем. Однако и Святославу не было никакого смысла вступать с «серебряными болгарями» (так иногда называли волжских болгар) в длительное противостояние, ему просто необходимо было выбить их из войны. Отложив завоевание и этой страны «на потом», князь продолжил движение вниз по течению Волги, направляя острие атаки на столицу Хазарии – Итиль.

Далее на пути русов лежали земли буртасов, однако находились они на правом берегу Волги, и Святославу вновь пришлось перевозить свои войска через реку. Ведь буртасов, как и волжских болгар, необходимо было исключить из числа тех, кто мог оказать помощь Хазарии. Но переправляться пришлось бы в любом случае, ведь именно на западном берегу была назначена встреча киевской рати с печенежской ордой. Однако сил тратить на буртасов не пришлось. Вести по степи разлетаются быстро, и особенно вести плохие. Прознав о том, что случилось с волжскими болгарями, буртасы просто покинули те места, которые могли оказаться в пределах досягаемости княжеских полков. Желания проверить остроту мечей киевских дружин буртасы не испытывали, они предпочли разбежаться кто куда, раствориться в степи и переждать русскую грозу. Потому что в искусстве ведения войны этот народ уступал как хазарам, так и волжским болгарам, и противопоставить русам на поле боя им было просто нечего.

В итоге киевское войско просто прошло по их землям и беспрепятственно соединилось с конницей печенегов, после чего продолжило планомерное наступление на юг. Между тем с низовьев Волги началось уже встречное движение хазарской армии, и две волны покатались навстречу друг другу. Столкновение стало неизбежным.

Мы не знаем, где именно произошло это судьбоносное сражение, решившее судьбу Хазарского каганата, но в том, что оно было кровопролитным и яростным, сомневаться не приходится. Тем большее удивление вызывает то, что находятся исследователи, которые отрицают сам факт этого сражения. Битва была, и не имеет значения то, что с умным видом вещают различные теоретики, поскольку в летописи черным по белому написано: «и сошлись биться, **и в битве одолел Святослав хазар**». Об этом же свидетельствует и В.Н. Татищев, использовавший в своем труде сведения из Иоакимовской летописи: «И после долгого и мужественного обоюдно сражения одолел Святослав». Та же самая информация содержится и в других летописных сводах: «И съступишася на бой, и бысть брань и одоле Святослав» (*Никоновская летопись*) . «И съступишася на бои, и бысть брань, одоле Святославъ Козаромъ» (*Новгородская I летопись младшего извода*) . В остальных летописях представлена точно такая же информация. Конечно, можно в лучших традициях последних лет объявить все наши летописи сфальсифицированными, а летописцев вредителями, которые выполняют заказ некоего дяди, не сильно хорошо говорящего

по-русски, но сути дела это не изменит. Вооруженные силы Хазарии были разгромлены наголову. Ал-ларисиям не суждено было остановить и разбить русские полки, им оставалось только умереть на месте. Как мы помним, гвардейцы были не робкого десятка, война была их стихией, а бегство с поля боя они считали позором. Ал-ларисии берегли свою честь не меньше русов. Святославу же пленные в данный момент были не нужны, особенно мусульманские гвардейцы, а Свенельд лучше других знал, как надо поступать в подобных случаях. Больше об ал-ларисии в работах арабских и иранских историков упоминаний нет, потому что русская дружина их стерла в порошок. С гибелью этих храбрых воинов оборона страны рухнула и началась агония некогда великой державы.

О том, что произошло после битвы, мы можем узнать, если сопоставим сведения наших летописей с арабскими источниками. Хотя, с одной стороны, здесь как раз и начинаются разночтения. Дело в том, что по Лаврентьевскому списку «Повести временных лет» мы узнаем, что Святослав после разгрома хазар на поле боя «и град ихъ и Белу Вежую взя». То есть киевский князь захватил их столицу Итиль и крепость Саркел, которую русы впоследствии назовут Белой Вежей. Вроде бы все понятно, но дело в том, что по Ипатьевскому списку «Повести» эта информация выглядит несколько иначе: «и городъ ихъ Белу Вежую взя». Как видим, здесь речь идет конкретно о Саркеле, поскольку больше никакой город не подразумевается. Сразу же возникла версия о том, что автор Лаврентьевского списка допустил ошибку, а буква «и» попала в летописный текст случайно. И понеслось!

До сих пор идет полемика о том, каким образом князь Святослав умудрился за время одного похода захватить Саркел, а попутно разгромить Итиль и Семендер. Каких только теорий не выдвинули! Одни исследователи придерживаются той точки зрения, что после победы над армией Хазарии Святослав сразу же атаковал Саркел и взял его и лишь потом пошел на Итиль и Семендер, а затем на ясов и касогов (*В. Каргалов*). Другие, и среди них В. Мошин, полагают, что было вообще два разных похода – сначала на крепость Саркел и лишь через год на Волгу, Кавказ и Тмутаракань. Третьи, в частности А. Королев, вообще утверждают, что разгром Хазарии это не заслуга Святослава. По его «авторитетному» мнению, князь-воин просто прогулялся вдоль границ каганата, где мог, понакусал их, разгромил Саркел и затем убрался к Черному морю. Видимо, утомившись от трудов ратных, решил Святослав искупаться немного и позагорать. А ходил на Волгу, уничтожил Итиль и добил каганат некий неизвестный отечественной исторической науке славянский князь в 968-969 годах, очередной загадочный «некто» нашей истории.

А. Новосельцев высказал предположение о том, что решающий удар по Итилю и соседним землям нанесли тюрки-огузы, а не русы. В том, что после разгрома, учиненного князем Святославом каганату, туда ринулись тюрки в поисках добычи, сметая все со своего пути, можно не сомневаться. А в том, кто нанес хазарам нокаутирующий удар, сомневается разве что сам А. Новосельцев.

Впрочем, выдумывать различные фантазмагорические теории и выдавать их за истину в последней инстанции гораздо легче, нежели просто проанализировать источники, сопоставить факты и постараться понять подоплеку происходящих событий. Не надо ничего придумывать, а достаточно просто внимательно посмотреть на стратегию и тактику Святослава, и все сразу же станет понятным. Дело в том, что во время кампании на Балканах, в преддверии атаки на Константинополь, князь разделит свою армию на два отряда и будет вести наступление на Царьград с разных стратегических направлений. Это будет ключевой момент войны с Византийской империей, а потому вряд ли Святослав стал бы так рисковать, разделяя свои войска. Сделать это он мог только в одном случае – если уже использовал подобную стратегию, а она при этом себя полностью оправдала. А кроме как в войне против Хазарии оттачивать свое полководческое мастерство киевскому князю было просто негде. И потому мы можем предположить, что сразу же после того, как армия Хазарии была разбита вдребезги, Святослав разделил свою рать и нанес одновременно удар по двум направлениям – на Саркел и Итиль.

Надо думать, что основания для такого решения у Святослава были, поскольку часть хазар могла прямо с поля боя отступить в Итиль, а часть – бежать по направлению к Саркелу. Вряд ли все хазарские полководцы полегли на поле боя, а потому существовала вероятность того, что как в столице каганата, так и в придонских крепостях они постараются собрать новые войска. Вот тут и вставала перед Святославом дилемма: если он поведет рать на Саркел, то даст время своим врагам укрепиться в Итиле, а если поведет полки на столицу Хазарии, то этим неизбежно воспользуются хазары в придонских крепостях. Потому князь принимает решение разделить свою рать на две

части и, пока противник полностью деморализован и не оправился от сокрушительного поражения, добить его окончательно.

Что в итоге и произошло. Велика вероятность того, что командующим над отрядом, который должен был идти на Итиль, а затем на древнюю столицу каганата Семендер, был назначен Свенельд. И по авторитету, и боевому опыту он явно был вторым человеком после Святослава в войске русов, но был еще один немаловажный момент, почему именно он, а не кто-то другой получил это назначение. Дело в том, что, как вы помните, именно Свенельд командовал русами во время легендарного похода на Бердаа, куда он ходил с благословения князя Игоря, потому что, как никто другой, знал предполагаемый театр военных действий. По замыслу Святослава удар его дружин должен был обрушиться не только на Итиль, но и на Семендер, который находился в том же регионе. Финансовое благополучие каганата держалось за счет его богатых городов, а раз так, то они и должны были пострадать от русов в первую очередь.

Что же касается самого Свенельда, то эта фигура в истории Древней Руси по своей противоречивости, неоднозначности и значимости вполне сопоставима с фигурой Вещего Олега. Мифов, легенд и версий вокруг нее скопилось не меньше, чем вокруг легендарного князя. Да и недосказанности много. Ведь древние летописцы следили в первую очередь за князьями и теми событиями, которые увековечивали их деяния. Но Свенельд здесь является исключением. Неспроста он упоминается в летописях достаточно часто, что только лишний раз подчеркивает его значимость. Свенельд обладает достаточной самостоятельностью, так повелось еще с Игоревых времен, а потому командование крупным воинским контингентом ему не в новинку.

Сам же Святослав планировал вести часть пеших ратников, конные дружины и печенегов к Дону, туда, где хазарские полководцы, опираясь на линию крепостей, могли собрать новое войско и вступить в новое противостояние с русами. Но планы князя простирались гораздо дальше ликвидации хазарских крепостей в донских степях, конечной точкой похода он уже видел богатую Таматарху (Тмутаракань). Крепко встать на Таманском полуострове и нависать над византийскими владениями в Крыму – вот о чем теперь мечтал князь-воин. Теперь на первое место выступал фактор времени, поскольку все зависело от того, успеют хазары собрать на Дону новое войско или Святослав им этого не позволит сделать.

А потому, как только закончилась битва, воины Свенельда погрузились на ладьи и двинулись вниз по Волге на Итиль, благо что плыли по течению и усталым бойцам не было необходимости грести. Зато появление русов под стенами столицы Хазарии было сюрпризом для ее жителей, и сюрпризом неприятным, здесь так быстро завоевателей явно не ждали. Стремительный рейд ладейной рати Свенельда застал хазар врасплох, поскольку никто и предположить не мог, что после тяжелой битвы русы смогут совершить столь молниеносный бросок.

О том, что происходило в столице Хазарии, когда на реке появились ладьи Свенельда, мы можем только догадываться. Вполне возможно, что большая часть населения успела покинуть город, но вот вывезти свое имущество горожане явно не успели. Также неизвестной осталась и судьба кагана – то ли пустился в бег, то ли его прикончили сами хазары, поскольку Божественный явно не справился со своими обязанностями и не уберек страну от многочисленных бед.

Когда ладьи русов причалили к берегу и княжеские ратники рассыпались по городу подобно гороху, сопротивления им никто не оказал. Начался безудержный грабеж столицы каганата. А на добычу Свенельду всегда везло. Не видя никаких препятствий и ловушек со стороны врага, воевода спокойно дал русскому воинству время, чтобы поскрести по хазарским сусекам, и предоставил ратникам возможность личного обогащения. И, судя по всему, русы подошли к этому делу с таким неподдельным энтузиазмом, что разгромили столицу Хазарии так, что от прежнего величия и славы остались только дым и пепел. Даже когда впоследствии часть жителей вернулась на это пепелище, то жизнь там, едва начав теплиться, вскоре совсем затухла. Разрушив и разграбив Итиль, а также дав своим усталым от праздника жизни бойцам небольшую передышку, Свенельд снова выступил в поход. Наступила очередь Семендера.

Точное местонахождение этого города пока не установлено. Одни ученые считают Семендером более поздний город Тарки, который возник на месте хазарской столицы и находится в районе Махачкалы. Другие полагают, что Семендер находился в окрестностях современного Кизляра, в нижнем течении Терека. Прийти к единому мнению пока не удалось, и, пожалуй, должно свершиться чудо, чтобы это произошло. Зато мы точно знаем о том, что же произошло в Семендере после того, как туда нагрянули наши воинственные предки.

Вот что сообщает об этом Ибн Хаукаль: «В Хазарии есть область, в ней город, называемый Самандар, он между ней и Дербентом. Были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали они около 40 тысяч виноградников. Я спрашивал о нем в Джурджане в 58 году у недавно бывшего в нем, и сказал тот, кого я спрашивал: «Там виноградник и сад такой, что был милостыней для бедных, а если и осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма». А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев других религий и идолопоклонники, и ушли все они, но вследствие достоинств их земли и хорошего их дохода не прошло и трех лет, и стало, как было. Были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег эти на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, булгар и буртасов, и захватили их».

Исходя из приведенного выше текста, мы можем утверждать, что бывшая столица каганата была капитально разгромлена, недаром арабский историк отметил, что даже виноград и изюм истреблены полностью, «если и осталось там что-нибудь, то только лист на стебле». О дальнейшем маршруте киевского воеводы можно говорить только предположительно, но скорее всего, что, погрузив добычу на ладьи, он выступил на север, до устья Кумы. А уж там его войска двигались частью по реке, частью вдоль берега на запад, на соединение с полками Святослава.

А чем в это время занимался сам князь? Перед Святославом стояла задача гораздо более сложная, чем перед Свенельдом, поскольку хазарские гарнизоны на Дону всегда находились в состоянии боевой готовности и в любой момент могли дать отпор врагу. Если их все стянуть в Саркел, то тогда крепость превратится в такой крепкий орешек, который даже киевский князь не сумеет разгрызть. Хазарские полководцы надеялись на мощные укрепления Саркела, которые давали им шанс продержаться до осени, а там, когда испортятся погодные условия, можно было рассчитывать на то, что Святослав снимет осаду и уберется со своей могучей ратью обратно в Киев. Не будет же он всю зиму под стенами крепости в степи торчать!

Да и печенеги тоже не смогут долго стоять под Саркелом, в итоге они все равно рассыплются по степи горохом в поисках хазарских кочевий, где есть шанс взять добычу. И как знать, возможно, тогда сможет активизировать свои действия тудун Таматархи и приведет войска на помощь соплеменникам, которые будут сидеть в осаде.

План хазарских военачальников был хорош, и единственное, что могло им помешать в его осуществлении, так это то, что все эти гарнизоны были раскиданы по крепостям. А ведь на то, чтобы собраться в одном месте и под единым командованием, хазарам нужно было время. Но его-то Святослав своим противникам и не дал. Главные силы русов вскоре обложили Саркел и после ожесточенного штурма взяли крепость. Военный разгром Хазарского каганата стал свершившимся фактом.

Для хазар все рухнуло сразу и бесповоротно. Из придонских крепостей уходили гарнизоны – кто-то спешил укрыться в Таматархе, кто-то надеялся переждать грозу в степях. Никто больше не собирался вступать в бой с победоносными полками киевского князя, военная слава Хазарии померкла навсегда.

Это понимал и Святослав, а потому и дал наконец отдых своим войскам, которые были измучены длительным походом и тяжелыми боями. То, что Саркел был переименован в Белую Вежу и в нем был оставлен значительный гарнизон, может свидетельствовать лишь об одном – киевский князь хотел сделать его своим опорным пунктом для дальнейшего продвижения на Восток. Крепость идеально подходила для того, чтобы держать под контролем донские степи и сдерживать натиск кочевников. Ведь при правильном подходе к проблеме Святослав мог бы попробовать закрепить за собой все захваченные территории, а заодно и добить Волжскую Болгарию. Для этого надо было просто быть последовательным в проведении своей политики на Востоке. Но, к сожалению, Святослав этого не сделал, остановившись на полпути, поскольку по ряду причин оказался вовлечен в военный конфликт с Дунайской Болгарией, который затем перерос в противостояние с Византийской империей. Центр политики Киевской Руси переместился на юго-запад, а все завоевания на востоке остались без должного внимания и в итоге оказались потеряны. Хотя сама Белая Вежа достаточно долго находилась в сфере влияния Руси, там даже был построен христианский храм, о чем свидетельствует надпись на стене Софийского собора в Киеве: «Тятыкюш, попин беловежский». Однако сама по себе крепость не могла существовать, поскольку, в отличие от хазар, которые построили по Дону целую линию крепостей, русы этим не озаботились. В 1117 году Белая Вежа будет уничтожена новыми степными

хищниками – половцами, которые придут на смену печенегам, и жизнь в ней больше не возобновится.

Но это произойдет не скоро, а пока Святослав готовился к походу на Таматарху. Скорее всего, именно в это время князь расстался с союзными печенегами, поскольку после уничтожения вооруженных сил Хазарии надобность в их услугах отпала. Да и ханы были рады, поскольку, получив свою долю, они могли заняться любимым делом – начать в степи охоту за хазарскими кочевьями. В итоге стороны расстались весьма довольные друг другом.

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, по какому маршруту князь-воин повел свою рать на Таманский полуостров. Сразу через земли касогов и ясов на Таматарху, или же сначала он пошел на соединение с отрядом Свенельда. Трудно сказать, как все выглядело на самом деле, поскольку летописец конкретно указывает, что касогов и ясов победил именно Святослав: «И победил ясов и касогов». И в том и в другом случае во главе войска был именно киевский князь, а потому и все победы связывались именно с его именем. С другой стороны, если рассматривать походы Святослава только по тем известиям, которые сообщают наши летописные своды, то мы в очередной раз увидим, что летописцев интересуют лишь деяния князя-воина, но никоим образом его воевод. Это следует как из описания похода на Восток, так и из рассказа о войне на Балканах. Так что, вероятнее всего, что, лишь соединившись с войсками Свенельда, Святослав начал вторжение в земли ясов и касогов. Под ясами и касогами русские летописцы всегда подразумевали аланов и адыгов, причем последних арабский историк и географ Аль-Масуди называет «люди из страны кашаков».

Если следовать летописным текстам, то мы увидим, что и ясы, и касоги оказали сопротивление киевским дружинам, поскольку Святослав их именно «победил», «а грады их разорил» (В.Н. Татищев). Однако и у тех и у других не было никаких шансов против объединенной рати русов, которая подобно лавине двигалась на Таматарху, сокрушая все на своем пути. В Новгородской I летописи младшего извода содержится очень интересная информация о том, как закончилось вооруженное противостояние Святослава с этими народами: «И Ясы победи и Касоги, и приведе **Киеву**». И здесь, скорее всего, речь идет не о пленниках, которых взяли русы, ведь в противном случае летописец обязательно бы указал, что это «полон», либо не отметил бы этот факт вовсе. А значит, речь здесь может идти о военных отрядах, которые поступили на службу к киевскому князю и вместе с ним прибыли в столицу Руси. Что и подтверждает известие В.Н. Татищева: «...ясов и касогов победил, **из которых много привел в Киев на поселение**, а грады их разорил». Ведь просто так увеличивать население Киева князю не было никакого смысла, там и так было достаточно народу, а вот привести с собой и поселить в столице этих искусных бойцов, которые участвовали бы в дальнейших его походах, было как раз в духе Святослава.

С другой стороны, после того как закончились боевые действия против ясов и касогов и пришло время заключать с ними мир, в качестве одного из условий князь мог выдвинуть участие касожских и яских воинов в его дальнейших военных предприятиях. Но опять-таки в этом не было ничего необычного, подобная практика была в те времена в порядке вещей.

И вот наконец русские стяги увидела под своими стенами древняя Таматарха, которая в античный период называлась Гермонасса, а в дальнейшем – Тмутаракань. Население Таматархи, как и в других городах каганата, было этнически разнородным, поскольку проживали в нем хазары и греки, славяне и представители народов Кавказа. Соответственно, со всей пестротой была представлена и религия – горожане исповедовали христианство, иудаизм и язычество.

О том, что происходило в Таматархе, когда к ней подошли полки победоносного князя, древние манускрипты молчат. Был ли штурм города или же горожане сами открыли ворота русам, можно только гадать. Важен конечный результат – Таматарха была захвачена, часть хазар была перебита, а остальные сумели удрасть по морю. И объявились они не где-нибудь, а в Дунайской Болгарии, где вместе с болгарам будут сражаться против войск Святослава, когда киевский князь приведет свои дружины на Дунай. Лишнее подтверждение тому, что никакой трогательной русско-болгарской дружбы в те времена и в помине не было, зато существовал союз между Дунайской Болгарией и Хазарским каганатом. Что же касается Таматархи, то теперь она стала русским городом Тмутараканью и на долгое время вошла в сферу влияния Древнерусского государства.

Теперь же настало время подвести итоги.

Главным итогом грандиозного похода Святослава на Восток стало то, что Хазария навсегда была выбита из разряда великих держав и неуклонно покатила навстречу своей гибели, которая

не заставила себя долго ждать. Резко изменилась и экономическая ситуация в регионе. В книге «Варяги и Русь» об этом сказано так: «В результате походов Святослава 964-965 гг. болгарской торговле был нанесен тяжелый удар, а Хазарское государство уничтожено. Перерезанный вскоре печенегами Волжский путь практически перестал играть роль основной торговой магистрали. С этого времени главной линией коммуникаций становится Волховско-Днепровский путь «из варяг в греки», находящийся в монопольном распоряжении киевской великокняжеской власти. Основные материальные результаты торговли со Средиземноморьем концентрируются в Киеве.

Происходит перестройка путей и центров. Международное купечество чутко реагировало на изменение ситуации вдоль Волжско-Балтийского пути. Ибн Хаукаль, охарактеризовав размах меховой торговли «русов», специально оговаривает: «Так было до года 358 (965), потому что в тот год Русь разрушила города Булгара и Хазарана».

Другим результатом похода стало то, что в итоге под властью Киева оказались все славянские земли, поскольку уже на следующий год Святослав покоряет вятичей. Круто изменилась и международная ситуация, потому как византийские базилевсы с удивлением обнаружили около своих крымских владений новую грозную силу. Позиции Руси резко усиливаются в Северном Причерноморье, а это означает только одно – столкновение с Византией, у которой в этом регионе свои интересы, не за горами. Правящую верхушку Империи не на шутку встревожило и то, что теперь их соседом стал дерзкий и целеустремленный правитель, блестящий полководец, в распоряжении которого была одна из лучших армий эпохи.

Что же касается самого Святослава, то во время похода на Восток князь проявил блестящие тактические и стратегические способности, умение быстро ориентироваться в ситуации, а также показал себя не только зрелым полководцем, но и дальновидным политиком. Особенно ярко это проявилось в его отношениях с вятичами, которых он в борьбе с Хазарией привлек на свою сторону, а затем подчинил власти Киева. Святослав подготовил отличный плацдарм для дальнейшего продвижения на Восток, и следующим логическим шагом в этом направлении было завоевание Волжской Болгарии и закрепление на новых территориях. У князя для этого были все возможности, но, к сожалению, этого не произошло, поскольку по ряду причин Святослав оказался вовлечен в военный конфликт на юго-западе.

Казалось бы, все ясно и понятно, но тут как чертик из табакерки выскакивает «ведущий историк языческой Руси» и начинает вдохновенно бубнить: «Святослав достойно продолжил дело отца и его воспитателя, Вещего Олега. Не Дон, а Волга стала при нем восточным рубежом Русской земли». Хочется задать Льву Рудольфовичу прямой вопрос: а с чего собственно вы взяли, что именно Волга стала восточным рубежом Древнерусского государства? Итиль и Семендер были разрушены до основания, и гарнизоны русы там не оставили, а в Волжской Болгарии Святослав не закрепился, поскольку просто прошел через ее земли. Зато самая восточная русская крепость Белая Вежа стоит как раз на Дону. А означает только одно – увы! – что по Волге граница Русской земли не могла проходить по-любому.

Что же касается Дона, то и его считать на данный момент границей Руси по меньшей мере глупо, поскольку в донских степях кочуют орды печенегов, которые и понятия не имеют о том, что Лев Рудольфович лихим росчерком пера лишил их как степных владений, так и независимости. Еще раз отметим, что для того, чтобы закрепиться на захваченных Святославом землях, нужна была целенаправленная политика Древнерусского государства, политика, рассчитанная на долгие годы и требующая громадных как материальных, так и людских жертв. А потому в той ситуации, которая вскоре сложилась в регионе, удержать такие огромные территории стало просто нереально.

И в свете изложенного невольно закрадывается одна крамольная мысль. О том, что подобно Гаю Юлию Цезарю Святослав тоже мог бы кратко и точно охарактеризовать свои достижения на полях бранных. Только вместо привычных «Пришел, увидел, победил» прозвучало бы нечто другое: «Пришел, увидел, победил, разорил, ушел».

Что же касается постулата о том, что Святослав достойно продолжил дело своих предшественников Олега и Игоря, то он не просто его продолжил, он их всех превзошел как политик и как полководец. Ведь до него подобный оглушительный успех не выпадал на долю никому из киевских князей.

Но Лев Рудольфович коварен, он тут же ошпаривает читателя очередным откровением, в котором говорится о том, что всю хазарскую добычу Святослав взял да и уничтожил из идейных соображений. «Слишком тяжелым было хазарское золото. Тяжелым, как восемь поколений убитых

или сгинувших в рабстве сородичей». Честно говоря, читая подобные опусы, становится даже обидно за князя-воина, который под талантливым пером настырного Льва превращается в простоватого дурачка, который ничего не соображает в управлении государством, верит самым разнообразным клятвам и в угоду идейным соображениям жертвует государственными интересами.

Нарисованный Прозоровым Святослав ложится спать и встает одержимый лишь одной идеей – как бы разнести свет язычества по всему миру, и лишь иногда задумывается о всеобщем славянском единении в мировом масштабе. А чтобы позаботиться о нуждах народа, об экономическом развитии государства – такое ему и в голову не приходит!

Теперь снова вернемся к хазарской добыче. Вот как рассуждает непритязательный в быту писатель, которому деньги и все, что с ними связано, явно ни к чему – по крайней мере, такой вывод напрашивается после прочтения его постулатов. «В Хазарии должны были скопиться невероятные сокровища. Вдумайтесь – страна два века была посредником, алчным мытарем в торговле Европы и Азии, подделывала арабские дирхемы, торговала людьми, вела грабительские войны. Хазария рухнула. Где же ее сокровища? Они не «всплывают» в экономике той или иной страны. Да рахдониты и не могли их вывезти – «легкий, как пардус» не дал им времени на сборы и бегство.

Победители каганата, русы Святослава, описанные Львом Диаконом, выглядят не богаче, а беднее русов Игоря, описанных Ибн Фадланом.

Так где же золото каганата?»

Лев Рудольфович в недоумении пожимает плечами, чешет лихорадочно «историческую голову», тщетно пытаясь найти ответ на мучивший его вопрос. Но когда его наконец озаряет, то мы понимаем, что ответ сей не поддается логическому объяснению и лежит в иной плоскости, которая даже не пересекается со здравым смыслом. Впрочем, как всегда, когда Прозоров не рассуждает о религии наших предков, а пытается изложить их политическую историю. В итоге мы узнаем, что по идейным и моральным соображениям Святослав велел всю добычу уничтожить.

Давайте в очередной раз взглянем на проблему под иным углом, без лирики, стенаний и патетики, которые являются характерной чертой творчества Озара Рудольфовича Ворона. Во-первых, прежде всего мы должны уяснить одну простую вещь – Святославу были нужны средства для дальнейших походов, которые он и оплачивал из того самого хазарского золота. Любая война требует колоссальных затрат, а уж тем более с такими противниками, как Дунайская Болгария и Византийская империя. Война на Балканах была очень дорогим удовольствием, и любому здравомыслящему человеку (кроме «ведущего историка») понятно, почему сокровища Хазарии «не «всплывают» в экономике той или иной страны.

Во-вторых, Святославу необходимо было закончить все дела с союзниками и наемниками. Надо было расплатиться с печенегами, поскольку они являются покорными вассалами киевских князей и воюют за спасибо только в неумемном воображении писателя Прозорова. А как говорится, спасибом коня не накормишь. Ведь нанять орду на время войны – это даже не пару сотен всадников нанять, это иные объемы, а значит, и иные расценки. Здесь на опт скидок не делают. К тому же надо было расплачиваться с викингами и варягами, а те свои мечи тоже за спасибо не продавали, ведь общеизвестно, что именно воины с Севера всегда отличались непомерной жадностью.

Но зато взамен они предлагают не просто свои мечи, свою храбрость и свою верность, они предлагают свою жизнь. Когда на весах такой размен, поневоле станешь «крохобором». Так что совсем не удивительно, что со временем викинги, норманны, варяги и алчность стали практически синонимами.

Но и легендарная жадность тоже взялась не на пустом месте. Дело в том, что северянам необходимо было держать марку. Уступишь один раз, так дальше и вообще платить перестанут. А викинг и живет только тем, что своим мечом добудет. Поскольку меч есть его средство для добычи хлеба насущного. Такая у него планида. Что на войне добыл, тем и живешь, а потому ничего другого не будет. Сеять и пахать эти прекрасные бойцы не обучены, да и негде и некогда им мирным трудом заниматься. Война, одна лишь война их поит и кормит.

Это Льву Рудольфовичу вольно делать из северных воинов бессребреников, которые утверждают: «мы не станем носить в кошельках мертвых друзей!». Достаточно просто просмотреть историю норманнских походов и понять, что всегда этими людьми двигали исключительно алчность и жажда наживы, которые иногда принимали поистине гомерические размеры, а

кошельки убитых друзей очень часто висели у них на боку. Потому и с этими отчаянными бойцами надо было киевскому князю расплатиться полновесной монетой.

Далее идет княжеская дружина, и если мы вспомним историю правления отца Святослава, то поймем, что если бы молодой князь таким неожиданным образом решил избавиться от хазарского золота, то собственные люди, преодолев свой страх перед грозным воителем, просто-напросто не дали бы ему это сделать. Против всей дружины ни один князь не пойдет, каким бы свирепым и идеологически подкованным он ни был. А поскольку Святослав всегда помнил, до чего довела князя Игоря жадность и какую роль в этом сыграла киевская дружина, то он бы никогда не сделал ту глупость, которую ему старается приписать Прозоров. Не были русские дружинники бескорыстными идеалистами, они воевали, как и все, ради славы и добычи. О чем недвусмысленно рассказывается в былине «Волх Всеславович», где наглядно показано, как главный герой делит трофеи:

Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

Где они, бескорыстие и идейность? Их нет, они только в фантазиях идейного Льва.

Ведь с древнейших времен главной целью походов киевских князей на Византию была в основном добыча, а не борьба за идею. Это четко зафиксировано в летописях, и не надо ставить все с ног на голову для того, чтобы доказать правоту своих абсурдных и ничем не подкрепленных теорий. Но была еще одна категория людей, которая не имела ничего против того, чтобы поживиться за счет хазарского золота. Это простые ратники, которые оказались на значительный срок оторваны от родных мест, которые все это время не растили хлеб, не занимались ремеслом и не промышляли охотой и рыболовством. А ведь им надо было заботиться о своих семьях, которые явно испытывали трудности, поскольку их кормильцы отправились на войну против хазар.

И вот является такой воин после длительного похода на родину, а дома шаром покати, дети голодные по лавкам сидят, на родителя смотрят. А тот с порога и заявляет: «Князь-то наш, Святослав Игоревич, золото да серебро хазарское, что на крови наших братьев славян этими кровопийцами было добыто, уничтожил. Посовестился и сам его брат, и нам не отдал. Давайте, детишки, еще поголодаем, затянем пояса потуже, пока новый урожай не поспеет. Уж лучше голодну быть, чем тем кровавым златом пользоваться, а там как Боги дадут!» И после такого заявления вся голодная крестьянская семья, идейно вдохновленная отцом и мужем, отходит ко сну, радуясь в душе, что пусть они бедные, пусть голодные, но честные, на чужое добро не посягнувшие. А голод, он что, главное, кормилец вернулся да Хазария, чудо-юдо поганое, с земли исчезло, растаяло.

Вот как-то так должно все это выглядеть, по мнению Прозорова. Вполне возможно, что ничего плохого в этом нет, только вот беда, когда в другой раз будут этого мужика в поход далекий звать, то пошлет этот мужик куда подальше князя вместе с воеводами, а сам дома останется и будет о семье заботиться. И хозяин целее будет, и семья станет сытая да здоровая. А таких мужиков в войске Святослава многие тысячи!

Понятно, что война против Хазарии не была заурядным походом, который имел целью банальное обогащение, конечной целью его было уничтожение давнего врага. Это было крупнейшее военное предприятие Древнерусского государства, в котором приняла участие вся страна. Дружинники и простые ратники храбро бились за свою землю на земле вражеской, они честно исполняли свой долг перед Русью. И ничего постыдного нет в том, что они поправляли свое материальное положение за счет поверженных врагов. Так всегда было, есть и будет. И не надо идеализировать наших предков, делать их добрыми и пушистыми, ведь они были детьми своего времени, времени страшного и кровавого. А тем более не нужно вкладывать им в голову собственные идейки, которые не имеют никакого отношения к реальности.

Но Прозоров с упорством, достойным лучшего применения, продолжает гнуть свою линию, восторженно вещая о бескорыстии русов и алчности хазар. А затем, сурово сдвинув брови и ткнув указательным перстом в сторону Хазарии, неистовый Лев ошарашивает нас новым глобальным утверждением: «Можно с чистой совестью заменить римлян на русов, Карфаген – на Хазарию». Так и хочется спросить писателя: сам-то понял, что сказал?

Потому что нельзя равнять наших предков и племя разбойников с берегов Тибра, которые залили кровью половину Древнего мира. Именно римляне продавали в рабство миллионы людей, опутывали своей паутиной целые государства и как пиявки высасывали жизненные силы из покоренных народов. Алчность Римской Республики не знала пределов, а ее откупщики и ростовщики стали поистине всемирным бедствием, оставив далеко позади хазарских купцов-рахдонитов. **«У всего римского народа и души волчьи, ненасытные, вечно голодные, жадные до крови, власти и богатств»** («Юстин»). Вот что думали о римлянах другие народы!

Но продолжает гудеть над Россией-матушкой гневный глас Льва Рудольфовича, продолжает он петь хвалу римским разбойникам. И вновь все выводы писателя замешаны на пафосе и эмоциях, а конкретных данных нет и в помине. По мнению «ведущего историка языческой Руси», славяне ненавидели каганат по очень простой причине: «Для них каганат был населен чудовищами – в самом прямом смысле слова. С этими чувствами можно сравнить лишь чувства древних римлян к Карфагену. Точно то же физиологическое омерзение людей Чести к людям Выгоды (а гордыня и культ выгоды неразделимы), что звучало в неистовом *Esse delendam*, «Должен быть разрушен!» Катона».

Как говорится, мели, Емеля...

Потому что Римская Республика и честь – понятия несовместимые, ибо для достижения своих целей римские сенаторы применяли пресловутое «Разделяй и властвуй», стравливая между собой целые народы, а потом уничтожая их поодиночке. И не было такой подлости, низости и гнусности, к которой не прибегли бы римские политические деятели ради достижения своих корыстных целей. Впрочем, сегодня этим же занимается некое заокеанское государство, и Лев Рудольфович может лично убедиться в смехотворности своих откровений.

С другой стороны, если уж писатель не силен в отечественной истории, хотя и объявлен «ведущим историком», то понятно, что история античная для него темный лес. Так что лучше бы он осторожнее выбирал сравнения, глядишь, и позорился бы меньше. Поскольку не русы, а хазары больше были похожи на римлян, правда, масштабы деятельности у рахдонитов были мелковаты по сравнению с размахом деятельности сыновей волчицы. Поэтому можно констатировать, что тот образ Святослава и его эпохи, который пытается навязать в массовом сознании Прозоров, не имеет ничего общего ни с самим князем, ни с тем временем, в котором он жил.

Осколки державы

Восточный поход Святослава раз и навсегда вышиб Хазарию из ряда великих держав, и началась агония некогда могучего государства. Каганат лежал в руинах, правящая элита разбежалась, а там, где когда-то стояли цветущие города, теперь чернели огромные пепелища. Стаи воронья кружили над местами жестоких сражений и над разгромленными печенегами хазарскими кочевьями. В столице Итиле едва теплилась жизнь, и теперь даже речи не было о том, что город воспрянет и заживет прежней шумной и бойкой жизнью, что вновь оживут многочисленные базары, а у причалов появятся торговые суда. Рана, нанесенная русами каганату, оказалась смертельной.

Но тем не менее Хазария продолжала жить еще какое-то время.

Возвращавшиеся на места разоренных городов жители отстраивали свои дома и начинали заниматься повседневными делами, постепенно вернулись уцелевшие в боях беки и тарханы, и стало казаться, что пусть и не сразу, но государство удастся возродить. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку постоянные набеги кочевников на хазарскую территорию ослабляли и без того неустойчивое положение страны. А добил остатки каганата сын Святослава князь Владимир.

Случилось это во время грандиозного похода на Восток, который организовал киевский князь в 985 году. Причем целью этого похода были явно не хазары, а волжские болгары, поскольку вряд ли Владимир потащился бы в такую даль, затратив значительные силы и средства для того, чтобы добить потихоньку угасающую державу. Все дело в том, что, начиная с 981 года, центр своей внешней политики сын Святослава переместил на Восток, где и постарался закончить дело, которое его могучий отец так и не довел до конца – сокрушить Волжскую Болгарию. Но обо всем по порядку.

Захватив в 980 году Киев и утвердившись в нем, Владимир начал сразу же вести активную внешнюю политику, стремясь восстановить пошатнувшееся положение Древнерусского государства. Русь была ослаблена как внутренними распрями между сыновьями Святослава, так и смутой в окраинных землях, чем и пользовались враждебно настроенные соседи. Однако новый князь действовал очень решительно, и первыми, кто ощутил это на своей шкуре, были ляхи: «В лето 6489 (981). Иде Володимиръ к ляхомъ и зая грады ихъ: Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью».

Судя по всему, князь так крепко разбил морду своему не в меру зарвавшемуся западному соседу, что у того надолго пропало всякое желание вступать с ним в борьбу, в том числе и за эти города. А ведь кусок был очень лакомый, поскольку данные города, которые в исторической литературе называют Червенскими, имели большое стратегическое значение. Расположенные на левом берегу Западного Буга, они были отличным плацдармом как для нападения на Русь, так и для нападения на Польшу – в зависимости от того, кто ими владел. Но ничего – ляхи стерпели, утерлись и до поры до времени не высывались, а только с опаской косились на восток. И лишь в 1018 году, после смерти Владимира, когда бушевала кровавая усобица между его сыновьями, ляхи рискнули вновь протянуть свои загибающиеся руки к границам Русской земли. Окаянный Святополк призвал на Русь своего тестя Болеслава I, который и заграбастал под шумок Червенские города, а также разорил Киев.

Летописец дал поистине блестящую характеристику этому польскому князю, описав как свойства его характера, так и внешний вид, в этом вы сейчас сами убедитесь: «И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен». Воистину, как живой предстает перед нами правитель Польши!

Ну да бог с ним, с Болеславом, отметим лишь, что все захваченные города с 1031 года вновь будут отвоеваны русскими и со временем войдут в состав Галицко-Волынского княжества.

Однако вернемся к Владимиру.

После войны с Польшей в этом же году князь совершает поход в земли вятичей, которые отложились от Киевского государства. И вновь победа, о чем и сообщил летописец: «Семе же лете и вятичи победи и възложи на ня дань от плуга, якоже отець его имал». Из данного текста мы видим, что, в отличие от первых князей – Олега и Игоря, Владимир проявил снисходительность, не став брать с восставших славян пеню за моральный ущерб. Не был князь скопидомом, как его предки, и не трясся над каждой беличьей шкуркой. Он оставил все, как было при его отце, считав, что вятичи этот благородный жест оценят.

Однако не оценили.

«В лето 6490 (982). Заратишася вятичи, и иде на ня Володимеръ и победи я въторое» – так кратко и емко сообщает об этом событии летописец. Казалось бы, эго дело, подумаешь, опять забунтовали, подавил князь бунт, и ладно, но так кажется только на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что случилось на Руси, когда к власти пришел Игорь, и сколько лет ему и Свенельду понадобилось на то, чтобы навести в стране порядок. Сначала восстали древляне, потом уличи, на границах появились печенеги, и в итоге государство чуть не посыпалось, как карточный домик. К чести Игоря и его воеводы, они со своей задачей справились, пусть даже и не сразу и ценой большой крови.

То, что ситуация сможет повториться при вступлении на Киевский стол Владимира, было весьма вероятно, но новый князь постоянно действует на опережение, громя своих врагов поодиночке. Мы не знаем, увеличил ли он после этого похода дань для своих подданных-смустьянов, но то, что не отменил, это уж точно, недаром в «Памяти и похвале князю Русскому Владимиру» говорится об этом событии не двусмысленно – «вятичей победил и дань на них положил». Скорее всего, именно во время этого похода у князя и созрел замысел войны против Волжской Болгарии. Сын Святослава отдавал себе отчет в том, что борьба с болгарами будет трудной, но у него перед глазами стоял пример великого отца, который сумел сокрушить Хазарский каганат, государство гораздо более сильное как в военном, так и в политическом отношении.

А шансы на победу у молодого князя были изначально, поскольку в его распоряжении имелись все силы Киевской державы, да и войска поверили в своего полководца. В случае успеха перед Владимиром открывались заманчивые перспективы, поскольку, закрепившись на Волге, он мог дать новый импульс Волжско-Каспийскому торговому пути. Правда, начало войны против

Волжской Болгарии пришлось отложить.

В 983 году Владимир громит ятвягов и покоряет их земли. Понятно, что не просто так пошел на это беспокойное племя походом киевский князь, ведь бороться с их набегам придется даже Даниилу Галицкому.

На следующий год забузили радимичи, и вновь молодой киевский князь ведет полки не на Волжскую Болгарию, а на славянскую землю. Очевидно, радимичи тоже вдоволь нахлебались от своих «освободителей» из Киева, а потому решили избавиться от докучливой опеки и дать бой княжеским полкам.

Но боя не получилось.

Происходившее дальше больше напоминало анекдот: командующий передовым полком воевода Волчий Хвост опрокинул на реке Пещане мятежную рать и разогнал воинство восставших. Молниеносный разгром радимичей настолько поразил современников, что породил в народной среде поговорку, которую не без удовольствия зафиксировал летописец: «Пещаньци вольчьа хвоста бегаютъ». В итоге бунтовщики вновь склонились перед Киевом, а храбрый воевода получил свое место в истории.

Лишь в 985 году Владимир начал наступление на Волжскую Болгарию, планируя поступить с ней так же, как Святослав с Хазарией. Сын, как под копирку срисовав действия отца, отправил пешую рать на ладьях по воде, а конницу пустил берегом. Правда, вместо печенегов в этот раз на Восток шли торки. «В лето 6493 (985). Иде Володимиръ на Болгары съ Добрынею, уемъ своимъ, в лодьях, а Торкы берегомъ приведе на конехъ» (*Новгородская I летопись младшего извода*). Скорее всего, князь шел на Волжскую Болгарию тем же путем, что и Святослав, – сначала по Днепру, затем по Десне и Сейму в район современного Курска, а там уж по Оке до Волги. Но самое главное было в том, что теперь он шел по **своим землям** и ему не надо заигрывать с вятичами, как это делал его отец.

Однако здесь неожиданную смуту в умы вносит сообщение В.Н. Татищева. Ведь если данной информации следовать буквально, то получается, что Владимир ходил в поход на Болгарию Дунайскую, а не на Волжскую. «6493 (985) год. Владимир, собрав воинство великое и Добрыню, вую своего, призвав с новгородцами, пошел на болгар и сербов в ладьях по Днепру, а конные войска русские, торков, волынян и червенских послал прямо в землю Болгарскую, объявив им многие их нарушения прежних отца его и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же, не желая платить оного, но совокупившись с сербами, вооружились против него».

И действительно, откуда на Волге сербы? Вот тут появляется один момент, на который стоит обратить внимание. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, волжских болгар часто называли «серебряными болгарями», о чем нам и сообщает «Память и похвала князю Русскому Владимиру». А потому можно предположить, что историк мог просто напутать и вместо «серебряных болгар» написать «болгары и сербы». Но это версия, и не более того. С другой стороны, ни в отечественных, ни в зарубежных источниках сведений о том, что сын Святослава, как и отец, ходил на Дунай, нет. Зато в Пискаревском летописце сказано конкретно: «**О победе на Болгары, иде по Волзе**».

Война с Волжской Болгарией закончилась убедительной победой великокняжеской рати – «и тако победи Болгары» (*Новгородская I летопись младшего извода*). Та же самая информация содержится и в других летописях – «И победи болгары» (*Пискаревский летописец*), «И после жестокого сражения победил Владимир болгар и сербов и попленил земли их» (*В.Н. Татищев*), «и серебряных болгар победил» («Память и похвала князю Русскому Владимиру»). Цитировать можно еще долго, но факт остается фактом – победа Руси налицо.

Казалось, что у князя есть все шансы сотворить с волжскими болгарями то, что его отец проделал с хазарами, но внезапно дело застопорилось. В своей предыдущей книге мы отмечали, что Владимир мог отказаться от покорения Волжской Болгарии только в одном случае – если увидел, что война становится затяжной. Враг разбит, но не уничтожен, ослаблен, но не сокрушен окончательно. А на южных границах Руси уже беспокойно, «поскольку печенеги часто страну сию, набегая, разоряли» (*В.Н. Татищев*). Волны кочевников начинают накатываться на порубежье, и трудно сказать, что может произойти, если князь со своим войском завязнет на Востоке. С другой стороны, война на два фронта всегда самоубийственна для любого государства, и Владимир это прекрасно понимает.

Именно в этом контексте и следует рассматривать тот примечательный диалог, который произошел между князем и его дядей: «Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем, поищем себе лапотников» (*«Повесть временных лет»*) . Трудно сказать, на каких условиях произошло замирение между Русью и Волжской Болгарией, но, по логике вещей, именно последние были в нем очень заинтересованы. Победитель-то Владимир!

Об этом же конкретно говорит и Татищев, отмечая, что князь киевский «попленил земли их, **но по просьбе их учинил мир с ними**». Понятно, что, когда земли твои «попленены», невольно мира запросишь!

Теперь вернемся к фразе про «лапотников». С ними не все так просто. Из текста летописей мы не узнаем, нашли их Владимир с Добрыней или нет, потому что как в летописных сводах, так и в труде Татищева сведения об этом отсутствуют. Василий Никитич пишет, что после заключения мира князь «возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в дома их». Остальные летописцы так же дружно отметили возвращение победоносной рати на Русь сразу же после заключения мира. И тоже ни слова о том, нашел сын Святослава «лапотников» или нет.

Зато из других источников мы узнаем о том, что дядя с племянником такую разновидность человеческой общности все же нашли. И даже можем узнать, кого же подразумевали летописцы под столь презрительным прозвищем – «лапотники». Как это ни парадоксально прозвучит, но под ними подразумевали хазар.

Вновь на помощь приходит «Память и похвала князю Русскому Владимиру», в которой сообщается, что князь «и серебряных болгар победил; и хазар, пойдя на них, победил, и дань на них положил». Заметим, что хазар князь именно победил, а не просто пришел и обложил данью. Значит, было сопротивление с их стороны, причем вряд ли противники встречались в чистом поле, скорее всего хазары просто закрылись в городах и сели в осаду. Итог такой тактики был печален, поскольку В.Н. Татищев, рассуждая о хазарах, обронил, «что Святослав и после него другие, грады их разорив, в Русь перевели и поселили».

От Волжской Болгарии до Хазарии путь удобен, достаточно по течению спуститься вниз по Волге – и все, вот оно, «логово прогресса», как именует каганат Лев Рудольфович Ворон. Чем занимались наши предки на захваченных территориях, мы уже знаем, а потому повторяться не будем. Что же касается возвращения домой, то, скорее всего, Владимир вернулся тем же путем, что и пришел – лишний раз продемонстрировав болгарам и вятичам свою силу. Это, конечно, лишь предположение, но довольно логичное.

Так государство хазар вновь подверглось тотальному разгрому со стороны киевских князей. Мало того, как мы видим, Владимир не ограничился лишь разгромом городов, а решил проблему более радикально, чем его отец, – он просто решил переселить этот народ и тем самым закрыть вопрос с хазарами навсегда. Ибо, если будет кому вернуться на пепелище, то все порушенное и сожженное будет восстановлено. А вот если возвращаться будет некому...

Но хазарской способности к выживанию можно было только позавидовать: «однако ж оставшиеся снова грады устроили и отдельною областью содержались» (*В.Н. Татищев*) . Жалкий осколок некогда могучей державы, вопреки всему, продолжал цепляться за свое существование, удивляя жизнестойкостью своих соседей. Но это уже была агония. А потому невольно напрашивается вывод о том, что Хазария не была окончательно и бесповоротно уничтожена Святославом, поскольку добил некогда грозный каганат именно его сын Владимир.

О том, как поступил с хазарами Святослав и его потомки и как сложилась дальнейшая судьба этого народа, нам поведал Василий Никитич Татищев: «При нем и после многое число их в Русь переведены и по разным городам поселены, частью сами, от печенегов страдая или для сохранения жидовства, в Русь переселились и до нашествия татар часто их воспоминают; однако ж от их жидовства в Киеве после смерти Святополка II учинилось великое смятение, многих побили, из-за чего Владимир II закон на сейме 1126-го сделал: всех жидов выгнать и впредь в Русь не впускать, что и поныне выполняется».

Косвенным подтверждением того, что оказавшиеся на Руси хазары заняли довольно видное положение в обществе, служит сообщение Устюжской летописи, где говорится о приближенных к киевскому князю Святополку II особах: «Бысть **Козарин** Петрович при Святополке Изяславиче да Ян Вышатиць». Понятно, что имя сие означает хазарское происхождение того, кто его носит, и что для Руси оно является совершенно чужим. Поэтому и выделено оно, чтобы с кем иным не

перепутать. Хазары мимикрировали и стали Петровичами. Умели они приспособиться к местным условиям. Теперь и Петрович, и Рудольфович, и даже Сидорович мог оказаться не обязательно славянином.

Впрочем, в русских былинах мы встречаем персонажа с похожим именем – Михайло Козарин. В Киевском былинном цикле это заезжий богатырь, который приехал из Галича на службу к Владимиру Святославичу.

Как видим, те хазары, которым удалось уцелеть после похода Владимира и восстановить свои города, не сумели сдержать натиска печенегов и все же были вынуждены покинуть свои земли. И отправились они по большей части именно на Русь. Правда, данное переселение вскоре вышло Руси боком, поскольку, оказавшись на ее землях, осмотревшись и сделав соответствующие выводы, хазары занялись тем, что умели делать лучше всего – выколачивать деньги с окружающих их людей. Они настолько ловко опутали своей паутиной Киев, что потребовалось грандиозное народное выступление, чтобы разорвать эту сеть и вышвырнуть незваных пришельцев с Русской земли.

Проиграв в честной борьбе, хазары перешли к подрывной деятельности, предприняв попытку проделать на Руси тот же самый трюк, что когда-то иудеям удалось проделать в самой Хазарии. То есть попытаться привить русскому кагану иудейскую веру. Раз нет силы, значит, надо действовать тонко. Издаля. Поэтому когда сын Святослава выбирал веру, то хазарские «мудрецы» пришли и к нему. «Се слышев жидове козарстии, приидоша к Володимеру» (*Пискаревский летописец*). Владимир не отказывал в беседе никому. Выбор, который ему предстояло сделать, был чрезвычайно важен. Что ж, хазарские иудеи так хазарские иудеи, почему бы князю и не послушать в научно-познавательных целях их рассказы. Правитель Киева дал «добро», и агитаторы, несущие в массы идеи о пользе иудаизма, предстали перед его светлыми очами. Автор «Повести временных лет» блестяще описал дальнейшую дискуссию: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и зайчины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Владимир был умен. Знал князь, о чем говорил, поскольку недавно сам огнем и мечом прошелся по землям хазарских иудеев и вновь рассеял последователей иудаизма по миру, лишив их очередной обетованной земли. Простым на первый взгляд вопросом «А где земля ваша?» он срезал хазарских проповедников и поставил жирную точку в дискуссии, поскольку дальше горе-миссионеры только оправдывались.

Вот и все. Попытка хазар с помощью Владимира насадить свою веру на Руси потерпела крах, и они постепенно сходят с исторической сцены. И если князья Дир и Осколд освободили Киев от хазарской дани, а Олег Вещий отжал у них громадные славянские территории, то Святослав могучим ударом обрушил величественное здание каганата. А его сын сровнял некогда могучую державу с землей. Казалось бы, все ясно и понятно, но...

Дальше все как в детском стишке. «Вновь раздался грозный рык, и на «сцене» Лев возник». Да-да, Лев Рудольфович Прозоров, о котором мы столь неосмотрительно забыли, но он ничего не забыл. Сдвинув брови теремком и метая по периметру молнии из разгневанных очей, «ведущий историк языческой Руси» стал вещать о внешней политике князя Владимира Святославича. Он, как всегда, строг и непреклонен: «Ежегодные нападения на соседние народы. Вятичи, радимичи, ятвяги.

Что характерно, все – либо славяне, либо предельно близкие славянам балты, поклонявшиеся практически тем же божествам – Диву-Диевсу, Перуну-Перкуну, Велесу-Велсу, Ладе.

Я не в силах избавиться от впечатления, что Владимир (или Добрыня) тогда уже приучал своих бойцов видеть врагов в воинах, взывающих к Перуну, рубить заслоняющихся деревянными чурами стариков, за косы оттаскивать от алтарей кричащих девушек».

Снова девки, снова красные и снова в слезах и столах! Лев Рудольфович уже собаку на данной теме съел, применяя такой истасканный прием в дело и не в дело. Как только вздувается

именитому литератору слезу из читателя выжать, так тут же на страницах его работ появляются стонущие, плачущие, кричащие и совершенно беспомощные русские девки. Так и хочется сказать: уймись, Лев Рудольфович! Оставьте девок в покое! Измочалили вы уже их своими рассказами.

Что больше всего поражает в данном абзаце, так это то, как умело «ведущий историк» включает двойные стандарты. Создается впечатление, что писатель в свое время в качестве почетного гостя присутствовал на заседаниях госдепартамента США и там научился этой гнусности. Ведь, по большому счету, Владимир на Востоке продолжает дело своего отца, и, как мы помним из летописных свидетельств, он даже дань на вятичей возложил такую же, как и Святослав. И что же получается – за одно и то же деяние отец и сын удостоиваются от писателя совершенно противоположных оценок! Что позволено Святославу, то не позволено Владимиру! Святославич заново собирает начавшее разваливаться после усобицы государство, приводит под власть Киева отпавшие славянские земли, но если за подобные деяния Игорю и Вещему Олегу Ледокол Язычества поет хвалу, то Владимира за то же самое кроет на чем свет стоит: «Начал с грабежа соседей, выбирая послабее и побогаче. Ятвяги, радимичи, вятичи, опять вятичи, ляхи... Что жертвы набегов были братьями по языку, крови, вере, его не волновало ничуть». Странно слышать причитания Ворона по поводу ятвягов, которые совершали на Русь набег с завидной регулярностью. А причислять их к тем, кто «побогаче», можно только грибов нехороших объевшись. Ятвяги – богатое племя?! Жаль, они об этом не знали! Может, перестали бы ерундой заниматься да пограничные русские городки жечь. Ну а то, что Лев Рудольфович в эту компанию и ляхов записал, вообще не лезет ни в какие ворота. Барбара Брыльска вместе со всем польским кинематографом, Генрик Сенкевич, другие польские литераторы, «Болек и Лелик», в конце концов, все это прекрасно, и отмахиваться от этого нельзя. Но от фактов тоже не отмахнешься, они вещь упрямая. А говорят они о том, что именно ляхи-поляки на протяжении 1000 лет были злейшим и постоянным врагом сначала Древнерусского государства, затем Московской Руси и, наконец, России. Для солидности добавим сюда и войну с белополяками в 1920-м, а также деятельность Польши накануне Второй мировой войны. Мало кто знает, что ляхи приняли активное участие в разделе Чехословакии после Мюнхенского сговора и вместе с Германией урвали себе приличный кусок ее территории.

Оцените сами: обры, хазары, печенеги, половцы, монголы, Казанское и Крымское ханства – все они были для Руси врагами лютыми-смертельными, но в итоге исчезли, их просто смело ветром истории. А ляхи остались, с ними конфликт тлел постоянно, порой превращаясь в огромный костер ненависти и злобы, порой затихая. Они только и ждут момента, чтобы воспользоваться трудным положением сначала Руси, а потом России и ударить исподтишка. И желательно в спину. Потому и заявление Льва Рудольфовича по меньшей мере странно.

Ну да бог с этими ляхами, дальше идет разбор похода князя Владимира на Волжскую Болгарию. Для начала поборник славянского единения в мировом масштабе делает попытку записать волжских болгар в славяне, а затем устраивается на стульчике поудобнее и продолжает вещание: «После первых же стычек Добрыня подходит к Владимиру и заявляет: «Посмотрел я пленных, все в сапогах, эти дани платить не будут. Пойдем, поищем лапотников». Владимир соглашается – и заключает мир с болгарами».

После таких откровений поневоле задашься вопросом: доколе языческий Лев будет нести всякую околесицу, подгоняя любое историческое событие под свои нестандартные теории? Во всех летописях прописано, что Владимир болгар победил и заключил с ними почетный мир, но Прозоров этого видеть не желает. У него свой подход к истории.

Провозгласив здравницу в честь языческих князей, писатель вновь сосредотачивает свое внимание на ненавистном персонаже: «А их наследник выбирает врага побезопаснее, ищет в противники безответных «лапотников». Что тут еще скажешь?»

А что по этому поводу говорит народная мудрость? Помолчишь – за умного сойдешь!

Если следовать этой мудрости неукоснительно, то тогда у вас, гражданин писатель, совесть будет чище, а у нас работы меньше. А так каждый раз приходится разбираться с этой канителью по новой. В данный момент хотим обратить ваше внимание на одну странность. Из длинного перечня противников князя Владимира, приведенного Прозоровым, тех, на кого он ходил походами в начале правления, внезапно выпал один – хазары. Ход мыслей литератора понятен – каганат уничтожил его кумир Святослав, а значит, Владимиру побеждать и облагать данью было некого. У чуда-юда должен быть только один победитель! А отсюда и все остальное, поскольку, по понятиям автора,

что-либо полезное содейать для Руси Владимир Святославич был просто не в состоянии. И уж тем более добить столь ненавистный сердцу Прозорова каганат.

Однако при этом хочется отметить тот факт, что сами легендарные князья относились к Хазарии с куда большим почтением, чем их ярый поклонник из XXI века. Недаром они носили титул каган, который за ними признавали правители других держав. Причем носили они его достаточно долго.

Первое упоминание о нем мы встречаем в «Бертинских анналах», где сказано, что в 838 году к императору Феофилу II прибыли послы, «которые утверждали, что их, то есть их народ, зовут Рос; по их словам, они были направлены к нему царем их, называемым **хаканом**, ради дружбы». Затем об этом говорит Ибн Русте: «Что же касается ар-Русийи... У них есть царь, называемый **хакан русов**». Император Византии Василий I называет князя Осколда «прегордым **каганом** северных скифов», тем самым признавая за ним этот титул. Митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» вспоминает «великааго **кагана** нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава». А затем похвала «благOVERьному кагану Ярославу, сыну Владимиру».

В Софийском соборе в Киеве есть граффити, датированное второй половиной XI века, в котором содержится просьба к Богу о помощи «кагану нашему».

Вряд ли бы князья огромного молодого государства приняли титул правителя той страны, которую презирали! Хазарский каганат был мировой державой, и это понимали все правители, чьи земли граничили с владениями Божественного кагана. Даже когда Хазария рухнула, память о ее величии осталась. Потому и приняли киевские князья титул своего восточного соседа.

Это понятно всем, кроме «ведущего историка языческой Руси».

Однообразие и предсказуемость его утверждений со временем утомляют. То, что язычники хорошие, а все остальные плохие, уже давно понятно всем, кто знаком с творчеством Прозорова. Ничего нового, судя по всему, он уже измыслить не в состоянии. Поэтому мы расстанемся с неугомонным Львом и посмотрим, сохранились ли в наших летописях какие-либо еще упоминания о хазарах. Такие сведения мы обнаруживаем. Итак...

Две рати застыли друг против друга на краю раскисшего поля. Моросил мелкий осенний дождь, по хмурому октябрьскому небу бежали обрывки туч, а резкие порывы ветра трепали десятки знамен и стягов, которые реяли над русскими полками. Здесь, на Нежатиной ниве, 30 октября 1078 года на одной стороне поля встали плечом к плечу дружины киевского князя Изяслава, его сына Ярополка, брата Всеволода и племянника Владимира Мономаха. А по другую сторону стояли полки его племянников – Бориса Вячеславовича и Олега Святославича.

Приз, который получал победитель, был поистине бесценен, поскольку на кону стояло Черниговское княжество. И с той и с другой стороны были собраны немалые силы, но для Олега и Бориса ситуация осложнялась тем, что нанятая ими половецкая орда еще не подошла. А вот их противники стянули все свои силы в кулак, и этот кулак грозил разнести вдребезги полки двоюродных братьев. Умница Олег все это прекрасно видел, а потому всячески отговаривал своего воинственного кузена от необдуманных шагов, предлагая решить дело с дядьями миром и выговорить себе достойный удел без пролития крови. Но Бориса понесло, и он только скалился в ответ на разумные речи двоюродного брата: «Смотри, я готов и стану против всех»!

Это потом уже, когда итоги битвы станут всем известны, летописец задним числом впишет в свод свое суждение о князе Борисе и его поступках: «Похвалился он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею». Впрочем, не Борис Вячеславович первый и не он последний, кто забывал старинную русскую поговорку: «Не хвались на рать едучи». Князь рвался в бой, и Олегу, несмотря на все его старания, так и не удалось удержать своего родственника от неразумного шага. Как заметил Татищев: «И, так похваляясь, пошли на бой».

Князь Изяслав в окружении родичей наблюдал, как разворачивается вражеская тяжелая конница, как теснее сбивают ряды неприятельские пехотинцы, вот-вот готовясь пойти в атаку. Киевские дружинники готовы были достойно встретить этот удар и нанести в ответ свой. В островерхих шлемах, с червлеными щитами на левом плече, закованные в брони, молчаливые и насупленные, всадники ждали команды князя. Кони под ними переминались с ноги на ногу, иногда нетерпеливо встряхивая головами. Сам Изяслав сидел на коне подчеркнуто прямо и горделиво. Мелкий противный дождь холодными каплями брызгал в лицо, заставляя князя ежиться от сырости

и холода. На бармице собрались капли, мешая князю сосредоточиться и немного раздражая. Быстрее бы уже начать. Он отер ладонью водный бисер и надел кольчужную рукавицу. Прежде чем дать последнюю команду, Изяслав еще раз окинул взором своих соратников – меченных шрамами, сечами испытанных, бедами проверенных. Такие не подведут. Отвлекаться больше было некогда. Время пришло. Было видно, как мелькнуло алое корзно Бориса, который выехал перед гриднями и, взмахнув мечом, повел дружину в атаку. Кони дружно ударили копытами в чавкающую грязь, начав медленно и тяжело брать разбег. Вытягиваясь в клин, они устремились на правое крыло великокняжеской рати.

Взметнулся над всадниками стяг Изяслава. Рев боевых рогов дружин Всеволода и его сына Владимира разорвал осенний воздух, и навстречу набирающему атакующую мощь клину двинулись закованные в броню переяславские гридни. С каждой минутой кони убыстряли свой бег, яростно хлопали на ветру княжеские стяги, а идущие в атаку бойцы опустили копья и прикрывались большими червлеными щитами.

Следом за конницей, увязая по щиколотку в грязи, оскальзываясь и матерясь, все больше отставая от своих главных сил, пошли в атаку пешие полки враждующих князей. Тысячи ратников, сжимая в руках боевые топоры, палицы, шестоперы и рогатины, ринулись навстречу друг другу. Две злые волны столкнулись на середине поля, и началась отчаянная рукопашная. Лязгало и гудело железо, трещало дерево, и только яростная ругань порой пробивалась сквозь весь этот невообразимый шум. От ударов раскалывались щиты, а копья, не сломленные в первой стычке, отбрасывались за ненадобностью, ибо только мешали рукопашной схватке. Теперь на поле боя царствовали кистень, булава, а то и засапожный нож. Десятки павших и раненых были моментально втоптаны в грязь озверевшими воинами, которые, кроме схватки и собственного врага, перестали что-либо замечать.

Конные дружины схлестнулись в жестокой рубке. Удача сразу же отвернулась от Олега и его воинства. В первой же сшибке от сильного копейного удара князь Борис вылетел из седла и тут же был затоптан копытами коней своих же, мчавшихся позади него, дружинников. Такой быстрой и нелепой смерти молодого князя никто из его людей не ожидал. Битва еще не успела начаться, а одна из сторон уже осталась без своего предводителя. Такого расклада Олег с воеводами даже предположить не могли! Дружинники растерялись, опешили, осадили коней и затоптались на месте. Ситуация сразу стала критической и могла обернуться полным крахом. Воеводы изо всех сил старались сплотить вокруг себя гридней, но им нужен был князь. Чтобы ободрить воинов и снова повел их в бой.

Что-то предпринимать нужно было немедленно. Малейшее промедление грозило катастрофой. Олег понимал, что гибель Бориса скажется самым негативным образом на ходе сражения. Противник и так сильнее, а после гибели брата шансы на победу стали вовсе минимальными. Войска долго не продержатся. Оставался единственный шанс. Небольшой, но и его надо было использовать. И Олег поскакал туда, где под напором переяславцев откатывалась назад дружина Бориса. Крича до хрипа и срывая горло, он сбросил с намокших от напряжения волос свой золоченый шлем и постарался привлечь к себе внимание отступающих гридней. Укрепив княжеский стяг, Олег показывал воинам, что князь есть и он рядом. Что он сражается вместе с ними, а значит, есть шанс на победу, есть ради чего драться. Он успел, да и действия воевод оказались своевременными. Отход удалось остановить, и сеча продолжилась с прежним остервенением. Теперь, когда князь видел, что воины погибшего Бориса будут рубиться до конца, он посчитал, что пришло время для нанесения решающего удара. Используя свой последний шанс, Олег Святославич решил всеми имеющимися в его распоряжении силами ударить по вражеской пехоте и, развалив ее строй, обратить в бегство. Если план удастся, то, пользуясь суматохой и неразберихой, на плечах бегущей пехоты навалиться на дружину Изяслава и разбить ее раньше, чем Всеволод и Владимир добьют гридней Бориса.

Потянув из ножен меч, Олег приказал трубить атаку, и монолитный строй его дружинников обрушился на пешее киевское воинство. Пехоте всегда тяжело противостоять тяжелой коннице, особенно профессиональной. Какое-то время ратники Изяслава сдерживали натиск, а затем начали отступать. Видя, что его пешая рать вот-вот побежит, Изяслав велел своему сыну Ярополку с киевскими гриднями обойти полки Олега и ударить им в тыл. Остановив своего рысака гнедой масти прямо посреди сечи, Изяслав тяжело прыгнул с коня и, взяв в руки громоздкий боевой топор, который не каждому было по силам поднять, отправился в самую гущу сечи. Туда, где

отчаянно напирала вражеская пешая рать.

Появление в первой шеренге бойцов самого киевского князя быстро изменило настроение воинов. Был Изяслав ростом высок, плечист, и силушкой бог его не обидел. Могучий, грузный, повадками похожий на медведя и гнувший руками подковы, он один мог изменить ситуацию на этом участке боя. Страшными ударами князь громоздил вокруг себя вражеские тела, с одного замаха раскалывая щиты и головы, разрубая шишаки да панцири, отсекая конечности. Жилы на его шее вздулись, а лицо стало багровым от напряжения, но он, не останавливаясь, не переводя дыхание, вел свою кровавую охоту. Олеговы ратники шарахались в разные стороны от такой машины для убийства. А исполин в забрызганных кровью и грязью доспехах, утробно рыча, упорно продвигался вперед, ведя в атаку своих бойцов. Смяв вражескую пехоту, пешая киевская рать врезалась в ряды конных дружинников Олега, и те подались назад. Теперь бой кипел всюду. Строй был потерян. Всадники и пешие воины смешались в общую свалку. Изяслав, увлеченный боем, глубоко вклинился в неприятельские построения. Он видел страх в глазах простых пешцев, видел, как они избегают встречи с ним лицом к лицу, очевидно понимая, что на этом поле он и есть сама смерть. Это была его охота. И Изяслав продолжал прокладывать свой кровавый путь, не зная ни усталости, ни жалости. Казалось, что нет на земле силы, способной остановить его, способной принять его вызов. Но тут один из вражеских всадников, в разодранной в клочья кольчуге, оставшийся без щита, но еще хранящий боевой пыл, подъехал к нему сзади и нанес короткий, сильный, стремительный удар копьем в плечо. Тяжелое обоюдоострое перо пробило панцирь, кольчугу и глубоко вошло в тело. Изяслав грузно рухнул лицом в вязкую холодную грязь. Рухнул, разбрызгивая по сторонам черные, как вороново крыло, комья и роняя наземь свой громадный боевой топор. Упал, чтобы уже никогда не подняться.

И натиск киевлян замедлился.

Но в этот момент в тыл полкам Олега ударили гридни Ярополка, а переяславцы Мономаха сумели наконец опрокинуть дружину Бориса и погнали ее прочь с поля. Вот тут воины Олега дрогнули. Дружинники стали разворачивать коней и убегать с места сражения, пехота какое-то время отбивалась, а затем, бросая оружие и стяги, также обратилась в бегство. Видя, что все кончено, Олег бросил в ножны свой окровавленный зазубренный меч и, уповая теперь лишь на резвость коня, покинул поле битвы. Разгром был полный, большая часть воинства мятежных братьев была перебита или попала в плен – «а прочие либо побиты, либо пленены» (В.Н. Татищев)

Пока победители скорбели по погибшему киевскому князю и делили добычу, Олег стрелой летел на юг, надеясь укрыться в Тмутаракани, где княжил его старший брат Роман Святославич: «и побежал Олег с небольшой дружиной, и едва спасся, убежав в Тмутаракань» («Повесть временных лет»). В Тмутаракани беглеца приняли со всевозможным почетом, и брат Роман сразу же обозначил перспективы их ближайшего будущего: оружие не складывать, мира с родичами не иметь, а поднять половцев и идти на Русь добывать себе удел. Хотя бы тот же Переяславль отобрать у Всеволода.

Сказано – сделано, и в 1079 году князь Роман во главе половецкой орды пришел к Переяславлю. Всеволод, который после битвы на Нежатиной ниве стал не только киевским князем, но и сумел наложить лапу на Чернигов, вызов принял. На выручку городу явились киевская и черниговская дружины, но Всеволод не хотел лить русскую кровь, а потому решил действовать хитростью. В «Повести временных лет» об этом написано кратко и емко: «Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава». Правда, Татищев существенно дополняет это известие, когда рассказывает о реакции князя Романа на действия союзных половцев: «Роман, видя то, **озлобился на князей половецких, что его обманули**, из чего учинилась между ними вражда, и половцы убили Романа августа 20-го дня, кости же его лежат и до сих пор там». Князя понять можно, а реакция его на происшедшее вполне естественная, поскольку союзники, мягко говоря, его просто продали. В ответ Роман, наверное, сказал ханам все, что он думает о них и их предках до последнего колена включительно, а те этого не стерпели. Князь погиб, а на Руси одним смутьяном стало меньше.

Но пострадал от своей несдержанности не только Роман. Все это вышло боком его брату Олегу, который в это время находился в Тмутаракани. И вот здесь на сцену выходят хазары. Вот что сообщает об этом «Повесть временных лет»: «А Олега хазары, захватив, отправили за море в

Царьград. Всеволод же посадил в Тмутаракани посадником Ратибора». Вот так, коротко и ясно. Татищев же опять сообщает более подробную информацию: «А казары, **озлобясь на Олега**, брата его, поймали и свезли за море в Константинополь и отдали в заточение».

Вот как бывает – Роман озлобился на половцев, и те его убили, а казары озлобились на Олега, налетели, повязали и отправили в неизвестном направлении. Если же говорить о казарах, то это были, скорее всего, потомки тех, кто проживал в Тмутаракани еще до похода Святослава на Восток и, в отличие от своих многочисленных соплеменников, не ударились в бег, а остались на родине. С другой стороны, там однозначно проживали и потомки тех, кто бежали в Тмутаракань из разрушенных войнами Владимира хазарских городов, спасаясь от мечей русов. Правда, в данный момент они являлись подданными тмутараканского князя, что и подтверждается информацией Татищева: «Сии казары, по-видимому, подданными были». Поэтому ничего удивительного в том, что в этом русском княжестве проживало достаточно много хазар, мы не видим. Государства нет, а народ остался!

Здесь мы имеем возможность наблюдать довольно интересный исторический парадокс. Дело в том, что, приняв иудаизм, казары теперь невольно повторяли судьбу своих учителей-иудеев, которые в данный момент так же не имели своего государства, хотя и существовали как народ. Ведь, как мы помним, достаточно много хазар оказалось на Руси, где они и проживали до поры до времени. Воистину, с кем поведешься...

Но нас в данный момент интересует другой вопрос: почему казары Тмутаракани так озлобились на Олега, что, повязав его по рукам и ногам, отправили в Константинополь? Что им за польза была от этого? И чью волю при этом они исполняли? Бытует версия о том, что это было сделано по приказу византийского императора. Ничего невероятного нет. Прецеденты, когда базилевсы вмешивались в жизнь Тмутараканского княжества, были. И самый показательный из них связан с судьбой князя Ростислава.

Он был сыном новгородского князя Владимира Ярославича, старшего сына мудрого Ярослава. Иоакимовская летопись дает ему такую характеристику: «Сей Ростислав был муж в воинстве храбрый, возрастом средний, лицом красивый, милостив убогим» (*В. Татищев*) . «Бе бо Ростислав муж добр на рати, возрастом леп, лицом красен и милостив убогим и нищим» (*Пискаревский летописец*) . О том же и «Повесть временных лет»: «Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим». Как говорится, ничего лишнего.

Судьба князя была сложной, поскольку его отец, Владимир, умер в 1052 году, так и не побывав на Киевском престоле. А соответственно этого права лишался и Ростислав вместе со своими потомками. Но это было еще полбеды. Молодой князь получил в удел Ростов и Суздаль и был этому рад, но в дальнейшем дядя, отняв у Ростислава этот удел, перевели его во Владимир-Волынский. По сообщению Иоакимовской летописи, князь, «не желая тем доволен быть», решает сам стать хозяином своей судьбы и бежит из своего удела в Тмутаракань, откуда и изгоняет своего двоюродного брата Глеба, сына Святослава Ярославича. Вот здесь, далеко от Киева, в окружении недружественных к Руси народов, Ростиславу есть где развернуться и найти применение своим многочисленным талантам.

Но это понимают и на Руси. Черниговский князь Святослав, отец изгнанного Глеба, собирает полки и идет на Тмутаракань. Однако Ростислав неожиданно уходит из города, и черниговская рать занимает Тмутаракань. Но вот что интересно – ни один летописец не упрекает Ростислава в трусости, все в один голос заявляют о том, что князь просто не желал проливать кровь родичей. Князь оставил столицу княжества «не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять» («*Повесть временных лет*») . «Ростислав вышел из города и удалился, не желая против стрья своего оружия поднять» (*Иоакимовская летопись*) . «Ростиславъ же выступи кроме из града, не убоявсья его, нь не хотя противу строю своему оружия взяти» (*Новгородская I летопись младшего извода*) . «Ростислав же отступи кроме града, не боясь его, но не хотя противу стрыеви своему оружия взяти» (*Пискаревский летописец*) .

Случай довольно редкий в истории Древней Руси, когда один князь в борьбе за удел по моральным соображениям не вступает в вооруженную борьбу с претендентом. Но Ростислав был не только порядочным человеком, он был еще и прекрасным стратегом, поскольку понимал, что Святослав вечно сидеть в Тмутаракани не будет, у него и на Руси дел полно. В итоге все так и получилось – едва черниговский князь ушел, оставив Глеба в Тмутаракани, а Ростислав уже тут

как тут. «Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему. Ростислав же сел в Тмутаракани» («*Повесть временных лет*»). Вот и все, и никакой крови.

И началась для Тмутаракани другая жизнь. Новый князь никуда из нее уходить не собирался, а решил сделать ее своей вотчиной, чтобы завещать детям и внукам. Ростислав понимал, каким злом является существующий на Руси порядок наследования уделов не по прямой линии, от отца к сыну, а от брата к брату. Поскольку сам с лихвой нахлебался этого счастья. Отсюда его действия и дальнейшие планы на будущее. Ведь как только Ростислав здесь закрепится окончательно, то никто и никогда его отсюда не выбьет, поскольку полкам от Руси до Тмутаракани топать и топать, а брать город долгой осадой тоже бессмысленно – нужен флот и масса времени. А это князья вряд ли себе могут позволить, поскольку в степях появился новый опасный враг – половцы.

Начал молодой правитель очень хорошо: «Ростислав, сын Владимиров, князь Владимира и Червени, брал дань от кософов и ясов и от иных стран» (*В.Н. Татищев*). Это подтверждается всеми летописными сводами. А значит, Ростислав совершает походы против этих народов, и походы победоносные, потому что просто так дань платить не будет никто. Князь действует молниеносно, по примеру своего великого предка Святослава, поскольку все это он успевает сделать в течение года. Причем действительно действует настолько успешно и делает столь солидный задел на будущее, что вызывает страх у могущественной Византии. А это дорогого стоит!

«Сего убоявшеся грець», – сообщает Пискаревский летописец. Эту же информацию подтверждают все остальные летописные своды, которые ведут рассказ об этих драматических событиях. И это в самом начале правления, а что же будет дальше? А дальше вывод напрашивается простой: как только Ростислав почувствует себя достаточно сильным, он одним ударом прихлопнет все владения Империи в Крыму. И не поморщится. Пример князя Владимира Святославича, взявшего Херсонес у Ростислава перед глазами, а из Тмутаракани до этого форпоста Византии в Тавриде рукой подать.

Но силой ромеи ничего уже не могут с Ростиславом сделать, он уже слишком силен, и вооруженный конфликт с ним может привести к самым тяжелым последствиям для Империи в Крыму. В таком случае на первый план выходят хитрость и подлость.

Правители Херсонеса настолько боялись князя Тмутаракани, что, не рискуя встретиться с ним в открытом бою, «обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, он вошел к нему в доверие, и чтил его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу; а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось» («*Повесть временных лет*»). Вот и все. Был у Руси свой герой, и теперь его не стало. Был у Тмутаракани шанс превратиться в одно из сильнейших и богатейших русских княжеств, а теперь он исчез. Так и останется она глухоманью для русских людей, а позднее даже станет именем нарицательным для какого-нибудь захолустья. А имя Ростислава будет забыто, ведь князья помнят лишь за их деяния, а не за те намерения, которые они хотели осуществить. А жаль...

Правда, бог шельму метит, и шпион-котопан, отравивший князя, от возмездия не ушел. Зря он язык свой распускал, хвастаясь совершенной подлостью, слухи об этом дошли до граждан Херсонеса, а у них был несколько иной взгляд на проблему. Опасаясь мести со стороны русских, они выследили негодяя и насмерть забили камнями. Вот так трагично закончилось столь блестяще начавшееся княжение князя Ростислава, которое могло очень сильно укрепить позиции Руси в этом регионе. Но вмешалась Империя, и все пошло прахом.

Но вернемся к Олегу. Действительно ли все свершилось по воле императора Византии? Или были другие силы, которые оказали влияние на хазар Тмутаракани? На наш взгляд, византийцы лишь частично приложили к этому руку, главным инициатором подобного действия был совсем другой человек. И звали этого человека Всеволод Ярославич, Великий князь киевский.

В том, что Всеволод был очень толковым политиком, мы убедились, когда он сумел договориться с половцами и сорвать амбициозные планы князя Романа. Без пролития крови была решена достаточно сложная проблема. То же самое произошло и с Олегом – идти и осаждать Тмутаракань у киевского князя не было ни малейшего желания, а потому и пустил он в ход проверенное средство – дипломатию. Договориться с тмутараканскими хазарами было не сложно, поскольку деньги всегда являлись для этого народа приоритетом. С другой стороны, князь мог

обещать им налоговые послабления и некоторые торговые льготы, а это было более чем достаточно, чтобы стороны договорились. Недаром «Повесть временных лет» отмечает, что после пленения Олега «Всеволод же посадил в Тмутаракани посадником Ратибора». А для хазар это означало одно – князь свои обещания выполнит.

Но Всеволод не был бы Всеволодом, если бы только на этом остановился. Хитрец мыслил гораздо шире многих современников, а потому подключил к делу византийское правительство. Благо сам Всеволод был женат на византийской принцессе из рода Мономахов, а потому никаких проблем здесь возникнуть не могло. В итоге Олега «свели за море в Константинополь и отдали в заточение» (В.Н. Татищев).

Два года князь провел в ссылке на острове Родос, однако мыслил он не менее оригинально, чем его дядя Всеволод, и в итоге по истечении двух лет оказался снова на свободе. Скорее всего, одной из причин того, что византийский плен князя закончился так быстро, стало то, что он женился на знатной гречанке Феофании Музалон. Новые родственники могли и поспособствовать в освобождении Олега, который сразу отправился в Тмутаракань.

А там за два года многое изменилось. Хазары недолго наслаждались своей удачей, подсчитывая барыши от выгодной сделки, идиллии скоро пришел конец. Поскольку в 1081 году в Тмутаракани объявились сразу два князя-изгоя: Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич. И что примечательно, Володарь был сыном того самого Ростислава, которого загубили византийцы. Посадник Ратибор был схвачен, и власть перешла в руки новоявленных правителей. Как это отразилось на хазарах, мы не знаем, зато нам известно о том, что произошло в Тмутаракани, когда туда явился Олег.

«В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмутаракани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил» («Повесть временных лет»).

Вот и все. В очередной раз оправдалась поговорка на тему «Не рой другому яму...». Потому как нельзя построить свое счастье на чужой беде, но сия прописная истина хазарским ростовщикам и торговцам была неведома. Для нас же важно другое – народ хазар, некогда построивший могучее государство, которое могло на равных противостоять мировым сверхдержавам того времени – Византийской империи и Арабскому халифату, в итоге скатился до мелких пакостей, за деньги отлавливая князей-изгоев. Вот так и проходит слава земная. Что и говорить, урок поучительный.

Долгое время здание Хазарского каганата грозно высилось над соседними народами и казалось незыблемым. Но постепенно оно ветшало, в некогда твердом фундаменте появились трещины, стали выпадать отдельные кирпичи, и в итоге оно зашаталось. Налетевший ветер времени обрушил его и развеял в прах. От могучего Хазарского государства остались лишь легенды.

Список литературы

- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги: Русско-скандинавские отношения домонгольского времени. Славяне и скандинавы / под ред. Е.А. Мельниковой. М.: 1986.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. Л.: ЛГУ, 1978.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах (пяти книгах). Репринт с изд. 1965-1966 гг. М.: Ладомир, 1996.
- Татищев В.Н. История Российская. В 3 т. М.: АСТ, 2005.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 3 томах. М.: АСТ: Ермак, 2004.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993.
- Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.
- Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985.

- Повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1983.
- Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас: Педагогический институт, 1993.
- Кузьмин А.Г. «Откуда есть пошла Русская земля...». М.: Молодая гвардия, 1986.
- Егоров К. Образование Киевской Руси. М.: АСТ, 2000.
- Сапожников, Сапожникова. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). Европа, 2010.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / Назаренко А.В. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том III. Восточные источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. Восточная литература, РАН. М., 1994.
- Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. М.: Русская панорама, 2009.
- Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М.: SPSSL-Русская панорама, 2011.
- Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1981.
- Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хайата ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998.
- Ласкин Гавриил. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» // Чтения ОИДР. Ч. 1. 1899.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989.
- Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.
- Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Заходер Б.М. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX – X вв. М., 1962.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Артамонов М.И. История хазар. Под редакцией и с предисловиями Гумилева Л.Н. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
- Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. Отв. редактор д.и.н. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1993.
- Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1986.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Наука, 2002.
- Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Раннее русское летописание XI-XII вв. СПб.: Наука, 2003.
- Шахматов А.А. История русского летописания. Том 2. Обзор летописей и летописных сводов XI-XVI вв. СПб.: Наука, 2011.
- Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: 1977.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979.
- Тихомиров М. Древнерусские города. СПб.: Наука, 2008.
- Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971.
- Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л.: ЛГУ, 1978.
- Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
- Брайчевский М. Утверждение христианства на Руси. Киев: Наукова думка, 1989.
- Брайчевский М. Когда и как возник Киев. Киев: Наукова думка, 1964.
- Древнерусские княжества X-XIII вв. М.: Наука, 1975.
- Разин Е. История военного искусства VI-XVI вв. СПб.–М.: Полигон, АСТ, 1999.

- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.-Л.: Наука, 1966.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Т. II. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2012.
- Королев А.* Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011.
- Каргалов В., Сахаров А.* Полководцы Древней Руси. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1991.
- Прозоров Л.* «Иду на Вы!» Подвиги Святослава. М.: Эксмо, Яуза, 2010.
- Прозоров Л.* Святослав Храбрый. Русский бог войны. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
- Прозоров Л.* Кавказский рубеж Руси. М.: Яуза, Эксмо, 2011.
- Толочко П.П.* Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1976.
- Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев: Наукова думка, 1987.
- Толочко П.П.* Власть в Древней Руси X-XIII веков. СПб.: Алетейя, 2011.
- Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.
- Толочко П.П.* Демография древнего Киева. «Наука и жизнь», № 4, 1982.
- Каргер М.К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Том II. Памятники киевского зодчества X-XIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1961.
- Никольская Т.Н.* Земля Вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII веках. М.: Наука, 1981.
- Горский А.А.* Древнерусская дружина. М.: Прометей, 1989.
- Долгов В.В., Савинов М.А.* Дружинники Древней Руси. Русские рати в бою. М.: Эксмо, Яуза, 2012.
- Храбрые русичи: Слово о полку Игореве. Военские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1986.
- Лызлов А.* Скифская история. М.: Эксмо, 2012.
- Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М.: Экопрос, 1992.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: 1998.